

Ю.Н.ВОРОНОВ

ДИОСКУРИАДА-
СЕБАСТОПОЛИС-
ЦХУМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**Серия «Страницы истории
нашей Родины»**

Ю. Н. ВОРОНОВ

**ДИОСКУРИАДА —
СЕБАСТОПОЛИС —
ЦХУМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1980

В 75 Воронов Ю. Н. Диоскуриада — Севастополь — Цхум. — М.: Наука, 1980 — 128 с., ил., 2 л. ил. — (Серия «Страницы истории нашей Родины»).

Сухуми — столица Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики, крупный причерноморский курорт — был основан 2500 лет назад. Диоскуриада, Севастополь, Цхум, Сухум-кале — каждое из этих названий отражает определенный этап в жизни одного из крупнейших торговых и ремесленных центров античной и средневековой эпохи в Восточном Причерноморье. Здесь строились крепости, чеканилась собственная монета, изготавливались утварь, оружие, украшения, торговые пути связывали город со многими десятками центров Европы, Азии и Африки. Он неоднократно подвергался разгрому и опустошению и вновь вставал из руин. О древней и средневековой истории Сухуми, о результатах археологических исследований на его территории и в окрестностях рассказывает эта книга.

Ю. Н. Воронов — старший научный сотрудник Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР, кандидат исторических наук, автор книг «Археологическая карта Абхазии» (Сухуми, 1969), «Тайна Цebelдинской долины» (М., 1975), «Древности Военно-Сухумской дороги» (Сухуми, 1977), «В мире архитектурных памятников Абхазии» (М., 1978), «Древности Сочи и его окрестностей» (Краснодар, 1979) и более 70 статей по древней истории и археологии Восточного Причерноморья. С 1959 г. Ю. Н. Воронов ведет археологические исследования на территории Сухуми и в его окрестностях.

5.7

Ответственный редактор

доктор исторических наук Д. Б. ШЕЛОВ

В $\frac{10602-261}{054(02)-80}$ БЗ-26-27-80 НП 0507000000

© Издательство «Наука», 1980 г.

Несколько лет тому назад в серии научно-популярной литературы издательства «Наука» вышла книжка И. Т. Кругликовой «Синдская гавань — Горгиппия — Анапа», рассказывающая об истории одного из приморских городов Северного Кавказа. Книжка сразу исчезла с прилавков магазинов и вскоре понадобилось новое издание ее: потребность в такой литературе оказалась чрезвычайно велика. Теперь читатель получает новую подобную книгу, посвященную истории другого города Кавказского Причерноморья — Сухуми.

Столица автономной советской социалистической республики Абхазии город Сухуми — один из древнейших городов нашей страны, он был основан 2,5 тысячи лет тому назад. На протяжении своей многовековой истории город неоднократно разрушался и вновь восстанавливался, приходил в запустение и снова достигал расцвета, несколько раз менял свое название, то служил экономическим и политическим центром для населения окружающего района, то захватывался иноземными пришельцами. Богатая событиями драматическая судьба древнего города получила некоторое отражение в письменных источниках — в сочинениях греческих и римских географов, в средневековых летописях и документах, в описаниях западноевропейских путешественников нового времени. Но все эти сведения очень случайны, отрывочны и не могут дать сколько-нибудь целостного представления об истории Сухуми в разные ее периоды. Гораздо больше могут рассказать археологические памятники города и его окрестностей, в которых отразилась материальная и духовная культура населения, обитавшего на территории Абхазии на протяжении нескольких тысячелетий.

Автор настоящей книги Ю. Н. Воронов — известный советский археолог. Более 20 лет он ведет археологические разведки и раскопки в Сухуми и в других пунктах

Абхазской АССР. И рассмотрение археологических памятников Абхазии составляет основное содержание его книги. В ней описаны и изображены на таблицах открытые при археологических исследованиях древние сооружения и погребения, керамика и орудия, оружие и украшения, надписи и монеты, относящиеся к разным эпохам, но все происходящие из Сухуми или его окрестностей.

Изучение этих археологических реалий может очень много сказать о быте и культуре древних людей, об экономической, социальной, этнической истории населения, оставившего эти вещественные памятники. Но для того чтобы древние вещи стали полноценным историческим источником, нужно правильно их истолковать, заставить их «заговорить», сопоставить друг с другом и с показаниями письменных свидетельств. Историческая интерпретация одних и тех же археологических фактов разными исследователями далеко не всегда совпадает, и на одних и тех же материалах могут быть иногда построены различные гипотезы и сделаны различные выводы.

В отношении истории города Сухуми трудности толкования археологических материалов усугубляются тем, что сами эти материалы очень неполны и фрагментарны, а систематические археологические исследования города невозможны — часть его древней территории поглощена морем, а другая часть лежит под современными постройками и улицами и практически недоступна для планомерных исследований.

Малочисленность и фрагментарность источников по истории города до некоторой степени компенсируется широким привлечением археологических материалов из окрестных поселений и некрополей. Одной из положительных сторон книги является то, что автор рассматривает историю Диоскуриады — Севастополиса — Цхума не изолированно, а во взаимодействии с историей окружающего района, тесно связанного с городом и экономически, и политически.

Отрывочность и неполнота наших источников, и письменных и археологических, неизбежно приводит к тому, что картина истории древнего города не может быть написана одинаково четко во всех своих частях. Некоторые стороны древней жизни освещены более ярко, некоторые периоды истории выступают более рельефно, другие прослеживаются гораздо слабее, третьи могут быть только

намечены как бы пунктиром. Автору исторического очерка приходится невольно прибегать к многочисленным реконструкциям и домыслам, обоснованным с большей или меньшей степенью уверенности.

Ю. Н. Воронов рисует картину исторического развития Сухуми и его окрестностей сообразно своим представлениям об этом развитии, вытекающим из его анализа археологических и письменных источников. Но он не скрывает от читателя, что могут существовать и существуют и другие точки зрения, другие представления, основанные на иной интерпретации памятников. Так, например, ожесточенные споры среди советских исследователей вызывает вопрос о характере греческой колонизации Восточного Причерноморья и о социально-политическом статусе греческих поселений в этом районе, в том числе и древней Диоскуриады. Иногда автор высказывает предположения, которые пока никак не могут быть обоснованы, а построены лишь на логических рассуждениях. Такова, например, гипотеза о том, что Диоскуриада была резиденцией наместников Митридата Евпатора, а затем столицей Аристарха Колхидского. Только дальнейшее накопление материала позволит либо подтвердить такие гипотезы, либо опровергнуть их. Но поскольку читатель легко может разобраться в том, где автор приводит твердо установленные факты, а где предлагает собственные реконструкции или гипотезы, выдвижение таких гипотез представляется оправданным.

Читатель получает в книжке Ю. Н. Воронова общий очерк истории города Сухуми и его района на протяжении почти 2,5 тысяч лет, от его возникновения до вхождения Абхазии в состав России. Этот очерк написан на основании тех данных, которые накоплены наукой на сегодняшний день. Нет сомнений, что дальнейшие историко-археологические исследования внесут новые уточнения и дополнения в наши знания об истории этого уголка нашей Родины.

Д. Б. Шелов,
доктор исторических наук

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Передвижения всегда играли видную роль в истории человечества. Но, отдавая дань своей неумемной тяге к перемене мест, люди постоянно искали и удобные пункты для остановки, для более или менее длительного обитания. Вот почему возникли первые стойбища, затем поселения, и, наконец, города.

Для путешествующих по морю такими пунктами были спокойные бухты, тихие гавани, где можно и от бури укрыться, и с корабля на берег сойти беспрепятственно, и на корабль доставить все необходимое.

2500 лет назад греки, отправившиеся на поиски новой родины, выбрали для основания города берега современной Сухумской бухты. Торговые пути связали вновь созданный город, с одной стороны, со множеством центров греческого мира, а с другой — с многочисленными племенами аборигенов, обитавших на южных склонах и в прибрежной части Западного Кавказа.

Прошли столетия, и на берегах Сухумской бухты появились иные иноземцы. Римляне в первую очередь интересовали ее стратегические достоинства: с одной стороны, удобство доставки войск, снаряжения и продовольствия, с другой — возможности для организации заслона на путях проникновения воинственных варваров, постоянно пробивавшихся через Кавказ к восточным провинциям Римской империи. И, конечно, перспективы торговли, ориентировавшейся и на непосредственное окружение города, и на более далекие районы.

Новый расцвет город пережил в эпоху развитого средневековья, когда гостеприимная бухта опять привлекла внимание чужестранцев, преследовавших теперь уже почти исключительно торгово-экономические цели. Византийцы, а затем генуэзцы доставили ему славу богатейшего торгового центра. Позднее здесь возникла одна

из наиболее значительных в Восточном Причерноморье турецких военно-морских баз.

Древняя и средневековая история Сухуми — это на первый взгляд история пришельцев: греков, римлян, византийцев, гепуэзцев и турок. Но лишь на первый взгляд. Весь окружающий мир — природа и люди — наложил на нее неизгладимый отпечаток. История пришельцев и история местных племен и народов, в первую очередь предков современных абхазов, тесно переплелись.

Ниже читателю представляется возможность шаг за шагом проследить 2500-летнюю историю Сухуми. Археологические исследования на территории города и в его окрестностях только разворачиваются, большие трудности встречаются на пути трактовки тех или иных сообщений древних авторов, но то, что уже известно, раскопано, осмыслено, позволяет сделать ряд интересных выводов, приоткрыть еще одну страницу истории нашей Родины.

Введение

ТОПОГРАФИЯ. ПОИСКИ. ГИПОТЕЗЫ

Немного географии

2500 лет прошло с той поры, как на берегах современной Сухумской бухты возник город. И, хотя в славной его истории были века полного запустения и забвения, а волны морские размыли большую часть того, что погребла земля, все же сохранилось немало свидетельств его былого существования. Это и руины древних крепостных стен на городской набережной, и произведения древних ремесленников, которые можно увидеть в Абхазском государственном музее, и россыпи обломков древней посуды на распаханых вершинах окрестных холмов.

Но прежде, чем войти в малоизвестный большинству мир достопримечательностей Сухуми (рис. 1), читателю будет, думаю, небезынтересно хотя бы в общих чертах познакомиться с географическими особенностями города и его окрестностей. Обзор местности логичнее всего начать с Сухумской крепости, вот уже 2 тыс. лет представляющей собой сердцевину города.

Крепость образует в плане квадрат, три стены которого и два бастiona по углам полностью сохранились, а четвертая (южная) стена отдельными обломками устилает полосу морского прибоя за парапетом набережной. Под асфальтом скрыты основания стен еще трех укреплений, фундаменты жилых и хозяйственных построек, печь для обжига керамических изделий и другие памятники поздперимского и ранневизантийского времени. Здесь же могила Келешбея Шервашидзе, последнего феодального владетеля Абхазии.

Древние строители возводили все эти укрепления в наиболее тихом месте обширной бухты, лучшей во всем Восточном Причерноморье. С запада ее прикрывает глубоко выдающийся в море Сухумский мыс, сложенный напосаами реки Гумисты. В бухту впадает несколько небольших рек, из которых наиболее крупные Беслетка (абх. Басла, Баслата) и Келасури. Южнее расположен

Кодорский мыс, образованный наносами Кодора — крупнейшей реки Абхазии. Берега Сухумской бухты за пределами крепости представляют собой небольшую низменность, охватывающую к северу и востоку пеширокую (1—1,5 км) полосу суши, а на западе простирающуюся на 10 км до Нижней Эшеры, включая Сухумский мыс, где находится один из районов города, сформировавшийся на основе поселка Красный маяк. На территории поселка — древнее поселение и могильник, а рядом — развалины позднесредневековой Гумистинской крепости, известной также под названием Старый Сухум. Низменность окаймляют предгорья, образующие весьма прихотливый лабиринт холмов и ущелий.

С севера Сухумская низменность ограничена Лечкопским плато, где вырос теперь один из новых районов города. За ущельем реки Гнилушки (абх. Адзапш) следует гряда, на западной оконечности которой небольшое римское укрепление («башня Одынец»). На соседнем холме (гора Трапещия) стоит Институт экспериментальной патологии и терапии АМН СССР. Довольно глубокое ущелье с протекающей по дну его речкой Сухумкой (абх. Хакепсы) отделяет Трапещию от Сухумской горы, на вершине которой когда-то располагались древнее поселение и могильник, а на юго-восточном отроге — средневековый храм. За Сухумской горой скрыт холм Гуад-иху с одноименными могильником и поселениями бронзовой и античной эпох.

Юго-восточнее Сухумской горы, за ущельем Беслетки, начинается довольно сложная система параллельных хребтов. Первая гряда примечательна тем, что на ее ближайшей к морю возвышенности стоит средневековая крепость, известная под названием замок Баграта, а на наиболее удаленной от моря вершине находится поселение античной эпохи (Ахул-абаа). За ущельем безымянной речушки на территории сухумского дендропарка — еще одно поселение античного времени. Далее за ущельем реки Дзегуты тянется небольшой хребет, в юго-западной части которого на месте корпуса филиала института чая когда-то также существовало поселение. Затем идет водораздел рек Келасури и Мачары, где на вершинах ряда холмов (Капитановка, Александровка и др.) известны античные поселения, а параллельно Келасури от берега моря простирается Келасурская, или Великая абхазская, стена, поворачивающая через ущелье Мачары к Кодору.

По хребту, образующему левый берег Мачары, открыто несколько поселений позднебронзовой и античной эпох (Мачара-2 и др.), средневековая крепость и храм. Юго-восточнее, до самого Кодора, раскинулась Гульрипшская возвышенность, рассеченная на ряд параллельных хребтов небольшими речками, берущими начало на скаймляющем с северо-востока возвышенность Герзеульском хребте. На юго-западной ее оконечности, на краю обрыва к Кодору, высится Драндский собор.

За массивами холмов, едва достигающих высоты 150—200 м над уровнем моря,—передовой хребет, разрезанный на отдельные вершины наиболее крупными реками — Гумистой, Беслеткой, Келасури, Мачарой и Кодором.

На западе, в районе Нового Афона, горы подступают вплотную к морю. Здесь расположены Анакопийская крепость, храм Симона Кананита и другие исторические достопримечательности. От Иверской и Афонской гор начинается хребет Аж-Амгва, который достигает ущелья реки Гумисты. На его южных отрогах лежит село Верхняя Эшера с поселком Уаз-абаа, где находится интересная раннесредневековая крепость.

С севера город защищен горами Яштух и Бырцх, разделенными сухим ущельем, по которому когда-то текла река Восточная Гумиста, а теперь вьется дорога к поселку Каман со средневековым храмом у слияния Восточной и Западной Гумист. Древняя тропа ведет отсюда дальше к перевалу Доу, урочищу Псху и Санчарскому перевалу, выводящему на Северный Кавказ в верховьях Большой Лабы. У восточной подошвы горы Бырцх, омываемой рекой Беслеткой,— знаменитый каменный мост и развалины монастыря.

Известняковый хребет, поворачивая к югу тремя небольшими горными массивами (Чижоуш, Агыш и Апианча), пересекает пространство между Келасури и Кодором. За горами — знаменитая Цебельдинская долина с апсильскими крепостями и могильниками (Цибйлиум, Шапка и др.), мимо которых проходит древний путь к Клухорскому и Марухскому перевалам и далее на Северный Кавказ.

Хорошо укрытая от морских бурь бухта, высокие горы, надежным заслоном ставшие на пути северных ветров, многоводные речки, густые леса, полные дичи, достаточно плодородная земля и удобные тропы, уводящие

в глубь гор, издавна создавали исключительно благоприятные условия для жизни человека в этом, говоря словами одного древнего автора, отдаленнейшем уголке Причерноморья.

История поиска

Древности легендарной Диоскуриады, руины позднеантичных и средневековых укреплений и других построек на территории и в окрестностях Сухуми давно привлекают к себе внимание исследователей. Еще в 1712 г. здесь побывал французский путешественник де ля Мотрей, которому местные жители показывали несколько колонн, изуродованную голову статуи и какую-то «медаль» или монету с надписью «Диоскуриада». В 1833 г. по Абхазии путешествовал известный французский ученый Ф. Дюбуа де Монпере, который высказал мнение, что Диоскуриада располагалась в свое время не на берегах Сухумской бухты, а в 30 км восточнее, за мысом Скурча (он же Кодорский мыс).

Особенно много для изучения древностей Сухуми до революции сделал известный сухумский краевед В. И. Чернявский, который в результате многолетних поисков и наблюдений пришел к заключению, что Диоскуриада находилась на месте современного Сухуми и ее значительная часть погребена на дне Сухумской бухты. Свой вывод он основывал на том, что во время штормов на берег выбрасывалось большое количество древних предметов — монет, обломков посуды, украшений. Сбор этих вещей одно время превратился для некоторых предприимчивых жителей в настоящий промысел. «Желающий брал,— писал В. И. Чернявский,— билет от полиции с платою за него, кажется, 3-х рублей, без права, однако, тревожить цельный берег. После каждого сильного волнения моря, когда приводило в движение весь прибрежный щебень и песок, а также отмывалась часть берега, целые толпы людей бродили по берегу и рылись руками в песке. Находились в изобилии ценные предметы. Здесь же... двое рабочих нашли золотую царскую корону»¹. Другой сухумский краевед, А. Н. Введенский, тогда же сообщал о находке украшения, состоявшего «из золотого круглого обруча толщиной в гусиное перо, с привесками»².

В 1886 г. в Сухуми проводил исследования археолог В. И. Сизов. Небольшие, но очень результативные его раскопки на берегах Сухумской бухты и совершенно безрезультатная разведка на Скурче подтвердили правильность выводов В. И. Чернявского о местоположении древнего города. В. И. Сизов сделал много и по изучению памятников средневекового Цхума. «Греко-римский Диоскурий (позднее Севастополис), — резюмировал свое исследование В. И. Сизов, — находился на северном побережье Сухумской бухты, на расстоянии, приблизительно, от сохранившейся древней крепости (т. н. «турецкой») до Ольгинской улицы (современная улица Пушкина. — Ю. В.) и, вероятно, еще далее к востоку. Судя по большому количеству найденных фрагментов от греческих сосудов на небольшом сравнительно пространстве, можно думать, что население этого места было значительное и давно поселившееся, притом чисто греческое... Что же касается до местности, лежащей на юг от Сухума, по другую, левую сторону Баслаты и близко от ее устья, где произведены были мои раскопки у казармы, то местность эта, включая сюда и замок Баграта и близкие ... террасы гор, принадлежит средневековому христианскому Сухуму...; он соответствует Цхуму грузинских летописей и Акуа — абхазцев»³. Эти выводы исследователя сохранили свое значение до сих пор. Средневековые памятники Сухуми и его окрестностей нашли отражение в работах и таких известных дореволюционных исследователей, как П. С. Уварова, Д. З. Бакрадзе, А. А. Миллер, М. И. Ростовцев.

В 20-х годах большую работу по изучению древностей города проделало Абхазское научное общество. В 1925 г. А. С. Башкиров проследил в развалинах Сухумской крепости три строительных слоя, которые отнес к позднеармянской, средневековой и эпохе османского владычества⁴.

Специальный труд проблеме локализации Диоскуриады посвятил М. М. Иващенко. Основной его вывод свелся к мысли, что древний город тянулся «пеширокой полосой по берегу моря на протяжении 1,5—2 километров по обе стороны р. Беслаты, причем часть его находится на дне Сухумской бухты»⁵. Вслед за этим М. М. Иващенко и Б. А. Куфтин обследовали поселения и могильники позднебронзовой и эллинистической эпох в Нижней Эшере (к западу от Сухуми).

В конце 30 — начале 40-х годов древним памятникам Сухуми много внимания уделил Л. Н. Соловьев, опубликовавший позднее большую статью, посвященную истории города с момента его основания в VI в. до н. э. и вплоть до начала XIX в.⁶

Особенно богатый материал по древней и средневековой истории Сухуми был обнаружен в 50-х годах нашего столетия, когда очень большую работу по исследованию античных и средневековых памятников Сухуми провел М. М. Трапш. В 1951 г. он совместно с А. Н. Каландадзе изучал поселение и могильник VIII—II вв. до н. э. на Сухумской горе, в 1952—1954 гг. обширный могильник и поселение на холме Гуад-иху, в 1952 г. Трапш копал Сухумскую крепость, в 1954 г. открыл римскую башню и поселение эпохи Диоскуриады на северо-западной окраине Сухуми (участок «Одынец»), в 1954—1956 гг. исследовал античное и средневековое поселения в замке Баграта, в 1956—1959 гг. выявил поселения и полторы сотни захоронений VIII—II вв. до н. э. в поселке Красный маяк. Он же впервые опубликовал сведения о замечательной мраморной стеле конца V в. до н. э., найденной в 1952 г. вблизи устья реки Беслетки. Все эти материалы нашли отражение в ряде статей М. М. Трапша и в его исключительно ценной монографии «Древний Сухуми», увидевшей свет уже после смерти автора⁷.

В 1958—1959 гг. большой коллектив исследователей (А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Леквинадзе, М. М. Трапш, Л. Н. Соловьев, Л. А. Шерванидзе) произвел раскопки римской крепости Себастиополис, стены которой покоятся под асфальтом набережной Сухуми между современными улицами Орджоникидзе и Октябрьской. В результате был добыт огромный материал как о быте римского гарнизона в I—IV вв. н. э., так и об обитавших здесь ранее диоскурийцах.

А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе выделили на территории крепости шесть культурных слоев: нижний слой с единичными находками, относящимися к начальному периоду истории Диоскуриады V в. до н. э.; слой III—II вв. до н. э., характеризующий период экономического расцвета города эллинистического времени; слой I в. до н. э.— I в. н. э.— периода «упадка и кризиса городской жизни»; слой I в. н. э.— «периода оживления городской жизни»; слой II—III вв. н. э.— периода «расцвета городской жизни» и, наконец, верхний слой, датиро-

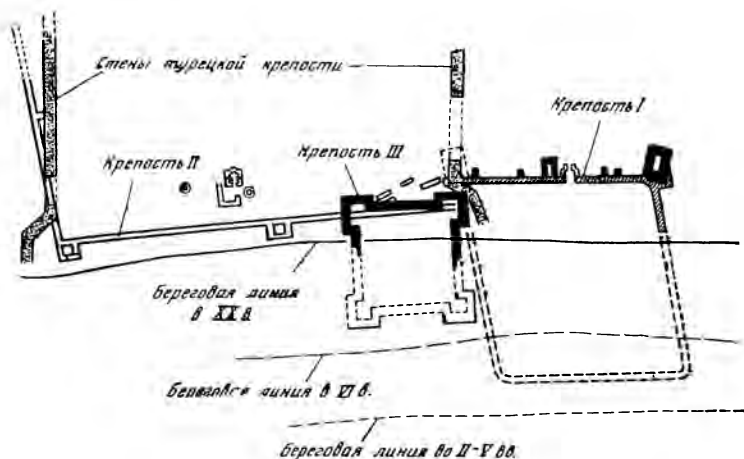

Рис. 2. План комплекса сооружений Севастополиса на Сухумской набережной II—VI вв.

ванный IV—V вв. н. э., материал которого, по мнению исследователей, свидетельствует «об интенсивной экономической жизни в городах Северо-Восточного Причерноморья в период возникновения и расцвета Лазского (Эгрисского) царства»⁸.

М. М. Трапш в соседних раскопах проследил пять культурных горизонтов: нижний слой с остатками V—IV вв. до н. э.; перекрывающий его слой с находками III—I вв. до н. э.; слой конца I—II вв. н. э.; слой III—IV вв. н. э.; верхний слой с остатками IV—V вв. н. э. и опущенными в него средневековыми погребениями. Трапш датировал западное укрепление (крепость II) II—IV вв. н. э., восточное (крепость I) — концом III—V вв. н. э., а центральное (крепость III) — временем «не ранее конца IV в. н. э.»⁹.

Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе отнесли постройку западного укрепления к I в. н. э., восточного — к I—II вв. н. э., контрфорсы восточного укрепления и крепость III — к IV в. н. э. По их наблюдениям, «нарастание темпа жизни» в крепости приходится на II—III вв., в «IV в. жизнь постепенно замирает, а к началу V в. укрепление... потеряло свое значение»¹⁰.

В. А. Леквинадзе восточное укрепление датирует I—III вв. н. э., западное — III—IV вв. н. э., а центральное — VI в. н. э.¹¹

Добытые в 50-х годах материалы по истории Диоскуриады — Себастополиса нашли затем отражение во многих работах как обобщающего, так и частного характера ¹².

К концу 50-х — 60-м годам относятся и довольно многочисленные попытки обследования памятников Диоскуриады, находившихся, согласно предположениям, на дне Сухумской бухты (В. П. Пачулиа и др.) ¹³. Правда, ничего существенно нового по сравнению с паблюдениями В. И. Чернявского выявить не удалось.

В последние годы активно изучалась сельскохозяйственная территория Диоскуриады — хора. Особенно в этом отношении показательны исследования Эшерского городища, пачатые Г. К. Шамбой и автором настоящей работы в 1967 г. На городище выявлены слои VI—I вв. до н. э., впервые в Северной Колхиде встречена богатейшая коллекция привозных и местных греческих изделий, обнаружен внушительный комплекс оборонительных, жилых и общественных каменных сооружений ¹⁴. Исключительно интересны остатки мастерских по производству различных керамических изделий, в том числе амфор с клеймом Диоскуриады, обнаруженные на восточной окраине Нового Афона (Гвандра), в Красном маяке, Эшере, Гульрипше и др. Очень важен материал, собранный и на многих других поселениях того же времени в окрестностях Сухуми (Лечкоп, Гуад-иху, Ахул-абаа, Александровка, Мерхеули, Цебельда и др.) ¹⁵. История римского и византийского Себастополиса не мыслится теперь без замечательных открытий, сделанных в последние годы вдоль Военно-Сухумской дороги в окрестностях села Цебельды (историческая Апсилия) ¹⁶.

В литературе, касающейся истории греческой Диоскуриады, по-разному решаются вопросы, связанные с ее социально-экономическим, культурным и этническим обликом. Некоторые исследователи полагают, что поселок городского типа возник здесь задолго до прихода греков ¹⁷. При этом либо само название «Диоскуриада» трактуется на основе местного языка, либо считают, что город первоначально назывался по-местному — Эйя или Акуа, а затем греки переименовали его в Диоскуриаду. Широко распространена точка зрения, согласно которой греческие поселения Колхиды представляли собой торговые фактории без собственной экономической базы ¹⁸. Говорят и о том, что, хотя Диоскуриада и иные города

Восточного Причерноморья и родились одновременно с приходом сюда греков, они с самого начала имели смешанное население¹⁹. Ссылаясь на возможность существования в Колхиде мощного местного царства, некоторые исследователи утверждают, что это царство препятствовало возникновению в Колхиде греческих полисов, и города Колхиды (в том числе и Диоскуриада) были на всем протяжении существования не греческими, а колхскими²⁰. И, наконец, ряд ученых высказывает мнение, что Диоскуриада, как и другие города Восточного Причерноморья, являлась продуктом греческой колонизации и по своему облику на протяжении столетий существенно не отличалась от других греческих городов Причерноморья, обладая собственной экономической базой и органами самоуправления²¹.

Город и море

В литературе утвердилось мнение, что «остатки основной части древнего города (Диоскуриады.— Ю. В.) находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины»²². Представление о Диоскуриаде как о «городе, взятом волнами», сложилось в последнее столетие на основании визуальных наблюдений над режимом Сухумской бухты. В течение этого времени в воображении людей рисуются на дне морском развалины храмов и дворцов, поросшие водорослями улицы некогда шумного торгового города. И десятки любителей подводной археологии тщетно пытаются прикоснуться к древним руинам. Их нет, и взамен рождаются теории, уносящие город на недостижимые для аквалангистов глубины Сухумской бухты.

Древнейшее сообщение о наступлении моря в Сухумской бухте скорее всего может быть датировано XVII столетием, когда итальянский миссионер Арканджело Ламберти сделал в своих записях пометку: «пятое аббатство было Севастопольское, которое теперь поглощено водой»²³.

Любопытные данные о наступлении моря в районе Сухумской крепости в середине и во второй половине XIX в. содержатся в работах В. И. Чернявского, Р. Препделя, А. А. Миллера и других исследователей. В 1877 г. В. И. Чернявский писал: «Все развалины, находящиеся теперь на дне бухты, еще недавно были под наносами:

старожилы абхазцы еще помнят посевы кукурузы на месте якорной стоянки пароходов... Движение моря на берега происходит теперь очень быстро; ежегодно отнималось от одного до двух саженой берега перед городом. От широкого бульвара в 1867 г. на моих глазах ушла половина. Одна морская буря отнимала иногда до двух аршин. Любой житель Сухума помнит постройки на местах, отнятых морем в последние 10—15 лет. Указывают стрельбища впереди крепости, подмытые теперь морем, отстоявшие от них при русском уже владычестве на ружейный выстрел»²⁴.

Не менее определенно и сообщение А. А. Миллера (1907 г.): «Постепенное опускание берега в Сухуме действительно наблюдается, и факт этот можно считать установленным. Местные жители хорошо знают, насколько быстро поглощался берег водой. Еще 100 лет назад в Сухуме стреляли из пистолетов в цель от моря к крепости, теперь же море подмыло крепостную стену настолько, что она целиком обрушилась в воду»²⁵.

Таким образом, оба автора указывают на существование перед Сухумской крепостью, во всяком случае во второй четверти XIX в., довольно широкой береговой полосы. Эти и подобные им сообщения, несомненно, очень интересны, поскольку они в той или иной мере отражают какие-то реальные явления, имевшие место в XIX столетии. Однако, как оказывается, действительность предстает несколько иной, чем в рассказах сухумских старожилов.

В приведенных выше сообщениях В. И. Чернявского и писавшего под непосредственным впечатлением бесед с ним А. А. Миллера можно усмотреть ряд неточностей. Так, например, согласно логиям капитана Монганари, в 30—40-х годах XIX столетия развалы древних стен занимали на дне бухты такую же позицию по отношению к Сухумской крепости, как и в 1876 г. (об этом ниже), не оставляя, таким образом, места для кукурузных посевов между крепостью и морем. О том же, что в начале XIX в. могли стрелять «из пистолетов в цель от моря к крепости» не иначе как с лодки, свидетельствует план крепости, относящийся к 1812 г.

Южная куртина крепости в момент ее сооружения (не позже 1724 г.), по всей вероятности, находилась на определенном расстоянии от берега (10—20 м), размытого прибоем в XVIII в. В 1907 г. она вовсе не «целиком об-

рушилась в воду», как пишет А. А. Миллер, а лишь кое-где, благополучно простояв до середины 50-х годов нашего столетия. (До сегодняшнего дня сохранилась юго-западная башня — на ней теперь построен ресторан «Диоскурия»). Как видим, советский исследователь берегов Черного моря В. П. Зенкович, опиравшийся, правда, совершенно на другие факты, совершенно прав, когда писал, что «придется заподозрить В. И. Чернявского в довольно сильном преувеличении»²⁶.

Общее представление о пространстве, занятом морем в районе Сухумской крепости за последние 2 тыс. лет, дает расположение остатков себастопольских укреплений I и III, которые имели скорее всего квадратную в плане форму. Тот факт, что северные стены обеих крепостей сохранились полностью (их длина соответственно 80 и 45 м), а сами крепости в момент своего строительства не могли отстоять от берега дальше, чем на 20—30 м, позволяет с достаточной точностью определить ширину полосы, занятой морем примерно за 1,5 тыс. лет, в 70—90 м (рис. 2), причем полоса периодически в какой-то своей части, вероятно, восстанавливалась, как это имело, возможно, место во второй четверти XIX в. В то же время следует отметить, что, судя по исследованным напластованиям Себастополиса, море ни разу не затопляло уцелевшую территорию крепости, иначе здесь обязательно были бы отмечены прослойки ила, песка и гравия.

Наши наблюдения полностью согласуются с данными В. И. Чернявского, который писал: «Летом 1876-го года... я исследовал... на дне побережья Сухумской бухты, до глубины 4-х — 6-ти метров... не только целые ряды остатков древних стен, выдающихся местами почти до поверхности моря на расстоянии сажень до 30—50 от берега, но также иззубренные волнами стены древнего замка, поднимающиеся еще с глубины около 6-ти метров настолько, что я мог, поддерживаемый плавательным снарядами, обходить вокруг по пояс и местами по шею в воде. Замок имеет два сомкнутых отделения, одно совершенно круглой формы, другое — четырехугольной; последнее более разрушено. Лежат они перед Сухумской крепостью против конца юго-западной трети длины ее фасада...»²⁷.

О значительных передвижениях береговой линии в восточной части Сухумской бухты, в районе устья Беслетки, В. И. Чернявский сообщал: «На огромном расстоянии от берега рыбаки давно производят соби́рание устриц и

мидий руками со стен огромной башни, выдающейся с глубины около 10 м, башня эта не доходит метра на 3 до поверхности». Здесь же, восточнее устья Беслетки, метрах в 60 от берега, на глубине 6 м, В. И. Вишневский и Л. А. Шервашидзе видели в 1957 и 1962 гг. круглую башню, сложенную из булыжника с прослойками кирпича на известковом растворе²⁸.

Неоднократно проводившиеся с тех пор подробнейшие съемки дна бухты ни разу не обнаружили там даже крупных подводных камней. Около 20 морских разрезов, осуществленных геологом А. В. Живаго с помощью водолазных спусков и со взятием грунтовых проб, также не выявили древних остатков. Аналогичные результаты были получены и при бурении дна Сухумской бухты, осуществленном перед началом строительства новой пристани. Автор этой книги в 1966 г. участвовал в обследовании дна бухты восточнее устья Беслетки. Никаких сооружений в пределах 200 м от берега найти не удалось, хотя, тщательность поиска, проведенного аквалангистами Института океанографии АН СССР и Сухумской морской станции, не может подвергаться сомнению (были собраны мелкие предметы, вплоть до пуговиц)²⁹.

О наступлении моря на западной окраине Сухуми достаточно красноречиво говорят развалины Гумистинской крепости. В 1886 г. здесь еще находилась крепость размером в плане 130×100 м с хорошо сохранившимися внутренними постройками. В настоящее время ее ширина сократилась до 10 м. Таким образом, если с XVII в., когда, по-видимому, была построена крепость, до 1886 г. море разрушило лишь приморскую стену и углубилось за нее максимум на 20—25 м, то за последние 90 лет море продвинулось в глубь материка почти на 70 м. План крепости, сделанный художником В. С. Орелкиным в середине 50-х годов текущего столетия, содержит еще указания на остатки внутренних построек, подмывавшихся морем в 1886 г. Таким образом, фаза наиболее интенсивного наступления моря в районе Гумистинской крепости началась около 15 лет назад, а причиной тому послужила выборка строительного материала (песок, гравий) из русла реки Гумисты. Культурный слой крепости прослеживается на 1—1,5 м выше уровня моря в бровке глинистого берегового уступа, что подчеркивает не тектонический, а абразионный (в результате действия прибоя) характер разрушения крепости.

И, наконец, Приморская башня Келасурской стены (рис. 3). Эта башня является первой в цепи 270 башен Келасурской, или Великой абхазской, стены (тянувшейся на 60 км по холмам и ущельям до города Ткварчели), построенной в XVII в., в период 30-летней абхазо-мегрельской войны, царем Мегрелии Леваном II Дадияни³⁰.

27 июня 1896 г. газета «Черноморский вестник», по-видимому со слов В. И. Чернявского, сообщала, что «благодаря наводнению р. Келасури впереди Приморской башни из-под морского песка обнаружилась целая крепость». В 1936 г. в результате шторма здесь снова были открыты «беспорядочные остатки каменных стен». Как убедительно показал Л. Н. Соловьев, остатки представляли собой «всего лишь подмытые морем и упавшие стены той же Приморской башни, позже восстановленной в меньшем размере»³¹. Следовательно, береговая линия восточнее устья Келасури в последние 300 лет вообще не претерпела заметных изменений. Лишь во время наиболее сильных штормов волны подходили к подножью Приморской башни, но затем снова возвращались к своему прежнему уровню. Все разрушения вызваны прибоем, действие которого усилилось в результате интенсивной выборки материала из устья реки Келасури.

Существует несколько гипотез, с помощью которых исследователи стремятся так или иначе обосновать локализацию руин Диоскуриады глубоко на дне Сухумской бухты. В основе гибели древнего города, в частности, видят: а) глубиннооползневые и гидроэвстатические (повышение уровня моря) явления (В. И. Чернявский, Р. Прендель, В. А. Иваницкий и др.); б) гигантский сброс (Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев); в) якобы недавнее перемещение устья реки Гумисты от района устья Беслетки и образование на этой основе Сухумской бухты (В. И. Чернявский, Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, М. М. Трапш и др.).

Гипотеза об оползне, рассмотренная в последнее время в ряде специальных работ, не находит подтверждения³². Берега Сухумской бухты образуют горизонтальные прослойки без наклона в сторону моря. Будь здесь значительные оползни, они должны были бы перекрыть довольно мощным слоем строения города и разрушить их, сохранив одновременно древние остатки в накоплениях дна бухты. Данные же многочисленных буровых скважин указывают, что дно всюду однородно — под слоем воды

прослеживаются 1—2 м ила, затем до глубины 8—9 м — довольно крупнозернистый песок без всяких культурных остатков, далее на 3—4 м снова ил, а ниже опять песок с галькой.

Сторонники второй гипотезы обычно ссылаются на наклон в глубь берега северных стен первой и третьей крепостей Себастополиса. Однако тот факт, что западное укрепление (крепость II) не имеет наклона, должен свидетельствовать не об общем сбросе почвы, а лишь о сугубо локальных процессах, вызванных неустойчивостью фундаментов двух крепостей, возведенных на вязком и пластичном грунте, подстилаемом здесь торфяными линзами. Устойчивость стен западного укрепления легко объясняется тем, что его строители, учтя недостатки крепости I, предусмотрительно укрепили почву сваями и известковой подсыпкой. Причину же того, что пристроенные позже контрфорсы не смогли приостановить падение стены крепости I, следует видеть лишь в несовершенстве конструкции самих контрфорсов, фундаменты которых были заложены на метр выше, чем фундаменты самой крепости, — вместо того, чтобы поддерживать стену, пристройки увеличили ее тяжесть.

Третья гипотеза основана на высказанной еще В. И. Чернявским мысли, что река Восточная Гумиста в античный период впадала в море на месте нынешней Сухумской бухты, которая якобы появилась лишь на рубеже новой эры в результате тектонических горообразовательных процессов, направивших Гумисту в ее нынешнее русло³³; в качестве косвенного доказательства ссылаются на заболоченность западной окраины Сухуми. Но: а) согласно имеющимся в распоряжении геологов материалам, Сухумская бухта сформировалась в доисторические времена (1,5—2 млн. лет назад), после того как Восточная Гумиста оставила свое старое русло между горами Яштух и Бырцх и слилась с Западной Гумистой; б) углубленность русла реки Гумисты в приустьевой зоне указывает на ее функционирование в современном ложе уже многие сотни тысяч лет; в) нет реальных признаков того, что в античную эпоху существовало русло сколько-нибудь значительной реки у подножья Лечкопского плато; г) заболоченность западной окраины Сухуми вызвана сочетанием характерных для прибрежной низменности мощных отложений синевато-серых глин, затрудняющих фильтрацию дождевых вод в глубь почвы,

и берегового вала, препятствующего их стоку в море, а также подпором морских вод; д) галечные наносы, слагающие Сухумский мыс, служили основой для прибрежных поселений уже в эпоху бронзы, задолго до появления греческой Диоскуриады на месте современного города Сухуми.

Затопление древних памятников в Сухумской бухте и ее окрестностях связывается и с новейшими тектоническими процессами — опусканием прибрежной зоны, а также ставшим особенно в последние годы заметным поднятием уровня Черного моря. Таким образом, при условии равномерности и необратимости этих процессов береговая кромка античного времени должна была бы опуститься глубоко в морскую пучину. Однако древние остатки в Сухумской бухте обычно обнаруживаются не глубже 5—10 м и притом только в переотложенном виде. Исследователи объясняют данное обстоятельство тем, что основная зона погружения проходит не по самому берегу, а где-то вблизи. И действительно, зондажи в прибрежной зоне на всем пространстве от Сухумской крепости до устья Беслетки показывают, что остатки времени Диоскуриады здесь залегают поверх синих глин, уровень которых нигде не спускается ниже уровня моря больше, чем на 0,5 м. Выразителен и тот факт, что подошвы всех фундаментов укреплений Севастополиса и теперь находятся выше уровня моря. Остатки стен на дне моря не образуют стройной системы, связанной с подстилающим грунтом, а разбросаны отдельными блоками на большом пространстве, лишь в самых общих чертах следуя былой линии стен. Следовательно, в основе разрушения Севастополиса нужно видеть, на наш взгляд, в первую очередь не опускание берега или поднятие уровня моря, а действие прибоя (абразию).

Об абразионном характере разрушения прибрежных кварталов Диоскуриады свидетельствуют и материалы, выбрасывавшиеся прибоем во время наиболее интенсивной наступательной фазы — в третьей четверти XIX в., когда сбор остававшихся после штормов вдоль пляжа древностей превратился в настоящий промысел. В этом отношении наиболее важным является то, что с постройкой в 1898 г. сухумской набережной, приостановившей разрушение берега, прекратились и находки монет и других древних изделий, поступавших, следовательно, на пляж непосредственно из содержавших эти предметы раз-

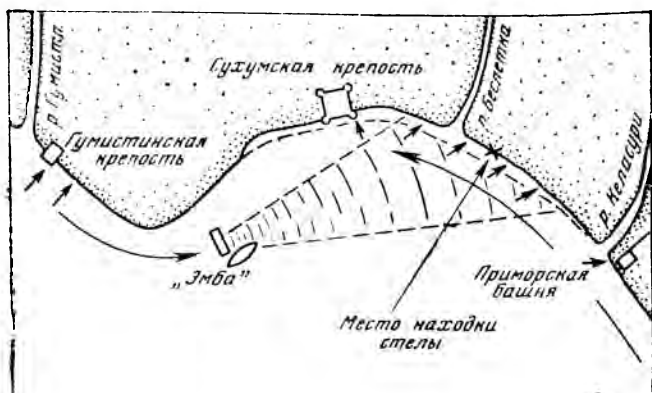

Рис. 3. Схема расположения древних памятников на берегах Сухумской бухты (стрелками обозначены основные направления размыва берега морем)

рушаемых волнами участков берега, а не с морского дна.

Динамика берегов Сухумской бухты находится в тесной зависимости от волнового режима, направляющего наносы гравия и песка. Нарушение режима приводит к значительным изменениям контура бухты. Так случилось в 1942 г., когда в вершине рейда Сухумской бухты были затоплены крупный железобетонный док и танкер «Эмба». Возникшая «волновая тень» легла на восточную часть берега бухты (рис. 3), а поступавший прежде с запада в бухту поток гальки образовал юго-западнее устья реки Гнилушки обширную косу. Последующее преобладание восточных волн привело к интенсивному разрушению берега восточнее устья Беслетки, где море, захватив полосу суши шириной до 50 м, подошло вплотную к железнодорожному полотну³⁴. Это обстоятельство и способствовало обнаружению в 1952 г. знаменитой теперь сухумской стелы (вблизи устья упомянутой реки, в 6 м от берега на глубине 2 м, т. е. там, где еще совсем недавно находилась береговая полоса). Это обстоятельство объясняет и отличную сохранность стелы, которая, таким образом, никак не может являться свидетельством существования на дне Сухумской бухты каких-то реальных развалин Диоскуриады.

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что со времени основания Диоскуриады (VI в. до

н. э.) сколько-нибудь значительных изменений в конфигурации Сухумской бухты не произошло. Ширина полосы, отнятой за последние 2 тыс. лет морским прибоем у суши, не превышает 100 м. Эта полоса и занимавшая ее часть древней Диоскуриады погибли полностью и безвозвратно. Любая вещь, будь то камень, керамика или металл, попадая в полосу морского прибоя, в течение нескольких лет неизбежно стирается в порошок и иловыми наносами укладывается на дно. Следовательно, от тех участков древнего города, которые поглощены морем, ждать в исследовательском отношении уже нечего. Зато очень интересные материалы ждут ученых в той части Диоскуриады, которую еще не размыли волны. Где же падаются эти сохранившиеся кварталы города?

Как показывает топография археологических находок V—I вв. до н. э., единственно подходящим местом для локализации крупного эллинского населенного пункта на территории Сухуми может считаться район к западу от устья Беслетки. Именно здесь неоднократно зондажами установлено существование достаточно мощного культурного слоя с обильной чернолаковой керамикой и другими предметами эпохи греческой колонизации. Особенно замечательны результаты исследований В. И. Сизова в 1886 г. на бывшей Ольгинской улице в районе сквера Руставели. По поводу характера сделанных им находок В. И. Сизов писал: «Вообще нижний слой канавы по обилию найденных в ней фрагментов греческих сосудов можно сравнить только с насыпанными частями горы Митридата в Керчи»³⁵. Тогда же удалось проследить и остатки каменных фундаментов античного времени. Впоследствии слои времени Диоскуриады были отмечены во многих других пунктах города — от крепости до левобережья Беслетки по берегу и на 200—500 м в глубь суши.

В марте 1977 г. при строительных работах на месте бывшего кинотеатра «Апсны» (улица Ленина) на глубине около 1,5 м были обнаружены обломки древней посуды, залегавшие плотным полуметровым слоем. Автору вместе с Г. К. Шамбой удалось провести раскопки и собрать несколько сот фрагментов амфор, чернолаковой посуды и других изделий конца V—III в. до н. э. Наиболее интересной является терракотовая статуэтка древнегреческой богини плодородия, сидящей на троне. Подобные статуэтки найдены при раскопках других античных городов Причер-

номорья, но в Диоскуриаде находка такого рода — первая.

Летом того же года проводилось исследование траншеи коллектора, проложенной по проспекту Руставели между улицами Октябрьской и Калинина. Здесь, по всей 500-метровой длине, был открыт слой остатков IV—I вв. до н. э., причем наиболее насыщенным он оказался на участке между улицами Ленина и Пушкина. В нескольких местах траншея пересекла древние стены, сложенные из тесаных известняковых блоков на растворе и без него. В одной из стен (между улицами Энгельса и Церетели) находилась часть известняковой колонны, по-видимому, от храма, некогда украшавшего Диоскуриаду. Все эти находки позволяют с достаточной точностью очертить границы значительного (площадью свыше 10 га) поселения, ждущего своих исследователей.

ГОРОД БЛИЗНЕЦОВ ДИОСКУРОВ

Страна гениохов

Не по доброй воле расселились греки по всему средиземноморскому миру от Испании до Колхиды. Греческая колонизация носила вынужденный характер, обусловленный в первую очередь закономерностями внутреннего развития древнегреческого общества. Вместе с тем выбор места для основания колоний вряд ли был случаен. Соответствующими лицами заранее собирались сведения, отражающие географическую, экономическую и политическую обстановку в избранном пункте. По меткому выражению известного римского оратора Цицерона, греческие города на периферии античного мира представляли собой как бы каемку, подшитую к обширной ткани варварских полей. Какие же сведения о качестве этой «ткани» могли получить древнегреческие разведчики в районе будущей своей колонии Диоскуриады? Судить о них можно как по высказываниям, сохранившимся у античных авторов, так и по данным археологии.

Римский географ I в. н. э. Помпоний Мела (I, 111), опиравшийся на очень древние, по-видимому еще ноийские, источники, оставил указание, что Диоскуриада находилась в земле гениохов. В таком же этническом окружении, согласно сообщению Аристотеля, возник и другой крупный древнегреческий город Колхиды — Фасис. Топонимы, связанные с гениохами, были широко распространены в античную эпоху по Западному Кавказу от нынешнего Сочинского района до верховьев Куры и Аракса¹. В античных литературных источниках можно выделить две группы сведений о ранних гениохах — сведения мифологического характера и сведения, отражающие культурный и социальный облик этих племен.

В переводе с древнегреческого «гениох» означает «возница, возчик». Как и в ряде других случаев, в названии «гениохи» следует видеть скорее всего греческую этимологию какого-то местного наименования, отразивше-

гося, возможно, еще в урартских источниках в форме «иганиехи». Эллинизированное имя гениохов в греческой мифологии было тесно связано с мифическими братьями Диоскурами — Кастором и Поллуксом. Так, Страбон (XI, 2, 12) сообщает: «Рассказывают, будто... заселили Гениохию лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название...».

Как полагают исследователи, выведение гениохов из Пелопоннеса относится к северопричерноморской версии мифа об аргонавтах, родившейся под впечатлением колонизации берегов Боспора и Северного Кавказа. Римский ученый Плиний Старший (Естественная история, VI, 16) пишет, что город Диоскуриада «был основан возницами Кастора и Поллукса Амфием и Телехием, от которых по известиям, почти вполне достоверным, ведет свое происхождение племя гениохов». Кай Юлий Солин (XV, 17) предлагает другой вариант: «Город Диоскуриаду основали возницы Кастора и Поллукса Амфий и Керкий, от которых произошло племя гениохов».

Наличие нескольких версий мифа о гениохах, отличающихся главным образом именами возниц Диоскуров, свидетельствует о том, что миф разрабатывался в разных центрах и фигурировал в нескольких, друг от друга независимых исторических и географических произведениях. Для нас важно то обстоятельство, что всюду гениохи связывались в первую очередь с Диоскуриадой и с ее полубожественными покровителями.

Мифологическая окраска сведений о местном этническом окружении Диоскуриады в значительной мере объясняется ее удаленностью от греческой метрополии. Об этом говорят многие древние авторы. Например, Страбон (XI, 2, 16): «Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется уголком Евксина и пределом плавания».

Аристотель (Политика, VIII, 3, 4) сообщает, что гениохи склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни. Сенека упоминает гениоха, живущего «на крутой скале негостеприимного Кавказа». Дикими и необразованными называет гениохов Помпоний Мела (I, 110). Таковы же и сведения Страбона (X, 5, 6) о племенах, проживавших вблизи Диоскуриады: «Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаются... звериным мясом, дикорасту-

щими плодами и молоком». Эти и подобные высказывания античных авторов свидетельствуют в первую очередь о господстве у генихов первобытнообщинных отношений и о присущей им политической раздробленности. О том же говорят и данные археологии.

Но сведения о «дикости» генихов, сообщаемые античными авторами, видимо, несколько преувеличены.

В начале I тыс. до н. э. население Северной Колхиды составляли носители замечательной позднебронзовой культуры, получившей в литературе название колхидской, или колхидско-кобанской. Это и были те племена генихов, с которыми пришлось встретиться грекам в их первых путешествиях вдоль восточнопричерноморских берегов еще в VII в. до н. э. Сохранились интересные сведения о фрагментах греческой посуды конца VII в. до н. э., найденных в 30-х годах нашего столетия на западной окраине современного Сухуми в поселке Красный маяк и связанных, возможно, с первыми, еще чисто торговыми контактами греков с местным населением.

Существует мнение, о чем мы уже упоминали, что город на месте будущей Диоскуриады появился задолго до прихода сюда греков. При этом обычно ссылаются на то обстоятельство, что предпосылки для возникновения городской жизни на берегах Сухумской бухты созрели уже в конце II — начале I тыс. до н. э., когда развитие ремесел привело к оживлению обмена между проживающими здесь племенами. На основании такого положения и обнаруженных остатков VIII — первой половины VI вв. до н. э. на территории Сухуми и в его окрестностях делается вывод, что здесь в указанный период существовал крупный населенный пункт городского типа². Попробуем разобраться, присмотревшись повнимательнее к облику ранних поселений в районе будущей сельскохозяйственной округи Диоскуриады (рис. 4)³.

Между Новым Афоном и поселком Нижняя Эшера, на протяжении 10 км, известны остатки трех прибрежных поселений первой половины I тыс. до н. э. Два из них характеризуются пока почти исключительно посудой с отпечатками ткани на поверхности («текстильная» керамика). Они могут быть связаны с добычей соли (Новый Афон и Шицкуара). Третье отличается более широким ассортиментом глиняной посуды, указывающим на существование здесь небольшого древнего поселка из нескольких более или менее компактно расставленных

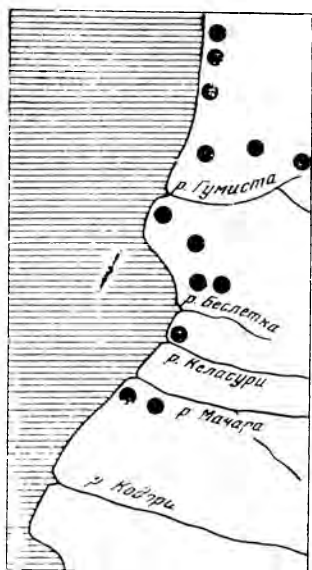

Рис. 4. Схема размещения поселений колхидской культуры в окрестностях Сухуми (обозначены кружками) VIII — начала VI в. до н. э.

деревянных хижин (Гвандра). Вблизи известны находки бронзовых изделий (мотыга, наконечник копья и др.).

В селе Нижняя Эшера, расположенном в 10 км от Сухуми, обнаружена довольно обширная (до 0,3 га) площадь культурных остатков VIII — первой половины VI в. до н. э. Здесь найдены обломки пифосов — больших хозяйственных сосудов для хранения продуктов, кувшинов с ручками, оформленными роговидными выступами, горшков, котловидных сосудов, отдельные фрагменты «текстильной» керамики, каменные грузила, терочники и др. На северной периферии поселения располагался родовой могильник, где раскопано несколько захоронений в крупных глиняных сосудах-оссуариях.

Очень интересен обряд этих захоронений, который восходит, по-видимому, еще к среднебронзовой эпохе, когда на территории Северо-Западной и Центральной Абхазии процветала дольменная культура. Полагают, что трупы выдерживали в каком-то определенном месте (священной роще?) до тех пор, пока они полностью не истлевали, после чего крупные кости и череп (последний, по представлениям древних, вероятно, являлся вместилищем «души») хоронили на родовом кладбище в глиняном сосуде.

В одном из погребений археологи обнаружили бронзовые топор, кинжал, более 30 бусин, несколько бронзовых наконечников копий и один железный, оловянную гривну. Весь корпус оссуария был украшен полосами орнамента и налепными рантами, отделанными зубчатым штампом. В другом захоронении лежали бронзовые топор на рукояти, наконечники копий, кинжалы, пояс, пектораль — нагрудное украшение (рис. 5, 18), браслеты, конусовидные бляхи, украшенные фигурками животных, до 40 бронзовых и сердоликовых бусин и т. д.

О существовании еще одного поселения той эпохи на территории села Верхняя Эшера говорит довольно богатое захоронение VIII в. до н. э. (выше Новороссийско-Батумского шоссе). Здесь найдены бронзовые кинжал с литой фигурной рукоятью (рис. 5, 14), пояс, великолепные многоярусные подвески и головные булавки, украшенные гроздьями грибовидных утолщений, конусные бляхи, бусы и передняя часть литой фигурки хищного животного (собаки?), покрытой гравированным меандровидным орнаментом (рис. 5, 15).

Поселение в 4 км восточнее, в поселке Красный маяк, на самом берегу моря, охватывало довольно значительное пространство (0,4—0,5 га). На его территории найдено большое число обломков пифосов, «рогатых» ручек от котлов и кувшинов, грузил из гальки и т. д. Очень интересные материалы получены при исследовании родового могильника. Они свидетельствуют о параллельном существовании двух обрядов: труположения и захоронения в оссуариях.

В конце VII — начале VI в. оссуарные захоронения исчезают, зато широко распространяются погребения в скорченном положении на боку. В наиболее ранних (VIII — первая половина VII в.) погребениях могильника — бронзовые орнаментированные и гладкие (рис. 5, 8) топоры, наконечники копий (рис. 5, 10), кинжалы (рис. 5, 9), шейные гривны (рис. 5, 13), подвески (рис. 5, 19, 25), пинцеты (рис. 5, 24), пряжки (рис. 5, 26), пояса (рис. 5, 23), булавки-фибулы (рис. 5, 12), браслеты (рис. 5, 11), бронзовые (рис. 5, 7, 17) и сердоликовые бусы, глиняная (рис. 5, 1—6) и бронзовая (рис. 5, 16) посуда. Во второй половине VII — первой половине VI в. бронзовое оружие в могилах постепенно сменяется железным (рис. 5, 20—22). Захоронения становятся беднее, а их общее число несколько сокращается.

Остатки небольшого поселения VIII — начала VI в. сохранились на возвышенности севернее сухумского железнодорожного вокзала. Здесь найдено, в частности, несколько поясных бронзовых пряжек, на одной из которых выгравировано изображение оленя с ветвистыми рогами. Поблизости еще в 30-х годах был обнаружен клад бронзовых изделий, в том числе так называемых сегментовидных орудий, которые скорее всего представляют собой примитивные мотыжки.

Рис. 5. Окрестности Сухуми. Продукция местных мастеров:

1 — котел; 2, 4, 16 — кружки; 3 — банка; 5 — горшочек; 6 — пифос; 7, 17 — пронизь и бусина; 8, 20 — топоры; 9, 14, 21 — кинжалы; 10, 22 — наконечники копий; 11 — браслет; 12 — фибула; 13 — шейная гривна; 15 — головка животного; 18 — пектораль; 19, 25 — нагрудная и височная подвески; 23, 26 — пояс и пряжка; 24 — пинцет. Глина (1—6); бронза (7—19, 23—26); железо (20—22). VIII — начало VI в. до н. э. Абхазский государственный музей

Очень яркий материал VIII — начала VI в. до н. э. дали раскопки на Сухумской горе. Поселение площадью не менее 0,1 га, занимавшее небольшую площадку у седловины между южной и северной вершинами горы, состояло из пяти-шести деревянных жилищ, от которых до ~~разбивки~~ здесь в 1949 г. парка сохранились пятна

культурного слоя с обломками разнообразной глиняной посуды.

Поверхность посуды, найденной здесь, была обработана с помощью сплошного лощения или оформлена вертикальными залощенными желобками — каннелюрами, украшена нарезным и штампованным орнаментом, рельефными рантами и т. д. На одном из фрагментов сохранилось глиняное изображение змеи. В глине широко использовались различные примеси, выгоравшие при обжиге и придававшие стенкам изделий пористость и легкость.

Здесь же, на территории поселения, находилось погребение воина, ориентированное головой на восток. В нем были найдены три бронзовых топора и два глиняных сосуда.

Чрезвычайно интересны остатки металлургического производства: клад бронзовых изделий X—VIII вв. до н. э., состоявший из 12 целых и 3 фрагментированных топоров, 2 долот, сегментовидного орудия и 3 слитков. О том, что все эти предметы изготовлены на месте, говорят каменный молот для дробления руды, обломки глиняных сосудов, употреблявшихся для промывки размельченной руды, куски медных шлаков, а также небольшое каменное сооружение, в значительной степени разрушенное, с наружной глиняной обмазкой, сохранившей следы воздействия высоких температур.

Имеются отрывочные сведения о том, что на соседнем холме Гуад-иху находили медные слитки и шлаки. Следов поселения VIII — начала VI в. там, правда, не обнаружено, хотя именно с поселением могут быть связаны найденные здесь два сегментовидных орудия и бронзовое навершие булавки.

На довольно обширном пространстве междуречья Беслетки и Мачары пока не известно ни одного поселения рассматриваемой эпохи. Косвенными указаниями на возможность их существования служат отдельные находки: бронзовые топоры на левом берегу Беслетки, в ущелье реки Дзегуты и в селении Багмаран, «текстильная» керамика на холме Ахул-абаа.

Два поселения позднебронзовой эпохи открыты на левом берегу реки Мачары. В первом привлекают внимание небольшие галечные вымостки — остатки жилищ, а также обломки глиняных лепных сосудов, в том числе с отпечатками ткани, глиняных столбиков и довольно

богатый набор каменных орудий (зернотерки, грузила, мотыжки, отщепы, скребки и др.).

Одним из наиболее значительных поселений VIII — начала VI в. до н. э. в рассматриваемом районе является поселение Мачара-2, расположенное в 5 км от моря на холме, возвышающемся над уровнем рекп метров на 200—250. Здесь исследованы остатки шести деревянных домов, два из которых располагались на крутом северном склоне, а остальные — на полотом южном, занимая в общей сложности около 0,3 га.

Ученым удалось собрать и просмотреть до 10 тыс. обломков керамики. Все глиняные сосуды от больших, метровой высоты, до миниатюрных лепились от руки — до VI—V вв. до н. э. гончарный круг еще, по всей видимости, не применялся. Среди этих изделий особенно впечатляют пифосы — их корпус покрывался широкими лощеными вертикальными желобками-каннелюрами; большие корчаги и кружки с «рогатыми» ручками; горшки с широким низким венчиком и узким массивным поддоном; мелкие сосудики высотой до 3—4 см; редкие обломки «текстильной» посуды; крышки; очажные подставки.

Среди других изделий следует отметить наконечник бронзовой стрелы, грузила из гальки, кремневые отщепы со следами работы и прежде всего каменную форму для отливки бронзового колхидского топора того варианта, который имел распространение в VIII—VII вв. до н. э. (топоры обычно затем покрывались гравировкой). Это пока единственная литейная форма в Центральной Абхазии. Она служит доказательством того, что и на данном поселении отливались бронзовые изделия.

В общем в VIII—VII вв. население каждого небольшого родового поселка на территории будущей округи Диоскурпады производило керамику, ткани, занималось земледелием, животноводством, а также металлургией.

Итак, в окрестностях современного Сухуми в VIII — первой половине VI вв. до н. э. существовало около двух десятков поселений, разделенных значительными пустыми территориями. Ядро же вновь созданного города разместилось фактически на «ничейной» территории — де ближайших населенных пунктов простирались километры буйных зарослей, болот и неосвоенной земли.

Заря новой великой эпохи железа восходит над территорией Абхазии в начале I тыс. до н. э. Наиболее древние железные изделия могут быть датированы

VIII в. до н. э., однако вплоть до конца VII в. они использовались очень ограниченно. Первые навыки искусства обработки железа приходят в Абхазию с юго-востока, со стороны Ирана, Урарту, Малой Азии. Широко же распространяются железные изделия, в первую очередь оружие, здесь, как и в других прилегающих к Большому Кавказу местностях, по-видимому, лишь в период скифских походов, когда «скифский культурный элемент получил всеобщее распространение не только к северу, но и на огромных пространствах к югу от Главного хребта»⁴. Именно тогда, в конце VII—VI вв. до н. э., в окрестностях современного Сухуми начинается массовое производство топоров, мечей, наконечников копий и других изделий из железа.

Не исключено, что передовые скифские отряды достигли рассматриваемого района еще в VII в. до н. э., однако в наиболее тесное соприкосновение со скифами местные племена, по-видимому, вошли в 80-х годах VI в. до н. э., когда скифы после разгрома Урарту возвращались в Северное Причерноморье. В связи с этим уже давно высказывается мысль, что какая-то часть скифов могла осесть в окрестностях современного Сухуми и раствориться затем в местной этнической среде⁵.

Мы уже говорили, что в литературе довольно часто встречается мнение, будто в VI в. до н. э. племена Колхиды достигли высокого уровня социально-экономического и культурного развития и родо-племенная организация местного общества начала разрушаться, в результате чего здесь образовалось классовое общество и государство — Колхидское царство, которое воспрепятствовало возникновению на берегах Колхиды обычных греческих городов с собственной экономической базой.

Это положение ни в коей мере, на наш взгляд, не может быть отнесено к окрестностям будущей Диоскуриады. Здесь, напротив, в VI в. наблюдается определенный упадок и в социальной, и в культурной жизни аборигенов. Освоение нового сырья для основных средств производства, вторжения воинственных скифов и другие факторы нарушили устоявшийся жизненный ритм. Число захоронений на родовых кладбищах сокращается, культурные остатки на поселениях накапливаются гораздо медленнее. Такие условия могли только облегчить внедрение греков в прибрежную зону Абхазии.

Первые греки на берегах Сухумской бухты

Согласно анонимному, но заслуживающему доверия источнику, процитированному во II в. н. э. древнегреческим историком и писателем, римским военачальником Флавием Аррианом (Перипл Понта Евксинского, 14), греческую колонию на берегах Сухумской бухты основали выходцы из Милета в период не позднее 550—530 гг. до н. э. Эта дата, в частности, подтверждается свидетельством псевдо-Скилака — автора труда «Объезд моря населенной Европы, Азии и Ливии» (вторая половина IV в. до н. э.). Как известно, его произведение — компиляция, составленная на основе разновременных землеописаний, среди которых работы Гекатея Милетского, Скилака Кариандского и др. Упоминание о Диоскуриаде, как полагают, было заимствовано из труда Скилака Кариандского, писавшего в 40—30-х годах VI в. до н. э.⁶

В VII—VI вв. до н. э. Милет являлся крупнейшим греческим торгово-промышленным и культурным центром на западном побережье Малой Азии. Милетцы, несомненно, были в числе первых понтийских мореплавателей, собиравших сведения о северных и восточных берегах Черного моря. Античная традиция отводит Милету выдающуюся роль в организации колоний — по одним источникам город вывел 90 колоний, по другим — 75.

Решающее значение в развитии античной колонизации имели социально-экономические условия, приводившие к образованию в греческих городах «избыточного» населения, которое вынуждено было искать себе «место под солнцем» за пределами своей страны. «Выведение» колоний носило в VII—VI вв. до н. э. организованный характер. Группы граждан, пожелавших выделиться в колонию, обычно совершали переселение и основание колонии с санкции своего государства. Нередко к главному ядру переселенцев из одного города присоединялись жители других городов. Отряд колонистов возглавлялся ойкистом — старшиной: его либо назначали власти метрополии, либо выбирали сами колонисты.

Коллектив, высадившийся на берегах Сухумской бухты в 50—40-х годах VI в., вероятно, был уже достаточно организованным с готовыми органами самоуправления, в обязанность которых входили обеспечение необходимых условий для деятельности колонии, налаживание контак-

тов с окружающим местным населением, поддержка связей с метрополией.

Первые дома колонистов, надо полагать, поднялись на берегу Сухумской бухты западнее устья Беслетки. Как правило, далеко в глубь суши греческие колонисты не проникали — они держались главным образом прибрежных районов, удобных для морских сообщений. По словам знаменитого греческого философа Платона, греки жили «на ограниченной части земли от Фасиса (современная река Риони в Колхиде.— Ю. В.) до Геракловых столбов (современный Гибралтар.— Ю. В.), расположившись вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота» (Федон, 58). К сожалению, первоначальное прибрежное ядро Диоскуриады нам неизвестно, по-видимому, оно полностью разрушено морем.

Греческие колонии, как правило, представляли собой государственное образование, совершенно независимое от метрополии. С момента основания колонии жители ее переставали быть гражданами того города-государства, откуда выселились, и становились полноправными гражданами вновь родившегося государства, в котором создавали свою конституцию и систему управления, поддерживая контакты с метрополией на основе экономических и родственных связей. Греки переселялись с набором необходимых бытовых и хозяйственных изделий — ведь на новом месте приходилось сразу же браться за строительство дома, обработку земли, производство одежды. Поэтому, помимо земледельцев и торговцев, среди колонистов было и немало ремесленников. Определенную часть продукции, главным образом сельскохозяйственной, с самого начала переселенцы могли приобретать у аборигенов в обмен на необходимые им товары.

Ионийские переселенцы в новые места принесли с собой и свои древние культы. В Милете очень был популярен культ Диоскуров. Согласно легенде, приведенной в «Истории» автора I в. до н. э. Николая Дамасского, Диоскурам приписывалось, в частности, спасение милетцев от тирании в VII в. до н. э. Культ Диоскуров получил распространение во многих греческих городах Причерноморья (Синопа, Амис, Истрия, Одесс, Ольвия, Фанагория и др.), основанных Милетом или связанных с ним.

Диоскуры, как известно, олицетворяли собой представление о смене света и тьмы, дня и ночи, рождения и

смерти, мира и войны. Один из главных атрибутов братьев — утренняя и вечерняя звезда. Поэтому обычно при изображении Диоскуров лицо Кастора обращено к небу, к солнцу, а лицо Поллукса чуть склонено к земле, книзу. По словам древнегреческого писателя Павсания, одеждой Диоскурам служила пурпурная хламида (короткий плащ). На голове они носили пилос — шапку в виде колпака. Согласно греческой мифологии, Диоскуры участвовали в походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном, им приписывается вывоз из Колхиды статуи богини, которая затем была установлена в одном из храмов Лаконики. Диоскуры — герои ристалищ, покровители наездников, путников и мореплавателей.

Если учесть, что в каждом родовом поселении аборигенов могло проживать 50—70 человек, а поселений на территории будущей сельскохозяйственной округи Диоскуриады насчитывалось 15—20, то общее число аборигенов в момент основания города составляло 1000—1500 человек, включая женщин, стариков и детей. Число же греков, первоначально основавших город, включая женщин и детей, достигало, вероятно, 100—150 человек. Главной причиной возможных конфликтов с аборигенами могла быть земля. Однако берега Сухумской бухты, судя по всему, в то время были пустынными, а густой колхидский лес подступал прямо к пляжу. Через лес вели тропинки к поселению на Сухумской горе, отстоявшему от берега на расстоянии 2 км, а также в сторону Лечхепского плато, вдоль ущелья Беслетки и в сторону Цебелдинской долины. Контактная зона между греками и аборигенами представляла собой в VI в., судя по всему, широкую «ничейную» полосу.

Хотя и скудные, но все-таки достаточно определенные сведения античных источников позволяют видеть в Диоскуриаде с момента ее основания античный город-полис, существование которого немыслимо без хоры. Соответствующие исследования только начинаются, но мы уже можем говорить о том, что во второй половине VI и в V в. до н. э. хора Диоскуриады простиралась не менее чем на 7—10 км к западу, вдоль берега моря, на столько же к юго-востоку и на 3—5 км в глубь суши (рис. 6).

Об облике материальной культуры Диоскуриады классической поры (вторая половина VI — первая половина IV в. до н. э.) сведения пока очень ограничены¹. Интересные материалы удалось обнаружить во время раскопок

в Сухумской крепости (1952 и 1958—1959 гг.). Здесь, на глубине до 3—3,5 м от современной поверхности, археологи нашли обломки хиосских амфор конца VI — начала V в. до н. э., обломки чернолаковой посуды V в. до н. э. Восточнее, рядом со зданием Драматического театра, еще в 1886 г. были найдены на глубине до 1,5 м обломки чернолаковой чаши для питья на ножке — килика V — начала IV в. до н. э.

О том, что греческое поселение в тот период росло дальше к востоку, свидетельствует обнаруженная аналогичная чернолаковая посуда на левом берегу реки Беслетки, где, вероятно, находился и некрополь диоскурийцев-греков, о чем говорит мраморная надгробная стела, датируемая 430—420 гг. до н. э., которая уже упоминалась ранее.

На лицевой стороне стелы представлена сцена прощания с умершей (рис. I). Усопная изображена живой, сидящей в кресле, с которого свисает звериная шкура-подстилка. Правой рукой женщина обнимает прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика. На ней льняная сорочка — хитон, поверх него накинута гиматий (кусоч перестяной ткани), округленные складки которого частью подобраны на коленях, частью тяжело спадают с левого плеча сидящей. На заднем плане — изваяние молодой девушки-служанки в подпоясанном аттическом пеплосе — рубаше без рукавов, которая держит в левой руке шкатулку с накими-то, по-видимому, украшениями и вещами — погребальный подарок. Сухумская стела является наиболее выдающимся памятником древнегреческого искусства на Кавказском побережье Черного моря.

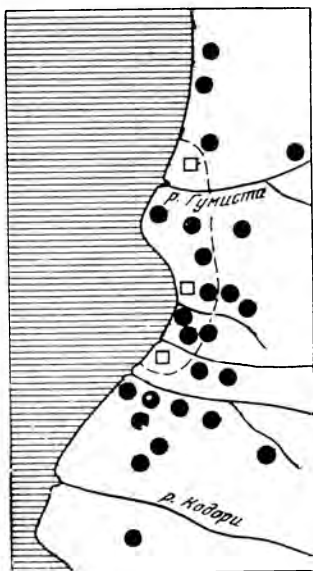

Рис. 6. Схема размещения греческих (обозначены квадратами) и местных (обозначены кружками) поселений в окрестностях Диоскуриады (пунктиром выделена граница хоры в конце VI в. до н. э.) второй половины VI — начала IV в. до н. э.

Материалы, очень важные для характеристики самой Диоскуриады, а также ее отношений с аборигенами в конце VI — первой половине IV в. до н. э., дали в последние годы раскопки на греческом поселении в Нижней Эшере, а также на ряде туземных поселений на окраинах и в окрестностях Сухуми (Сухумская гора, холм Гуад-иху, поселок Красный маяк и др.)⁸.

Эшерское городище расположено на юго-восточном отроге холма, носящего имя выдающегося русского художника-баталиста Верещагина, в начале нашего столетия имевшего здесь дачу. Отсюда до Сухуми и до того места, где находилась древняя Диоскуриада, по прямой не более 10 км.

Судя по имеющимся данным, поселение тут возникло в середине VI в. до н. э. Среди самых ранних находок наряду с лепной посудой местного производства встречается множество обломков привозных чернофигурных аттических скифосов — застольных глубоких чаш для вина (рис. 7, 1—3) — и изделий родосско-ионийского круга. На Эшерском городище впервые в Северной Колхиде найден богатый импортный материал VI в. до н. э., который, в частности, свидетельствует о возникновении в окрестностях Диоскуриады небольших сельскохозяйственных поселений греков уже в середине VI в. до н. э.

В V — первой половине IV в. размеры поселения в Эшере постепенно увеличились. Среди находок немало обломков хийских, гераклеиских и синопских амфор, разнообразной чернолаковой посуды, краснофигурный скифос. Очень интересны обломки бронзового аттического шлема (рис. 7, 18) второй половины V — первой половины IV в. до н. э. и аттического чернолакового килика (рис. 7, 6) второй половины V в. до н. э. Налобник шлема украшен рельефным поясом с двумя рядами насечек, из-под которого спускаются завитки, имитирующие завитки волос. Поблизости, в одном из погребений, лежал бронзовый коринфский шлем (рис. 7, 19) того же времени. На раннем этапе существования поселение в Эшере, по-видимому, не имело никаких оборонительных сооружений, что говорит о достаточно мирных отношениях греков-колонистов с аборигенами.

Полученные в результате исследований 1951 г. материалы позволяют полагать, что поселение на Сухумской горе, возникнув еще в бронзовую эпоху, в рассматриваемое время активно разрасталось. Два десятка деревянных

жилищ были разбросаны в основном на восточных, южных и юго-западных склонах северной вершины горы. Археологи обнаружили донышки привозных амфор, обломки посуды, в том числе чернолаковой аттического происхождения.

Родовое кладбище в тот период в основном занимало восточный склон северной вершины. Здесь раскопано несколько захоронений V — начала IV в. до н. э.

Погребения V — начала IV в. до н. э. не особенно богаты — в мужских чаще всего встречаются железные топоры (в IV в. распространяются своеобразные сельскохозяйственные железные топоры-цалды) (рис. 15, 10), наконечники копий, ножи, глиняные кувшины (рис. 8, 3), в женских — бронзовые пластинчатые браслеты, украшенные рядами шпичек и гравировкой (рис. 8, 16), фибулы с пластинчатой ромбической орнаментированной спинкой (рис. 8, 10), колокольчики (рис. 8, 17) с цепочками и стерженьками, керамические сосуды и др.

Севернее Сухумской горы, в километре от нее, на вершине холма Гуад-иху, в VI — первой половине IV в. до н. э. располагалось небольшое (до 0,2—0,3 га) поселение и могильник.

В мужских захоронениях могильника, относящихся к IV в. до н. э., исследователи обнаружили железные топоры с коротким молоточковидным обухом (рис. 8, 5), наконечники копий (рис. 8, 8) и дротики, кинжалы (рис. 8, 6), бронзовые украшения — шейные гривны (рис. 8, 12), браслеты и фибулы, бляшки от конской узды (рис. 8, 18) и др., в женских — в основном бронзовые украшения: браслеты, литые булавки с ажурной головкой (рис. 8, 9; 9), фибулы, колокольчики на цепочках, серебряные серьги. И в тех, и в других захоронениях обычно лежали один-два глиняных сосуда (рис. 8, 2). Достаточно заметно при знакомстве с изделиями влияние скифской культуры — кинжалы исполнены в форме коротких скифских мечей-акинаков; наконечникам копий, топорам, украшениям также присущи черты скифского искусства. Очень интересны бляшки в виде скачущего мифического оленя (рис. 10) в сако-скифском «зверином стиле».

В погребениях второй половины V в. и более поздних начинают появляться и греческие изделия: чернолаковая посуда, перстни, чаще всего бронзовые с печатями (рис. 7, 8—17), в одном из погребений их оказалось восемь штук. Полагают, что перстни использовались местными

Рис. 7. Диоскуриада. Привозная продукция греческих мастеров:

1, 2 — обломки чернофигурных и краснофигурных сосудов; 3 — фрагмент чаши с розеткой; 4—6 — чернолаковая посуда; 7 — ситечко; 8—17 — перстни с печатями; 18—19 — шлемы; 20 — ожерелье; 21 — щит. Глина (1—6), бронза (7—19, 21), золото (20). Вторая половина VI—начало IV в. до н. э. Абхазский государственный музей и фонды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия АН Грузинской ССР

1, 8 — кувшины; 2 — кружка; 4 — горшок; 5 — топор; 6 — кинжал; 7 — нож; 8 — наконечник копья; 9 — булава; 10—11 — фибулы; 12 — гривна; 13—16 — браслеты; 17 — колокольчик; 18 — бляшка; 19 — серьга. Глина (1—4), железо (5—8), бронза (9—18), серебро (19). Конец VI — начало IV в. до н. э. Абхазский государственный музей

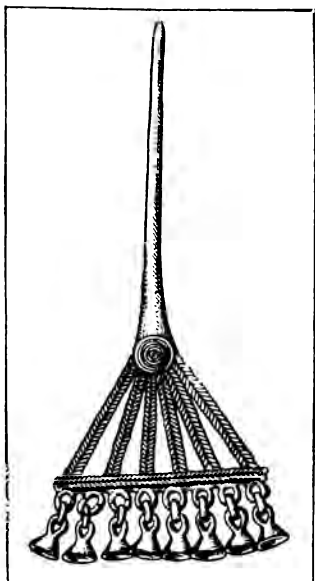

Рис. 9. Гуад-иху. Ажурная го-
ловная булавка.

Бронза. V в. до н. э. Абхаз-
ский государственный музей

жителями в качестве денег. Все перстни Гуад-иху привозные. Часть их происходит из западногреческих мастерских (Южная Италия), другие же, вероятно, из города Кизика, изображения на монетах которого (рубеж V—IV вв. до н. э.) похожи на изображения на печатях из Гуад-иху. Возможно, часть этих перстней изготовлялась и в мастерских самой Диоскуриады.

Не менее интересны материалы раннего слоя поселения античного времени в 4 км западнее Диоскуриады на самом берегу моря (поселок Красный маяк). Общая площадь поселения составляла 0,5—0,6 га. Здесь были обнаружены, помимо довольно большого количества обломков местной посуды, фрагменты привозных амфор и чернолаковых сосудов. В 1956—1959 гг. археологи вели раскопки

могильника, раскинувшегося более чем на 0,5 га. К концу VI — первой половине IV вв. до н. э., по мнению автора, может быть отнесено около трех десятков из 150 захоронений.

Многие погребения весьма богаты. В мужских лежали железные топоры, наконечники копий, изогнутые ножи (рис. 8, 7), восходящие к соответствующим южнокавказским образцам позднеурартского времени, бронзовые украшения: браслеты (рис. 8, 14, 15), фибулы (рис. 8, 11); серебряные височные подвески, изящные сердоликовые, янтарные и стеклянные бусы, глиняные сосуды (рис. 8, 1), в женских — бронзовые браслеты (рис. 8, 13), фибулы, серебряные серьги (рис. 8, 19), булавки, подвески, бусы. Ученых поразило красотой ожерелье из золотых бусин и подвесок в виде головы барана (рис. 7, 20), аналогичных тем, из которых состояло золотое ожерелье середины — второй половины V в. до н. э. из Вани (Центральная Колхида). Довольно много в погребениях

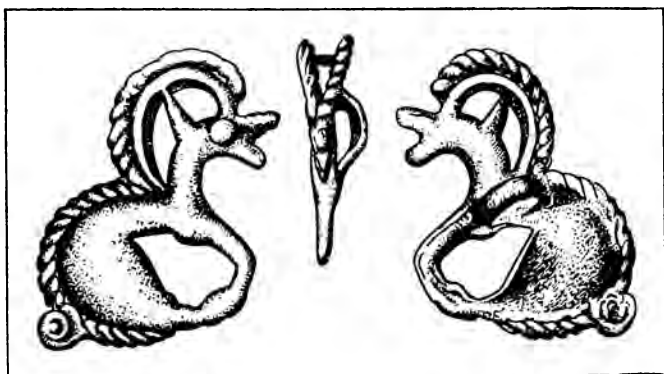

Рис. 10. Гуад-иху. Бляшка-фигурка мифического оленя-солнца.

Бронза. V в. до н. э. Абхазский государственный музей

импортных изделий, в том числе чернолаковой посуды (рис. 7, 4—5), а также бронзовых греческих ситечек с ручкой, украшенной утиной головкой (рис. 7, 7), датированных второй четвертью — серединой V в. до н. э.

Из красномаяцкого могильника происходит и бронзовое чеканное украшение в виде фигуры орла (рис. 7, 21) с распростертыми крыльями, распущенным хвостом и повернутой влево головой. Крылья сделаны отдельно от туловища, с которым затем соединены бронзовыми заклепками. Рельефной чеканкой искусно выделены маховые перья крыльев, оперение шеи, хвоста, переход к клюву и глазу. По краю фигуры нанесен ряд мелких выпуклостей. Парные отверстия вдоль края свидетельствуют о том, что фигура была прикреплена к твердой, по-видимому, деревянной основе.

Красномаяцкий орел относится к разновидности «распростертых» птиц. Такие птицы характерны для греческого искусства эпохи архаики, ими нередко украшали греческие щиты. В искусстве евразийских степей они появляются в V—IV вв. до н. э. Размеры орла (60×64 см) указывают на то, что красномаяцкий щит был такого же размера, как щит Диомеда, изображенный на одном халкидском сосуде середины VI в. до н. э. и украшенный такой же птицей. Весьма вероятно, что щит привез на берега Сухумской бухты какой-нибудь грек-переселенец.

Другие поселения и могильники конца VI — первой

половины IV вв. до н. э. изучены в окрестностях Диоскуриады значительно хуже, чем описанные выше. Однако имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что аналогичный облик имели поселения на западном отроге холма Верещагина и поселение Мачара-2.

Начиная с V в. до н. э. много новых поселений аборигенов появляется на обширном пространстве от современного Нового Афона до Гульрипша. Это в основном поселения на территории римского укрепления «Одынец» и средневекового замка Баграта, на отроге горы Бырцх у Беслетского моста и на холме Ахвыла-абаа, в ряде пунктов по левобережью рек Келасури (Тхубун, Капитановка, Александровка) и Мачары, на Гульрипшской возвышенности. Не исключено, впрочем, что в приустьевой части левобережья Келасури (поселок Тхубун) возникло и греческое поселение: из разрушенных здесь в разное время захоронений были извлечены чернолаковые изделия V в. до н. э., в том числе открытый светильник, а также обломки нескольких бронзовых аттических шлемов второй половины V — начала IV вв. до н. э.

Надо сказать, что греческие товары в тот период проникают и дальше, в самую глубь абхазских гор. В труднопроходимом и теперь ущелье реки Хожгейты, притока Западной Гумисты, в 30 км севернее Диоскуриады (поселок Шубара) найдены обломки амфор V—IV вв. до н. э. В ущелье Пхии археолог Н. В. Анфимов нашел бронзовый аттический шлем, топор и другие изделия, попавшие туда из окрестностей Диоскуриады. Амфоры и чернолаковая посуда встречаются в ущельях рек Мачары и Кодора (Цибилиум, Пацхир), а по ту сторону Клухорского перевала, в знаменитой теперь Домбайской долине, несколько лет назад был найден бронзовый аттический шлем, завезенный туда скорее всего по древнему торговому пути — нынешней Военно-Сухумской дороге.

Античные источники помогают выяснить название одного из тех гениохийских племен, которое сразу же попало под влияние Диоскуриады. Это, вероятно, кораксы — «вороны». «Кораксийская крепость и Кораксийская страна» впервые упоминаются Гекатеем Милетским, автором второй половины VI в. до н. э. Плиний Старший указывает на непосредственную близость кораксов к Диоскуриаде. Возможно, о том же говорит и сопоставление данных Аристотеля и Флавия Арриана о местонахождении «пучин Понта», пункта видимости снежных гор Кавказа

и страны кораксов. Большинство исследователей отождествляет реку Коракс, упоминаемую вблизи Диоскуриады Птолемеем, с современной рекой Кодор, а племя кораксов помещает в Кодорском ущелье, хотя не исключено, что кораксы частично занимали и побережье Абхазии. В источниках встречается также упоминание о Кораксийских горах (Плиний Старший, Помпоний Мела, Птолемей), которые сопоставляются с западной частью Большого Кавказа. Плиний Старший пишет, что Гениохийские горы назывались также Кораксийскими. Сам этноним «кораксы» возник, может быть, на основе греческой этимологизации какого-то местного наименования, окрашенного мифологическими ассоциациями, неизбежно возникавшими у греков при упоминании Диоскуриады.

В том же районе древние авторы называют «Страну тиндаридов». Поскольку Тиндарей, согласно греческой мифологии, был отцом Диоскуров, то, надо полагать, под тиндаридами подразумевалось либо население собственно Диоскуриады и ее хоры, либо одно из окрестных гениохийских племен, скорее всего кораксы⁹.

Расцвет Диоскуриады

Вторая половина IV—III вв. до н. э. — время расцвета Диоскуриады. Судя по всему, городские кварталы тогда расширились в глубь берега, как, вероятно, за счет сплошной застройки, так и за счет возведения отдельных усадеб. Сельскохозяйственная территория охватила значительное пространство от современного Нового Афона до Гульрипша (рис. 11).

Интересные открытия древностей второй половины IV—II вв. сделаны в Сухумской крепости¹⁰. В ее западной части найдены обломки чернолаковых и краснолаковых (пергамских) сосудов, рельефных чаш, амфор, кухонной посуды, нифосов; стеклянные бусы с золотистой прокладкой, виноградные косточки, которые, по мнению исследователей, относятся к тому же сорту, что и местный виноград «качич».

В восточной части крепости обнаружены фрагменты привозных (Хиос, Фасос, Синопа и др.) и местного изготовления амфор, чернолаковая посуда, пирамидальные грузила для ткацкого станка, а также косточки персиков и скорлупа грецкого ореха. Несколько восточнее при прокладке водопровода на набережной напротив нынешней

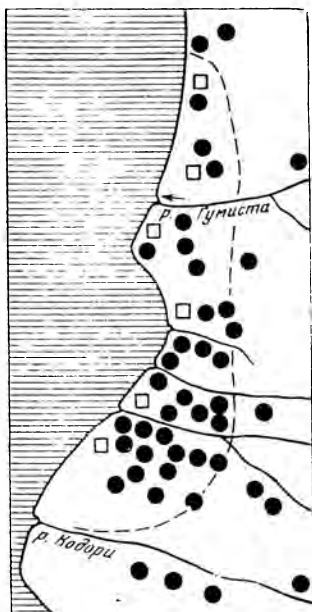

Рис. 11. Схема размещения греческих (обозначены квадратами) и местных (обозначены кружками) поселений в окрестностях Диоскуриады (пунктиром выделена граница хоры) IV—II вв. до н. э.

гостиницы «Рица» в 1940 г. рабочие натолкнулись на обломки привозных амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды, рельефных чаш, фрагменты изготовленной на месте черепицы, амфор, кухонной посуды, пирамидальное грузило и др.

Пласт остатков до 0,3—0,5 м с обломками синопских амфор и черепицы пролегал на скрещении улиц Орахелашвили и Мира, по улице Фрунзе, у гостиницы «Абхазия», по обе стороны приустьевой зоны реки Беслетки. Восточнее при строительстве одного из расположенных здесь санаториев, вблизи места находки знаменитой сухумской стелы, обнаружены обломки амфор фасосского и местного производства, чернолаковой посуды. Таким образом, в эллинистическую эпоху Диоскуриада охватывала значительную площадь, простираясь в длину на 1,5—2 км, а в ширину на 100—300 м.

Очень ценные материалы IV—II вв. до н. э. добыты в последнее время на Эшерском городище¹¹. Размеры поселения этого периода составили около 3 га. К поселению был подведен водопровод из керамических труб (рис. 14, 4). По всей площади велось строительство каменных жилых, хозяйственных и общественных зданий. Крыши домов покрывались черепицей, которая первоначально, судя по ее качеству и клеймам, доставлялась морским путем из Синопы, а позднее производилась на месте. Стены жилых помещений нередко украшались художественной росписью по штукатурке. Обращают на себя внимание известняковые резные канители (рис. 14, 9), выполненные в позднеэллинистическом дорическом стиле и свидетельствующие о том, что где-то в поселении во II в. до н. э., по-видимому, находился античный храм с

с колоннами. Монументальное строительство, зарождение которого, возможно, относится еще к V в., завершилось в конце II в. до н. э. возведением мощных оборонительных стен.

Среди огромного количества обломков посуды выделяются три группы: привозного, местного греческого и в очень небольшом количестве местного аборигенного производства.

Среди привозных предметов заслуживают внимания амфоры, чаши, кувшины и другие изделия синопского происхождения, обломки косских, гераклейских и северо-причерноморских амфор, чернолаковой, буrolаковой и краснолаковой посуды. Очень интересен набор чернолаковых изделий: канфары — чаши на ножке для вина, килики и скифосы, кубки, блюда, кувшинчики и т. д. Среди буrolаковых и краснолаковых сосудов немало чаш, кубков, мисок, рыбных блюд. Любопытен обломок краснофигурного сосуда с изображением какого-то греческого героя (рис. 7, 2). Много чаш с рельефными украшениями, в основном связанных с производством Пергама. На одной из чаш изображен вооруженный воин (рис. 12, 14), на другой — Эрот на колеснице.

Выразительна продукция местных керамических мастерских греков: плоская и желобчатая черепица, амфоры, кувшины, чаши, кастрюли (рис. 14, 7), сковороды, кружки (рис. 14, 8), пирамидальные грузила для ткацких станков (рис. 14, 5) и др. Различные значки и штампы указывают на существование в окрестностях поселения нескольких производственных центров. На одном из кувшинов нанесен вдоль горловины ряд оттисков перстневой печати с изображением Эрота.

Очень интересны результаты обследования фундаментов большого каменного здания рубежа IV—III вв. до н. э. на южном участке городища, где археолог Г. К. Шамба нашел обломки бронзовой доски с греческой надписью (рис. 13). Судя по отдельным словам (в расшифровке А. И. Болтуновой они звучат так: «...силой много... могли... получая на... и всех... царской власти (царства) и...»), надпись эта была создана и установлена на городской площади в ознаменование какой-то успешной акции жителей поселка¹². На территории Советского Причерноморья это как-будто первая находка такого рода. Найдены на городище и костяные заостренные палочки для письма —

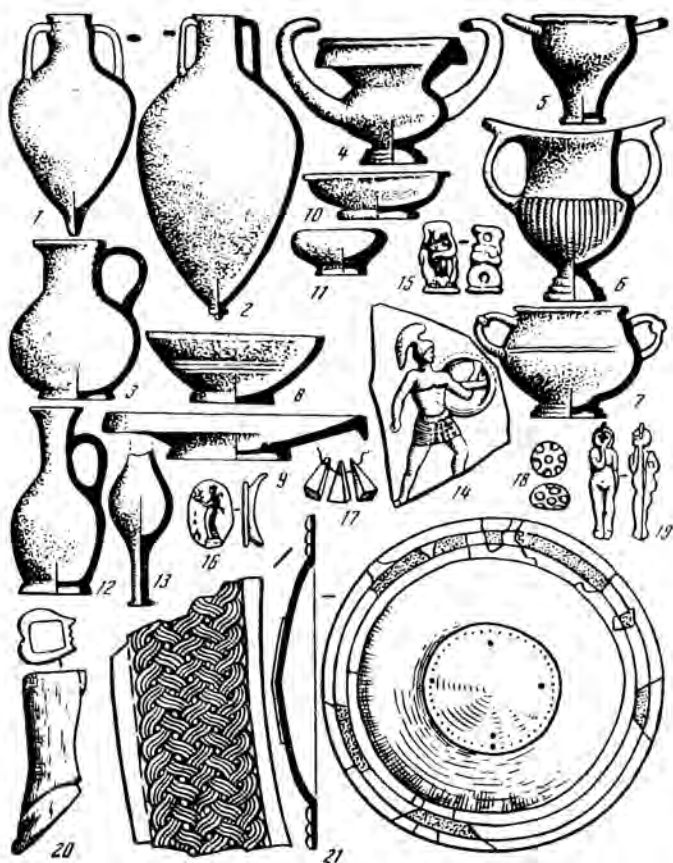

Рис. 12. Диоскуриада. Привозная продукция греческих мастеров:

1, 2 — амфоры; 3 — кувшин; 4—6, 8—12 — чернолаковая посуда; 7 — краснолаковый кубок; 13 — амфориск; 14 — фрагмент «мегарской» чаши; 15, 17, 19 — подвески; 16 — перстень; 18 — бусина; 20 — ножка ложа; 21 — щит. Глина (1—14), бронза (16, 20, 21), фаянс (15), стекло (17—19). IV—II вв. до н. в. Абхазский государственный музей и фонды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

стили, свидетельствующие о достаточно высоком уровне грамотности среди местного греческого населения.

Обильны на Эшерском городище материалы, рассказывающие о сельском хозяйстве, в частности о земледелии

и скотоводстве. Здесь и железные сегментовидные мотыги, и керамические бочки — пифосы, в которых держали зерно. Потом оно перерабатывалось в муку с помощью греческих рычажных зернотерок, от которых сохранились верхние прямоугольные камни. Анализ многочисленных

Рис. 13. Эшерское городище. Фрагмент доски с греческой надписью.

Бронза. IV в. до н. э. Фонды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

обломков костей позволил установить, что стадо, принадлежавшее жителям городища, состояло из большого числа коров, овец, коз, свиней. Найдены также кости лошадей, собак, кур.

Охотилось местное население на дикого кабана, оленя, волка, каких-то хищных птиц.

Могильник Эшерского городища располагался, по-видимому, по пологому склону севернее. Здесь, однако, пока не обнаружено собственно греческих захоронений. Внимание исследователей привлек погребальный комплекс, принадлежавший эллинизированному представителю аборигенного населения. В нем было найдено большое число предметов, расположенных в определенном порядке.

В ногах лежали большой кувшин с двумя ручками, основания которых оформлены в виде звериных лап (рис. 15, 7), ритуальный тройной светильник на подставке (рис. 15, 6) и красноглиняная амфора местного производства, в головах — два небольших горшка, две миски (рис. 15, 2, 3), крышка (рис. 15, 4) и кувшинчик из местной глины, а также привозная чернолаковая носуда — килик (рис. 12, 4), лекиф — маленький кувшинчик для хранения масла (рис. 12, 12) — и чаша (рис. 12, 10), относящиеся к концу IV — началу III в. до н. э.

При погребенном находилось железное оружие: были положены меч с брусковидным навершием на рукояти — поверх него греческий меч-махайра (рис. 14, 12) — у пра-

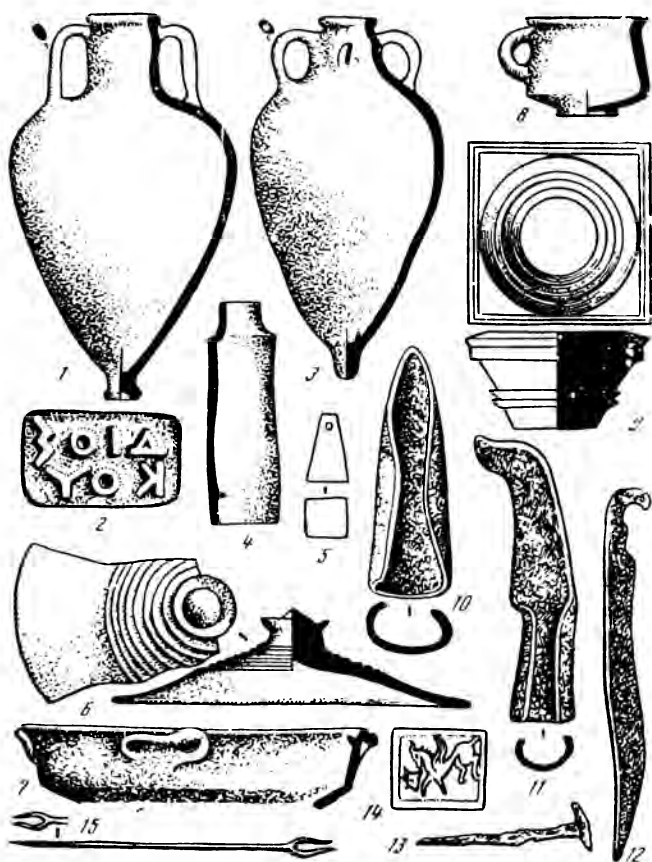

Рис. 14. Диоскуриада. Продукция местных греческих мастеров:

1, 3 — амфоры; 2 — отпечаток клейма Диоскуриады на ручке амфоры; 4 — водопроводная труба; 5 — грузило; 6 — крышка; 7 — кастрюля; 8 — кружка; 9 — капитель; 10 — лемех; 11 — садовый инструмент; 12 — меч-махайра; 13 — гвоздь; 14 — перстень; 15 — спица для вязки сетей. Глина (1—8), бронза (14), железо (10—13, 15), камень (9). IV—II вв. до н. э. Абхазский государственный музей и фонды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

вого локтя — и рядом с ним два ножа, секировидный топорик и пять массивных наконечников копий — у левого. На правом бедре покоился продолговатый точильный камень с отверстием для подвешивания.

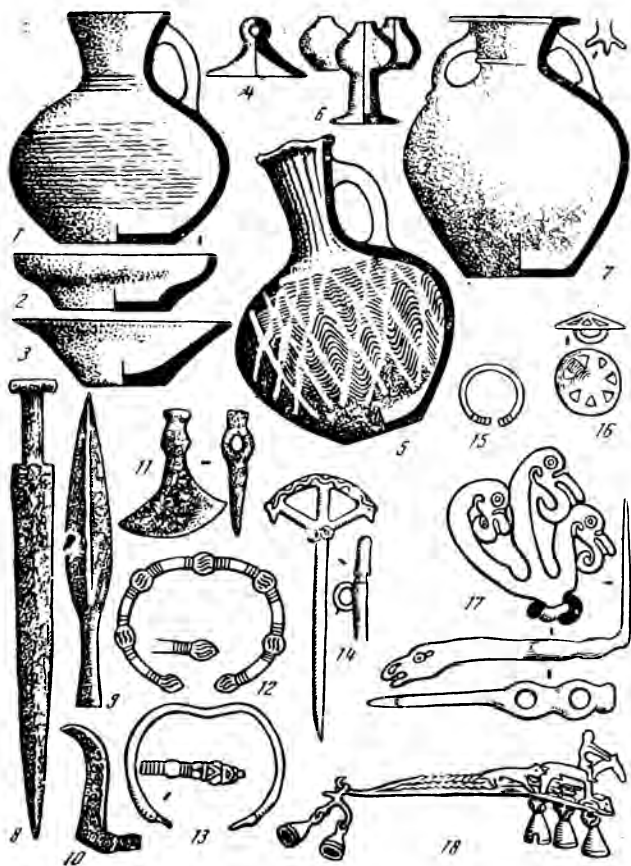

Рис 15. Окрестности Диоскуриады. Продукция местных мастеров:

1, 5, 7 — кувшины; 2—3 — миски; 4 — крышка; 6 — светильник; 8 — меч; 9 — наконечник копья; 10 — топор-цалда; 11 — топор; 12—13 — браслеты; 14 — булавка; 15 — серьга; 16, 17 — детали конской узда; 18 — культовая агретка-пряжка. Глина (1—7), железо (8—11), бронза (12—18). IV—II вв. до н. э. Абхазский государственный музей

На правой руке исследователи обнаружили 2 бронзовых, 2 железных и серебряный браслеты, а также браслет, состоявший из 17 стеклянных голубых и черных бусин. Пояс украшала небольшая бронзовая бляшка с петлей на обороте. Любопытен бронзовый перстень западно-греческого происхождения с печатью, на которой выреза-

но изображение богини с горящим светильником или факелом в руке (рис. 12, 16). Здесь же и, как полагают, культовый предмет (вероятнее всего, своеобразная поясная пряжка), состоящий из трех сливающихся в один крюк стержней, увенчанных фигуркой обнаженного всадника (рис. 15, 18). Конь стоит на площадке, образованной тремя парами горизонтально положенных на стержни спиралей. По бокам площадки выступают по три бараньих головы. На шее у каждого барана бронзовый колокольчик. Три аналогичных колокольчика украшали и соответствующую крюку петлю.

Несколько захоронений III—II вв. до н. э. обнаружено и в основании оборонительных сооружений в самой высокой точке городища. В могилах найдены местная и импортная керамика, секировидный топор, наконечники копий, большое число браслетов, серег с нарезными концами (рис. 15, 15) и др. У двух погребенных во рту лежали серебряные греческие монеты.

Посмотрим теперь, как отразилось влияние Диоскуриады на облике материальной культуры аборигенных поселений в разных районах ее сельскохозяйственной территории¹³.

Поселение на вершине Сухумской горы значительно расширяется, спускаясь по ее юго-западному склону. В культурных напластованиях этого времени обнаружена разнообразная привозная и местная посуда, из импортных материалов — обломки синопских амфор, черепицы, больших чаш — лутериев, родосских и косских амфор, чернолаковой посуды: канфара (рис. 12, 6), котил — глубоких застольных чаш для вина, блюд и др. Продукция местных греческих мастерских представлена достаточно богато: амфоры, черепица, пифосы, кастрюли, чаши, пирамидальные грузила для ткацкого станка и т. д.; к изделиям аборигенов можно отнести часть пифосов, котлы, кувшины. В процентном отношении они теперь уже уступают продукции античного облика — налицо широкая эллинизация быта аборигенов.

Захоронения отражают ту же закономерность: в одном погребении — нять железных наконечников копий, секировидный топорик, меч с брусковидным навершием и чернолаковая котила с амфориском — миниатюрным сосудом для благовоний, в другом — аналогичные топоры и наконечник копья вместе с амфорой, амфориском и чернолаковым канфаром конца IV — начала III в. до н. э.

Во II в. до н. э. жизнь на поселении постепенно замирает.

Очень интересны железные секировидные топорики (рис. 15, 11), получившие широкое распространение в окрестностях Диоскуриады во второй половине IV—III вв. до н. э. Изображения подобных топориков часто встречаются на произведениях северонричерноморской торевтики IV в. до н. э. — художественных изделиях из металла, где они связаны с изображениями скифов (воронежский серебряный сосуд, обивка футляра для лука и стрел — горита из кургана Солоха, ножны меча из Чертомлыка, херсонесский медальон). Нужно отметить, однако, что для собственно скифской культуры такие топорики совершенно не характерны. Поскольку все изделия с описанными изображениями исполнены руками греческих мастеров, можно предположить, что и в окрестностях Диоскуриады этот вид топора получил распространение не без влияния местных греческих оружейников.

В Гуад-иху, центре одного из значительных земледельческих районов Диоскуриады, как и в поселении на Сухумской горе, во второй половине IV—III в. до н. э. население увеличивается, облик культуры заметно эллинизируется.

Среди импортных изделий встречается продукция Атики, Синопы, Коса, местные, диоскурийские, амфоры, пифосы, чаши, пирамидальные грузила и т. д. Процент изготовленной здесь же, на месте, тарной, кухонной и столовой (рис. 15, 1) посуды сокращается.

Красноречивую картину эллинизации демонстрируют и захоронения. В них, кроме железных секировидных топориков, мечей с брусковидными навершиями (рис. 15, 8), наконечников копий, ножей, разнообразных бронзовых браслетов (рис. 15, 12), ажурных булавок (рис. 15, 14), колокольчиков, фибул и кувшинов, которые могут быть отнесены, хотя бы с оговорками, к продукции мастерских абригенов, найдены амфоры и кувшины диоскурийского производства, синопские амфоры, чернотелая посуда (рис. 12, 5). Интересны подвески-амулеты (рис. 12, 15) из голубого фаянса, изображающие древнеегипетского бога Бэса, по представлениям того времени отгоняющего злых духов, змей, скорпионов и противостоящего «дурному глазу», серебряная монета, так называемая колхидка, чеканенная в одном из центров Колхиды. К концу II в. до н. э. и на этом поселении жизнь замирает,

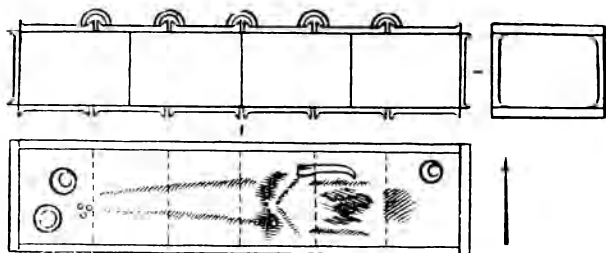

Рис. 16. Гробница из могильника Гуад-иху.

Черепица. IV—III вв. до н. э.

В слое IV—III вв. до н. э. вместе с обломками фассосских и ранних родосских амфор на поселении Гуад-иху был найден железный лемех — наконечник рала древнего деревянного плуга (рис. 14, 10). В Северном Причерноморье до сих пор не встречались железные лемехи древнее конца II в. до н. э. Таким образом, лемех из Гуад-иху наряду с лемехами, обнаруженными в последние годы в комплексах VI—V вв. до н. э. в окрестностях Фасиса, входит в число древнейших изделий такого рода в Советском Союзе. Интересно, что близкие по форме железные лемехи еще в первой половине VI в. до н. э. греки привезли с собой в Сицилию. Можно полагать, что и в Диоскуриаде эти лемехи использовались греками со столь же раннего времени.

Необычное женское погребение удалось обнаружить на южном склоне холма в 1973 г. Дно и стенки перекрытия погребальной камеры были сложены из 22 плоских черениц синопского производства (рис. 16). Сверху вдоль стыков черепиц лежали еще 5 желобчатых синопских черениц, которые обеспечивали полную герметичность камеры. Гробница к моменту нашего прихода оказалась уже разграбленной — сохранились лишь кувшин, два чернолаковых сосуда, какие-то колечки и железный садовый инструмент (рис. 14, 11) с загнутым верхним концом и тульей, предназначенной для насадки на длинную деревянную рукоять.

Подобные орудия — флаксы стали распространяться в окрестностях Диоскуриады в IV—III вв. до н. э. Они не имели прототипов в Восточном Причерноморье, но широко использовались в античном хозяйстве Средиземноморья, связанном с садоводством и виноградарством. С помощью

этих инструментов можно было не только быстро очищать лозы, срезать ветки, но и подтягивать их к себе, как крючком. Появление их в окрестностях Диоскуриады следует, видимо, связывать с тем, что греки поставили местное виноградарство на промышленную основу. Любопытно, что массовое производство амфорной тары в Диоскуриаде также приходится на IV — III вв. до н. э.

Раскопки римской «башни Одынец» на северо-западной окраине Сухуми позволили выявить и довольно значительную коллекцию древних изделий, в том числе чернолаковые чаши (рис. 12, 8), рыбные блюда (рис. 12, 9), кувшины, кружки, пергамские кубки, пирамидальные грузила, топоры и т. д.

Много интересного дали и раскопки Красномаяцкого поселения. Обломки привозных, большей частью синопских, амфор, черепицы, кувшинов, чаш и других изделий, чернолаковой и краснолаковой посуды, изготовленных местными ремесленниками-греками амфор, кастрюль, лутериев, черепицы, грузил для ткацкого станка и т. д., явно преобладающих над продукцией аборигенов, позволяют говорить не только о глубоко зашедшем процессе эллинизации, но и о том, что на поселении жили и сами греки. В этой связи очень интересна железная спица (рис. 14, 15) для вязки рыболовных сетей по греческому образцу, найденная здесь же в слое III—II вв. до н. э.

Особенно выразительным памятником этого времени, исследованным на территории поселения Красный маяк, является печь для обжига керамических изделий из гранитных валунов и ломаного известняка на глинистом растворе с наружной обмазкой. Вокруг печи когда-то стояли деревянные столбы, поддерживавшие над ней черепичное перекрытие. Среди изделий, обнаруженных здесь, обращают на себя внимание амфоры, пифосы, сковороды, котлы, крышки (рис. 14, 6), пирамидальные грузила, черепица, кирпич, обжигательные подставки и т. д. Часть амфор по форме восходит к соответствующей синопской продукции III в. до н. э.

Все найденные изделия, получившие в Северной Колхиде широкое распространение в III — начале I в. до н. э., изготовлены из местной, главным образом коричневого и красного обжига, глины с примесями песка, слюды, редких пироксеновидных частичек. До недавнего времени пироксеновидные примеси считались исключительно принадлежностью глин Южного Причерноморья. В послед-

ние годы, однако, глины с такой примесью найдены и в бассейне Риони, где они использовались еще в доантичную эпоху, и в Северной Колхиде, где они иногда употреблялись в III—II вв. до н. э. Судя по ассортименту продукции, красномаяцкая печь может быть включена в число греческих производственных центров Диоскуриады.

На красномаяцком могильнике всего два захоронения этого времени. В одном из них археологи нашли два бронзовых браслета, две местные коричневоглиняные амфоры и амфориск (рис. 12, 13) второй половины III — первой половины II в. до н. э. В другом, перекрытом краспоглиняной черепицей местного производства, — бронзовый браслет, две проволочные серебряные серьги, свисшие 60 бус из голубой пасты, стекла с золотистой прокладкой и сердолицковых, а также краснолаковый кубок (рис. 12, 7) II в. до н. э.

Значительное поселение той эпохи обнаружено и на южной окраине Лечкопского плато, вблизи железнодорожной станции Ачадара. Здесь также находился центр гончарного производства III—I вв. до н. э., продукцию которого составляли амфоры, черепица, пифосы и т. д.

Выше уже говорилось, что на западном отроге холма Верещагина еще в VIII—VII вв. до н. э. существовало поселение аборигенов. В последующие столетия жизнь на нем, судя по всему, протекала так же, как на поселениях Сухумской горы, Гуад-иху и Красного маяка.

На холме Верещагина еще в 30-х годах было раскопано два очень интересных, по-видимому женских, захоронения эллинистического времени. В первом из них ученые нашли два амфориска, два кувшинчика — местный (рис. 15, 5) и чернолаковый, обломок железного ножа, две проволочные бронзовые серьги, 40 бусин из гешпира — черного смолистого минерала, стекловидной пасты, сердолика, перламутра, белого и с золотистой прокладкой стекла, бронзовые браслеты с прогнутой спинкой и два бронзовых перстня. Рядом, в кремационном захоронении в урне — в косской амфоре (рис. 13, 2) были обнаружены два кувшинчика местной работы, два амфориска, четыре бронзовых браслета (рис. 15, 13) и обломок железного ножа. Амфору прикрывала каменная плита. Оба захоронения, судя по амфоре, амфорискам и чернолаковому кувшинчику, относятся ко времени не ранее конца III — середины II в. до н. э.

Любопытны браслеты с прогнутой спинкой, концы ко-

горых украшены предельно стилизованными головками животных и круговыми нарезками. Такой тип браслетов проник в Колхиду еще в V в. до н. э. из Ирана, однако местное производство их началось, судя по всему, с конца IV в. до н. э. В III—II вв. до н. э. они широко распространились в окрестностях Диоскуриады. Интересны и перстни из первого погребения, щитки которых украшены изображениями собаковидного существа и грифона — фантастического крылатого животного с телом льва и головой орла, перед которым видна голова быка (рис. 14, 14). Эти перстни могут быть отнесены также к продукции греческих мастеров самой Диоскуриады.

Чрезвычайно интересный памятник рассматриваемого времени в начале 60-х годов открыли В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин на восточной окраине Нового Афона (Гвандра). Здесь, в срезе небольшого берегового обрыва, в результате действия прибоя обнаружили остатки печи для обжига керамики, представлявшие собой углубление диаметром до 3 м, заполненное обломками пифосов, амфор, тарелок, мисок, блюд, кувшинов, горшков, черепицы и керамического шлака¹⁴.

Большинство этих изделий оказалось изготовленным из местной глины, имеющей в изломе зернистую фактуру оранжево-коричневого цвета с легкой примесью мелких пироксеновидных включений и мелких блесток слюды. Форма амфор (рис. 14, 1) — довольно высокая попка и слегка раздутое в верхней части горло с небольшим венцом с круговым валиком — сближает гвандрские амфоры с соответствующей продукцией Синопы второй половины IV — первой половины III в. до н. э. Не подходит под синопский стандарт лишь наличие довольно глубокой выемки на подошве амфорных ножек. Вероятно, это влияние каких-то других центров, например Гераклеи.

Примечательной особенностью гвандрского комплекса является собственно диоскуриадская клейменная тара — на многих амфорных ручках имеется зеркальный отпечаток клейма ΔΙΟΣΚΟΥ[ΡΙΑΔΕΩΝ], т. е. «диоскурийцев», наносившийся с помощью штампа (рис. 14, 2). Клеймение амфор и других изделий в греческом мире служило гарантией их стандартности, обусловленной государственными контролем над гончарным производством. Поэтому некоторые исследователи допускают, что в конце IV—III в. до н. э. керамическое производство Диоскуриады носило государственный (полисный) характер¹⁵. Такого

рода свидетельство для Восточного Причерноморья обнаружено впервые.

Посмотрим, что происходило в рассматриваемое время в восточной части хоры Диоскуриады. Еще в VI в. до н. э. возникло поселение на вершине холма Ахул-абаа (верховья Алексеевского ущелья). В IV в. оно распространилось и на ближайшие небольшие гребни и вершины, заняв площадь свыше 1 га. Здесь обнаружены обломки синопских амфор, лутериев и черепиц IV—III вв. до н. э., амфор фасосского, родосского и гераклеяского производства IV—III вв. до н. э. Диоскурийская продукция представлена амфорами, кастрюлями, чашками, черепицей и пирамидальными грузилами. В большом количестве в поселение поступала и чернолаковая посуда — скифосы, лекифы, аски и др. Здесь же найдены полая бронзовая ножка от греческого ложа IV в. до н. э. и бронзовый аттический шлем. Материальная культура аборигенов характеризуется обломками пифосов, кувшинов, железными (топор, нож и др.) и каменными (ладьевидные зернотерки, гальки со следами работы) изделиями.

На периферии поселения обнаружено несколько погребений. В погребении воина найдены бронзовая чаша, железный меч с брусковидным павершием, два наконечника копий, нож, три изящные бусины (рис. 12, 18), чернолаковые канфар, чашечка (рис. 12, 11) и блюдо, сероглиняный импортный кувшинчик (рис. 12, 3) и железный местный сельскохозяйственный топор-цалда. Наиболее выразителен деревянный щит диаметром до 80—90 см, от которого сохранились обломки бронзовой обивки, состоявшей из внешней пластинчатой окантовки, украшенной пятирядной рельефной плетенкой с «жемчужинами», и центральной части диаметром до 29 см (рис. 12, 21).

Ближайшая и единственная в Советском Союзе аналогия этому щиту — греческий щит из Курджипского кургана (Прикубанье) IV в. до н. э.

Очень интересны также остатки уздечного набора, найденного вместе с костями коня поблизости. В набор входили железные двухзвеневые удила с бронзовыми псалиями, лопасти которых представляют собой стилизованные лапы грифона (рис. 15, 17), бронзовая налобная бляха в виде фигуры фантастического животного и др. Изделия выполнены в духе сако-скифского «звериного стиля» в том его варианте, который получил распростране-

ние в Прикубанье. Нужно сказать, что в окрестностях Диоскуриады известно довольно большое число аналогичных принадлежностей конской сбруи (Гуад-иху, замок Баграта, Келасури, Агудзера и др.), свидетельствующих о том, что в IV—III вв. до н. э. местное население добывало себе лошадей, а вместе с ними и конскую сбрую главным образом в Прикубанье, о связях с которым говорят также форма мечей и некоторые виды наконечников копий. Вблизи поселения на вершине холма Ахул-абаа найдена и золотая фигурка птички от какого-то украшения (рис. II).

С территории сухумского дендропарка происходит золотая бляшка в виде фигурки льва (рис. III).

Выше уже говорилось, что в V в. до н. э. аналогичные описанным местные поселения возникли на ряде вершин водораздельных хребтов. В IV—III вв. до н. э. они, подобно поселению на холме Ахул-абаа, значительно расширились.

На поселении в урочище Капитановка (водораздел Келасури и Мачары в 6 км от берега моря) после террасирования удалось проследить, что отдельные жилища (а общее их число едва достигало 10) располагались на расстоянии 15—20 м друг от друга. Дома могли стоять и на очень крутом склоне, тогда одна их часть опиралась на вырубленную в нем площадку, а другая, вероятно, — на столбы.

О материальной культуре местных жителей можно судить по многочисленным обломкам туземной посуды (пифосы, кувшины, горшки, миски, кружки, котлы и т. д.), привозным (синопские амфоры и лутерии, чернолаковая и краснолаковая посуда) и диоскурийским (амфоры, лутерии, кухонная посуда) керамическим изделиям, железным серповидным ножам, бронзовым колокольчикам, браслетам с прогнутой спинкой, привозным бусам из стекловидной пасты и др.

На одной из террас западнее устья Мачары обнаружены следы небольшого поселения — обломки черепицы, амфор и кухонной посуды исключительно диоскурийского производства III—II вв. до н. э. Вероятно, здесь находилась небольшая сельскохозяйственная усадьба.

На уже упоминавшемся поселении Мачара-2, расположенном в 5 км от берега моря и в 15 км от города, черты эллинизации проступают столь же отчетливо, что и на Красном маяке или Сухумской горе. На пашне най-

дены остатки по меньшей мере 15 жилищ, занимавших по южному, западному и северо-восточному склонам холма около 1 га, обломки синопских амфор, черепиц, лутериев и кувшинов, родосских амфор, чернолаковой посуды — котил, чаш, блюд, амфорисков и других изделий IV—II вв. до н. э., продукции производственных центров Диоскуриады — черепицы, амфор, пифосов, лутериев, кастрюль, пирамидальных грузил и т. д. Из разрушенных пахотой погребений происходят железные топоры, накопечники копий, ножи, садовые инструменты с клювовидной рабочей частью, бронзовые браслеты с прогнутой спинкой, кувшины, амфориски, чернолаковая посуда, бусы и т. д.

Следы не менее двух десятков аналогичных поселений фиксируются севернее и восточнее, по холмистым предгорьям междуречья Мачары и Кодора. Отсюда постоянно поступают сведения о находках чернолаковых сосудов, глиняных пирамидальных грузил от ткацких станков и т. д. Обломки синопских амфор и чернолаковой посуды найдены в культурных напластованиях ряда поселений в Цебельдинской долине (Шапка, Цибилиум, Пацхир и др.) на расстоянии в 30—40 км от Сухуми. Эти поселения находились уже вне зоны непосредственного контакта полиса с местными племенами; такая зона кончалась здесь примерно в 10—12 км от берега. На востоке же граница, вероятно, шла вблизи берегов Кодора.

Несколько лет назад около Агудзеры, на пляже, кто-то подобрал золотую монету Филиппа III Македонского (рис. IV), выпавшую из стенки обрыва, в котором обнаружилось затем погребение, частично размытое морем. В погребении оказались железные секировидный топорик, меч с брусковидным навершием, наконечники копий, бронзовая булава с ажурной головкой и оригинальный глиняный сосуд, на плечиках которого были прилеплены четыре маленьких сосудика, соединенных с большим отверстиями в днищах. Монета относится к 323—316 гг. до н. э., отсюда и дата погребения — конец IV — первая половина III в. до н. э. Рядом — остатки большого поселения, где находили обломки синопских амфор и черепицы, железный скифский меч (рис. 5, 21) VI в. до н. э., пирамидальные грузила из глины и другие материалы эпохи Диоскуриады.

На юго-восточной окраине поселка Гульриш совсем недавно при рытье канала сухумский врач Н. А. Берни-

ков обнаружил древнюю производственную площадку, где, по-видимому, стояла гончарная печь. На поверхности вымостки из кусков обожженной глины и керамического шлака было найдено до трех десятков амфорных горловин и ножек, обломков венцов пифосов, тарелок и черепицы. Примечательно, что среди находок почти совершенно отсутствовали невыразительные обломки стенок сосудов.

Создается впечатление, что это какая-то часть производственных отходов, прошедших специальный отбор с целью, для нас пока неясной. Отличительные черты большинства амфор (рис. 14, 3) — раздутость горла и слегка округлая ножка, на внутренней стороне которой имеется характерный спиралевидный завиток. На горлах нанесены по сырой глине однотипные значки, вероятно, определявшие емкость сосудов или же их принадлежность определенной мастерской, которая функционировала еще во II — начале I в. до н. э.

«История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...», — писал К. Маркс¹⁶. История Диоскуриады в данном смысле не исключение.

На территории хоры Диоскуриады по аналогии с Северным Причерноморьем¹⁷ могут быть пока выделены три типа сельских поселений.

К первому относится хорион — поселение греков, в котором каменные жилища, концентрируясь на ограниченной территории, теснились одно подле другого и не имели приусадебных участков. Такие жилища объединялись в блоки и кварталы, разделенные улицами и переулками, и окружались оборонительными сооружениями.

Ко второму типу поселений относятся неукрепленные поселения аборигенов — комы, располагавшиеся на равнине или на вершинах холмов и представлявшие собой группу изолированных хижин, отстоявших одна от другой на 10—30 м и разделявшихся, по-видимому, приусадебными участками.

К третьему типу относятся неукрепленные сельские усадьбы греков как в непосредственной близости от кварталов города, так и юго-восточнее, по периферии хоры, вблизи морского побережья. Дома в усадьбах и отдельные здания в комах, принадлежавшие, возможно, родовым старейшинам, покрывались в IV—II вв. до н. э. черепицей.

Об истории аграрных отношений на территории хоры Диоскуриады у нас пока данных явно недостаточно. Можно только с полным основанием говорить, что начиная с V в. до н. э. площади поселений здесь увеличиваются, а следовательно, увеличивается и число аборигенов, втянутых в систему экономических отношений города. Появление мощного рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь хлеба, способствует росту обрабатываемых в окрестностях Диоскуриады площадей и распространению в местном быту более совершенных земледельческих орудий, в том числе греческого плуга с железным наральником и крупных железных мотыг, что превращает землю из средства поддержания жизни в средство увеличения достатка.

Параллельно с хлебопашеством в рассматриваемое время в пределах хоры города развивается виноградарство, не игравшее до того заметной роли в хозяйственной жизни местного населения. Не случайно здесь так широко распространяются виноградные ножи античного облика, успешно конкурировавшие с местным топором-цалдой. Показательно, что по времени это совпадает с организацией массового производства местной керамической тары, рассчитанной на винодельческую промышленность. Развивается также садоводство (орехи, персики и т. д.) и огородничество. Несомненно большую роль играет и скотоводство. Скот используется в хозяйстве как тягловая сила; мясо и молочные продукты идут в пищу; из кожи изготавливаются обувь и военные доспехи; мелкий рогатый скот дает шерсть для одежды. Лошади находят применение в войсках.

Намечаются изменения и в отношении различных видов промысла. Так, большой размах, вызванный расширением рынка, получает рыболовство, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в туземных поселениях. Вероятно, на рыбном промысле начинают специализироваться те семьи греков и втянутых в городскую жизнь аборигенов, что обитают в прибрежной полосе (Красный маяк и др.). Охота имеет подсобное, второстепенное значение.

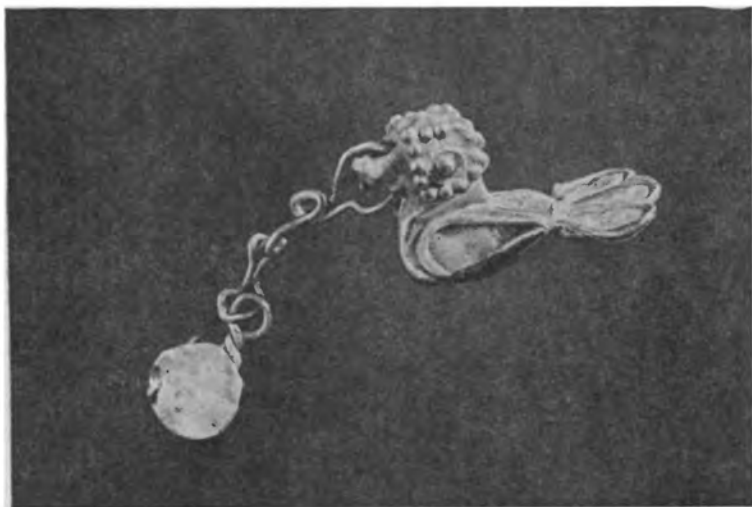
Немалую роль играло в экономике Диоскуриады и ремесло. Если еще 10—15 лет назад наука не располагала какими-либо достоверными сведениями об этой стороне

Рис. 1. Сухумская стела.

Мрамор. V в. до н. э. Абхазский государственный музей.

Ю. Н. Воронов

Рис. II. Фигурка птички.

Золото. IV в. до н. э. Абхазский государственный музей

Рис. III. Бляшка — фигурка льва.

Золото. IV в. до н. э. Абхазский государственный музей

Рис. IV. Монета Филиппа III Македонского.

Золото. 323—316 гг. до н. э. Абхазский государственный музей

Рис. V. Варварское подражание монете Лисимаха.

Золото. III—II вв. до н. э. Абхазский государственный музей

Рис. VI. Бюст женщины.

**Известняк. I—II вв. н. э.
Абхазский государственный музей**

Рис. VII. Медальон с изображением Медузы Горгоны.

Серебро. IV в. н. э. Абхазский государственный музей

Рис. VIII. Драндский собор.

VI в. н. э.

Рис. IX. Пряжка с греческой надписью.

Бронза. VI—VII вв. н. э. Абхазский государственный музей

Рис. X. Монета Юстиниана I.

Золото. 527—565 гг. н. э. Абхазский государственный музей

Рис. XI. Замок Баграта.

XII—XIV вв.

Рис. XII. Наконечники стрел.

Железо. XIII—XIV вв. Абхазский государственный музей

Рис. XIII. Беслетский мост.

XI—XII вв.

жизни города, то в настоящее время такие материалы, во всяком случае для IV—II вв. до н. э., у нас есть. На территории хоры был разбросан в рассматриваемый период целый ряд производственных центров, основанных и эксплуатировавшихся греческими гончарами. Здесь изготавливались разнотипные амфоры, черепица, пирамидальные грузила для ткацких станков и, возможно, рыболовных сетей, различная кухонная и столовая посуда (кастрюли, горшки, миски, тарелки, блюда, крышки, сковороды, лутерии, кувшины и т. д.) по образцам, характерным для греческого мира. Продукцией мастерских оказались и отдельные типы пифосов, считавшиеся ранее туземного происхождения.

Видное место в ремесле Диоскуриады занимала и металлообработка. К числу изделий греческих кузнецов следует отнести в первую очередь сельскохозяйственные инструменты (лемехи, мотыги, виноградные ножи, орудия с клювовидной рабочей частью и т. д.), оружие (мечихайры, отчасти мечи с брусковидным навершием, секировидные топоры, наконечники копий и т. д.), строительные материалы (гвозди, скобы и др.), спицы для вязания сетей и т. д. Определенный круг вещей вышел, вероятно, из рук диоскуриадских литейщиков — бронзовая доска с надписью из Эшеры, перстни некоторых типов, ювелирные изделия из золота и т. д.

О развитии ткацкого ремесла говорят многочисленные пирамидальные грузила для вертикального греческого станка, что свидетельствует о его широком распространении в хозяйстве аборигенов. Различные размеры грузил указывают на существование станков для выделки различных тканей — от тончайших до парусины. Жили здесь и ремесленники, специализировавшиеся на плетении рыболовных сетей.

Интересны данные о строительном деле. Основным материалом для сооружения домов на большинстве поселений хоры Диоскуриады было дерево. Стены деревянных строений покрывались глиняной обмазкой. На поселениях греков для строительства, помимо дерева, широко использовались камень и сырцовый кирпич. Стены домов ставились на фундаменте из ломаного или обработанного известняка или песчаника. Известняковые резные капители позднеримского ордера свидетельствуют о существовании в этих местах собственной школы каменотесов, возводивших монументальные храмы. Капители и часть

блоков сделаны из того известняка, ближайшие выходы которого известны к северу от Нового Афона. Оттуда он доставлялся в Эшеру морским путем.

Обработка дерева занимала видное место в ремеслах Диоскуриады: плотницкое и столярное дело, кораблестроение, изготовление сухопутных транспортных средств и деталей сельскохозяйственных орудий. Широко было поставлено производство канатов, плетение корзин, выделка циновок, обработка кости и т. д.

В эллинистический период происходит коренная перестройка хозяйства аборигенов на территории хоры Диоскуриады. Если прежде главной задачей являлось удовлетворение внутренних потребностей каждого населенного пункта — его жители сами обрабатывали землю, изготавливали оружие, сельскохозяйственные орудия, посуду, одежду и украшения, то теперь часть этих функций перешла к городу, где аборигены стали приобретать в обмен на сельскохозяйственные продукты значительную часть того, что прежде производили сами. В результате происходит резкое сокращение многих видов туземной ремесленной продукции, в том числе и керамики.

Диоскуриада была широко известна своими торговыми рынками. Согласно сообщению Тимосфена Родосского, жившего в III в. до н. э., здесь для коммерческих сделок собирались представители 300 племен. Страбон, опираясь на источники III—I вв. до н. э., писал: «Эта же Диоскуриада является... общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае в этот город собираются [представители] 70 народностей» (XI, 2, 12). Он сообщает, что эти народы «сходятся в Диоскуриаду... главным образом для покупки соли» (XI, 5, 6).

Очень разнообразны в эллинистический период внешние связи Диоскуриады. Установившиеся еще в V в. до н. э. тесные контакты с Афинами сохраняют свое значение и в последующие века. На это указывают многочисленные находки разнообразных чернолаковых изделий.

В IV в. поддерживаются связи с Хиосом и Фасосом, ввозившими в Колхиду вино. С конца V — начала IV в. до н. э. усиливаются контакты с Синопой, постепенно захватывающей роль посредника в торговле между Колхидой и Средиземноморьем, которую она сохраняет до конца эллинистической эпохи. Из Синопы в Диоскуриа-

ду поступают амфоры с оливковым маслом, строительные материалы, столовая посуда, монеты и т. д. Не случайно поэтому местное керамическое производство складывалось под непосредственным влиянием соответствующей продукции Синопы (амфоры, черепица, лутерии и т. д.). В IV в. устанавливаются торговые связи и с другим важным центром торговли в Причерноморье — Гераклеей Понтийской. Отсюда также ввозятся вина и оливковое масло. На территории хоры Диоскуриады найдены характерные образцы продукции Родоса, Коса, Пергама и других городов.

В свою очередь, Диоскуриада экспортирует лес, льняные ткани, продукты земледелия и животноводства, мед. С IV в. до н. э. определенное место занял и вывоз вина, о чем говорят находки колхидских амфор в Северном Причерноморье. Все эти торговые операции торговцы-греки производят в первую очередь в интересах городского населения Диоскуриады, однако их результаты зримо сказываются и на жизни населения ее хоры. По крайней мере с середины V в. до н. э. в местной среде получают распространение многочисленные привозные изделия.

В IV—II вв. туземное население широко использует продукцию различных средиземноморских и причерноморских центров. Надо полагать, что господствующей формой торговых операций между жителями сельских поселений и городскими купцами был натуральный обмен, хотя нельзя исключать и определенную роль денег, которые, однако, иногда могли заменяться какими-нибудь эквивалентами, например перстнями и т. д.

Античные монеты появляются в окрестностях Диоскуриады довольно рано. В IV—II вв. здесь получают хождение серебряные монеты Синопы, золотые и серебряные монеты Александра Македонского и Филиппа III Македонского, подражания статерам Лисимаха (рис. V), распространяется монета Амиса и других центров. На сельскохозяйственной территории города известно несколько кладов и довольно большое число случайных находок колхидок — серебряной монеты, обращавшейся в Колхиде в конце VI—IV вв. до н. э. и связываемой рядом исследователей с чеканом восточнопричерноморских греческих городов (в основном, вероятно, Фасис) ¹⁸. Не исключено, однако, что один из монетных дворов, чеканивших колхидки, находился в Диоскуриаде. Одна такая колхид-

Рис. 17. Монеты Савлака (1), Диоскуриады (2) и Аристарха Колхидского (3)

Серебро (1). II в. до н. э.; бронза (2) и серебро (3). Конец II и середина I в. до н. э.

ка была найдена в 1924 г. в районе Сухумской крепости, т. е. непосредственно на территории города. Имеются, правда, не совсем достоверные сведения о находках в окрестностях Сухуми колхидок с буквенными обозначениями Δ и ΔΙ. В литературе высказано также мнение, что к продукции диоскуриадского монетного двора нужно относить и золотые монеты, приписываемые рядом исследователей Савлаку (рис. 17, 1) — согласно Плинию, одному из крупнейших племенных вождей эллинистической Колхиды¹⁹. Прототипами этих монет, как полагают, послужили монеты Родоса — на лицевой стороне Савлаковых монет имеется изображение царя, сходное с изображением Гелиоса на родосских монетах, а на обороте помещена голова быка.

Под властью Митридата Понтийского

II век до н. э. ознаменовался во всем античном мире значительными политическими событиями, развитие которых наложило отпечаток и на историю Диоскуриады. В этот

период Рим постепенно распространяет свое политическое и экономическое влияние в Средиземноморье. На востоке, в Малой Азии, ему пытаются противостоять Понтийское царство (или Понт), также стремящееся к гегемонии в данном районе. Понтийский царь Митридат VI Евпатор принимает все меры к тому, чтобы создать против Рима мощное объединение, завладеть наиболее важными опорными пунктами, собрать как можно больше сил.

С другой стороны, Понт стремится защитить греческий мир от все более и более активизировавшихся варваров. Одной из таких акций стал крымский поход Диофанта, поводом для которого послужила просьба Херсонеса оградить его от скифов. Поход закончился включением Херсонеса и Боспора в состав Понта.

Первое появление Митридатовых войск на территории Диоскуриады, возможно, было связано с аналогичным призывом и относится также еще к концу II в. до н. э., когда, согласно источникам, Митридату пришлось «войной подчинить Колхиду». В войне Диоскуриада, судя по всему, поддержала Митридата, за что и получила автономию, выразившуюся, в частности, в праве чеканить собственную монету. Исследователи видят в этом факте возрождение в городе полисных традиций и относят чеканку монет Диоскуриады ко времени от 111 до 100 г. до н. э.²⁰

В настоящее время известно всего около четырех десятков этих монет, найденных главным образом в Северном Причерноморье (Херсонес и др.), а также, по данным известного нумизмата Е. А. Пахомова, в окрестностях Анкары. Все они изготовлены из меди и принадлежат к одному типу и двум весовым категориям (дихалк и халк). На лицевой стороне монет имеются изображения шапок Диоскуров с шестилучевыми или восьмилучевыми звездочками над ними, на обратной стороне — тирса, палки с пиниевой шишкой на конце, по сторонам которого надпись ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΔΩΣ, разбитая на три строки (рис. 17, 2).

Впервые тирс на Митридатовых монетах появляется в Южном Причерноморье в сериях 105—90 гг., а в Северном Причерноморье — в сериях 100—95 гг. до н. э., наиболее поздние изображения тирса на монетах понтийских городов датируются 80-ми годами I в. до н. э. Мелкие номиналы, к которым относятся и рассматриваемые, были характерны для ранних серий Митридатовых

монет (до 80-х годов до н. э.). На южнопонтийских монетах в сериях 111—105 гг., а на Боспоре в сериях 100—90 гг. до н. э. существуют добавочные изображения и монограммы, которые на монетах Диоскуриады еще отсутствуют. Таким образом, выпуск диоскурийских монет следует отнести ко времени не позднее 105—100 гг. до н. э.

Интересно, что монеты, чеканенные в Диоскуриаде, редко встречаются в Колхиде, зато часто попадаются в Херсонесе и в ряде боспорских городов (Мирмекий, Тиритака, Фанагория и др.), хотя на Боспоре и в Херсонесе выпускалась собственная монета. Это обстоятельство служит, вероятно, свидетельством внешне противоречивого синтеза двух элементов внутренней политики Митридата VI. С одной стороны — показное предоставление многим греческим городам права чекана, с другой — попытка создания единого внутреннего рынка в сфере обращения медной монеты. Причем, нужно полагать, экономическая зависимость городов Северного Причерноморья от Понта искусственно стимулировалась нехваткой местной медной монеты и частичной ее заменой привозной. Наличие монет Диоскуриады в данном случае является свидетельством того, что их специально завозили для обращения в Херсонесе и на Боспоре.

Если рассматривать Диоскуриаду как поставщика мелких номиналов меди в Северное Причерноморье, тогда прекращением чекана диоскуриадных монет в период около 100 г. до н. э. можно объяснить то обстоятельство, что в Херсонесе и на Боспоре именно в этот период выходят из обращения мелкие медные номиналы ниже тетрахака. Отсутствие монет Диоскуриады в Закавказье можно объяснить и тем, что на внутренних рынках городов Колхиды, о чем говорят, в частности, находки в Сухуми, основную роль в 105—100 гг. до н. э. играли крупные номиналы понтийской меди, отодвигавшие на второй план мелкую медь Диоскуриады.

Как и в других районах Причерноморья, основными опорными пунктами Митридата в Колхиде являлись греческие города, среди которых, судя по всему, ведущее место принадлежало Диоскуриаде. Любопытно, что именно они и близкая к ним местная племенная аристократия выступали инициаторами или поддержки Митридата, или выступлений против него (как и в других провинциях Понта). Поэтому, когда в источниках речь идет о

взаимоотношениях Митридата с Колхидой, в них нужно видеть в первую очередь отношения его с местными греческими центрами.

По сообщению Страбона (XI, 2, 18), в начальный период господства Понта в Колхиде (до 80-х годов I в. до н. э.) здесь правил наместник Митридата. Его резиденция, несомненно, располагалась в одном из греческих городов, вполне возможно в Диоскуриаде. В функции наместника входили сбор налогов, организация вспомогательных войск и других средств поддержки Понту в его многочисленных войнах, которые ложились тяжелым бременем также и на восточнопричерноморские города с их окружением. Экономическая жизнь Диоскуриады и других греческих центров Колхиды под властью Понта в силу этих обстоятельств постепенно расстраивалась, особенно торговля с заморскими странами, что вызывало разочарование в Митридате среди господствующих слоев городов и местной племенной аристократии. Вероятно, его результатом явилось антимитридадовское восстание в Колхиде, происшедшее, по-видимому, в конце первой войны с Римом, около 85 г. до н. э.

О последующих событиях римский историк II в. н. э. Аппиан сообщает следующее: «Митридат же, поплыв в Понт, воевал с отпавшими колхами и боспорцами. Из них колхи просили его, чтобы им был дан царем сын его, Митридат, и, получив его, тотчас подчинились. Царь же, заподозрив, что это произошло [по проiscaм] сына его, желавшего царства, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его...» (Митридадовы войны, 64).

Исследователи обычно истолковывают приведенный отрывок в том смысле, что Митридат вынужден был пойти в Колхиде на крупные уступки колхам, возродив у них царскую власть. На наш взгляд, Митридату эта акция не стоила особых трудов — в Колхиде он имел много сторонников. Если бы оппозиция Митридату в Колхиде оказалась достаточно сильной, он, во-первых, не справился так быстро с сыном и, во-вторых, не избрал бы Колхиду базой для приготовлений ко второй войне с Римом, о чем пишет далее Аппиан. Важно и то, что Митридат после второй войны, согласно тому же Аппиану, «подчинил себе Боспор и дал им царем одного из своих сыновей Махара» (Митридадовы войны, 67). И следовательно это, как известно, не в результате каких-то «усту-

пок» боспорцам, а в результате безоговорочной капитуляции побежденных. Под «царями» Аппиана следует понимать в данном случае не фактически царей, а лишь наместников Митридата.

Прямое указание Аппиана на то, что Митридат строил флот перед второй войной с Римом в Колхиде, а также сообщение Страбона, что из Колхиды шла Митридату «главнейшая помощь для [организации] его морских сил» (XI, 2, 18), позволяют полагать: во всяком случае, часть кораблей для флота делалась в Диоскуриаде.

Третья война Митридата с Римом обернулась для понтийского царя серией поражений. В 71 г. до н. э. пала столица Понта Амис, а в 70 г. — Синопа. Клеохар — наместник Митридата в Синопе — и его приверженцы, как сообщает греческий историк Мемнон, «собрали на суда множество сокровищ, предоставили город на разграбление солдатам (дело было к ночи), а сами бежали на судах во внутренние области Понта, заселенные санигами и лазами» (XVI, 54, 2).

Упоминание о санигах позволяет полагать, что Клеохар укрылся в Диоскуриаде. Диоскуриада, видимо, была одним из наиболее важных опорных пунктов Митридата (здесь, возможно, располагалась и резиденция его последнего колхидского наместника), поскольку понтийский царь, отступая со своим трехтысячным отрядом, остановился именно в Диоскуриаде, где спокойно провел зиму 66—65 гг. до н. э. Судя по всему, в городе имелось достаточно сил и средств для обороны и на суше, и со стороны моря. Передышку Митридат использовал, вероятно, весьма продуктивно — он имел еще достаточно средств для продолжения войны (вспомним сокровища, привезенные сюда из Синопы Клеохаром, а также из Малой Армении самим Митридатом).

В период правления римского ставленника Аристарха Колхидского (63—48 гг. до н. э.) город оставался крупным торговым центром. Вероятно, к этому времени восходит сообщение Плиния Старшего о том, что римские торговцы «вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей» (Естественная история, VI, 15). В западной части Сухумской крепости удалось проследить слой конца II — середины I в. до н. э.²¹ В нем найдены обломки косской амфоры, веретенообразный бальзамарий, краснолаковая посуда и монета I в. до н. э. (Амис или Понтийская Комана). Среди других находок интересны мо-

неты, чеканенные в Афинах в 130—129 гг. до н. э., а также периода правления Митридата и Аристарха Колхидского (рис. 17, 3), одна из резиденций которого, как, возможно, и монетный двор, находилась в Диоскуриаде.

Если IV—III вв. до н. э. — время расцвета сельскохозяйственных поселений, составлявших единое экономическое целое с городом, то II в. до н. э. — начало их упадка; в облике поселков наблюдаются разительные перемены, в первую очередь резкое сокращение населения. Исследователи склонны связывать этот процесс с изменением системы землевладения в окрестностях Диоскуриады, вызванным углублением имущественной дифференциации в среде мелких производителей, концентрацией земель в руках богатых граждан, а также ростом удельного веса рабского труда в городском хозяйстве. Нужно отметить, что в местных могильниках процесс усиления имущественной дифференциации пока не прослеживается. Постепенное запустение аборигенных поселений несомненно вызвали какие-то социально-экономические причины, которые либо привели к физическому сокращению населения хоры, либо способствовали переселению его в другие места — за пределы сельскохозяйственной округи города или, наоборот, в самый город.

Вместе с тем уже во II в. до н. э. в окрестностях Диоскуриады складывается сильное политическое образование под эгидой соанов. Страбон сообщал, что соаны, «пожалуй, даже первые [из местных народов] по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над окрестными [народами], занимая вершины Кавказа, те, что над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в 200 000, ибо все население отличается воинственностью [даже] не [будучи] в строю» (XI, 2, 19). Судя по приведенному отрывку, объединение соанов представляло собой коллектив, в котором каждый член родовой группы по мере необходимости из скотовода и земледельца превращается в воина. Следовательно, в «царе» соанов следует видеть племенного вождя, а под «мужами» — родовых старейшин, объединенных в совет при вожде. Имя одного такого царя-военачальника мы, кажется, можем назвать — это Савлак, упоминаемый Плинием: «В Колхиде царствовал Этов потомок Савлак, который добыл... огромное количество золота и серебра в земле племени

суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудами» (Естественная история, XXXIII, 52).

Явно географическое, а не политическое значение названия «Колхида» и связанный с ней мифологический налет, факт находок монет Савлака в окрестностях Диоскуриады, где располагались Страбоновы соаны, позволяют думать, что Савлак был скорее всего племенным вождем соанов (суанов, позже санигов). В настоящее время трудно сказать, входило ли в это объединение население, проживавшее на территории хоры Диоскуриады. С одной стороны, в сообщении Страбона можно усмотреть намеков даже на Сухумскую гору и другие холмы с поселениями, возвышающиеся над Диоскуриадой. С другой стороны, вряд ли термином «вершины Кавказа» обозначались эти холмы. Следовательно, в соанах Страбона и суанах Плиния следует видеть население предгорий и горных долин, расположенных вне диоскуриадской хоры, но вовлеченных в тесные экономические и культурные контакты с греками. Подчеркнутая Страбоном воинственность соанов объясняется, вероятно, наличием какой-то реальной угрозы границам Диоскуриады, которая появилась уже в середине II в. до н. э.

Представляют интерес в связи с этим материалы Эшерского городища. В III — начале II в. наблюдается широкое проникновение на его территорию эллинизированных аборигенов, однако поселение сохраняет свой греческий облик²². Культурные напластования конца II — начала I в. до н. э. отличаются обилием как привозных, так и изготовленных на месте изделий. В первую группу находок входят обломки синопских и косских амфор, краснолаковой и простой столовой посуды — мисок, тарелок, блюд, гладкостенных и рельефных чаш, кубков, главным образом малоазийского (Пергам и др.) происхождения, бронзовые монеты Ампса. Местная продукция представлена амфорами, пифосами, кухонной и столовой посудой, кувшинами.

В конце II в. до н. э. какие-то события заставили жителей Эшерского поселения приступить к сооружению мощных оборонительных укреплений. Их стены возводились в нижней части из ломаного известняка и камня других пород на достаточно прочном известково-глинистом растворе. Фундамент стен укладывался из крупного булыжника, причем кое-где был нарушен могильник аборигенов III—II вв.: строители мало заботились о памяти

тех, кто еще совсем недавно здесь обитал. Верхняя часть крепостных стен, судя по сохранившимся остаткам, была сделана из сырцового кирпича. Толщина их у основания составляла 2 м. Вдоль внутренней стороны северной стены обнаружен ряд смежных жилых помещений с каменными вымостками, ящики из черепицы, остатки очагов, а также большое число обломков амфор, кухонной и столовой посуды, бронзовые понтийские монеты. Оборонительные стены были укреплены через каждые 30—40 м большими (башня № 1 имела в плане 11×14 м) прямоугольными башнями. С юга находился глубокий ров.

Эшерские укрепления представляют собой яркий образец военно-инженерного искусства эпохи эллинизма. Отсеки вдоль внутренней стороны стен, предназначавшиеся для размещения воинов и боеприпасов, толстые стены и огромные башни, которые использовались в качестве позиций для батарей метательных машин, и другие конструктивные особенности дают возможность включить рассматриваемый памятник в круг северопричерноморских (Пантикапей, Мирмекий) и колхидских (Вани) укреплений, датируемых тем же временем (конец II — начало I в. до н. э.) и связываемых со строительной деятельностью Митридата VI Евпатора.

Интересно, что в Эшере, как и в других случаях, укрепления сооружались наспех, вероятно, при непосредственной военной угрозе. Постройки такой конструкции, обладавшие высокой обороноспособностью, не требовали большого времени. Что же касается стоимости, то об этом хорошо сказал древнегреческий инженер Филон Механик: «...при таком способе сооружения будут затрачены меньшие средства» (80, 50).

Приблизительно в середине или в третьей четверти I в. до н. э. Эшерское городище было взято штурмом, поселение предано полному разрушению и огню. Враги

Рис. 18. Наконечник стрелы.

Железо. I в. до н. э.

пришли с севера, со стороны гор — у внешней стороны северной степи найдено множество железных наконечников стрел своеобразного облика — с утолщением на стержне и треугольным острием (рис. 18). Стержни, с помощью которых наконечники насаживались на древки, во многих случаях имеют характерный изгиб, который появляется, когда стремительно летящая стрела наталкивается на прочную преграду и у нее отламывается древко.

Кто были завоеватели, выпустившие эти стрелы? У Страбона сохранились сведения о том, что «соаны употребляют яды для наконечников [стрел]», а также какие-то другие снадобья, которые «удивительно мучают своим запахом даже раненых неотравленными стрелами» (XI, 2, 19). Не являются ли эти данные Страбона отражением каких-то реальных столкновений между греками и соанами, в которых грекам пришлось на собственном опыте познакомиться с качеством соанских стрел?

ВЕЛИКИЙ СЕБАСТОПОЛИС

Звено Понтийского лимеса

После поражения Митридата VI и его гибели в 63 г. до н. э. римский полководец Помпей назначил династом (правителем) Колхиды верного Риму Аристарха. На территории Диоскуриады найдена одна из монет Аристарха (рис. 17, 3): на лицевой стороне ее выбито изображение Помпея.

В 48 г. до н. э., воспользовавшись ослаблением Помпея, опустошительный поход в Колхиду совершил Фарнак, сын Митридата VI. В следующем году Цезарь нанес поражение Фарнаку в битве при Зеле, о чем отправил одному из друзей знаменитое сообщение: «Пришел, увидел, победил». Вслед за тем по указанию Цезаря в Колхиду вторгся Митридат Пергамский. Спустя 10 лет римляне возродили Понтийское царство, во главе которого поставили Полемона I. Колхида, вошедшая в его состав около 14 г. до н. э., сохраняла свое положение и при вдове Полемона Пифодориде, и при Полемоне II, т. е. до 63 г. н. э.

Трудно пока сказать, когда на берегах Сухумской бухты появился первый римский гарнизон. Не исключено, что здесь, как и на других восточных окраинах римского мира, в целях защиты границ империи римские солдаты-ветераны основали небольшую колонию, использовавшую первоначально, вероятно, оборонительные сооружения Диоскуриады. Что касается переименования Диоскуриады в Себастополис, то это, по-видимому, не могло произойти ранее начала правления римского императора Октавиана (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.), получившего титул Августа-Себастоса («великого» или «священного») в 20-х годах I в. до н. э. Именно тогда многие колонии обрели однотипные названия: Себастополис и Себастья в Понте, Себаста во Фригии и т. д.

Римское укрепление в Севастополе возникло, видимо, не позднее третьей четверти I в. н. э. Плиний Старший оставил в своей «Естественной истории» сообщение о крепости (кастелле) Севастополис, упомянув параллельно и город Диоскуриаду (V, 15).

В 63 г. н. э., стремясь усилить свои позиции на Востоке, император Нерон превратил Понтийское царство в римскую провинцию — Полемоновский Понт. Тогда же он занимался усиленной подготовкой похода на Кавказ, который предполагал осуществить через Боспор.

При императоре Веспасиане в 70—72 гг. н. э. в провинцию Каппадокию, в составе которой уже находился Полемоновский Понт, было введено два дополнительных легиона. Как полагают, это событие дало возможность римлянам начать размещение в Восточном Причерноморье своих регулярных войск. Органичной частью военных преобразований в Каппадокии, осуществленных Веспасианом, являлось создание Понтийского лимеса — цепи приморских укреплений с гарнизонами, в задачу которых входила охрана подступов к восточным границам Римской империи. Видным звеном данной цепи стал около 75 г. н. э. Севастополис.

Дневнееврейский историк Иосиф Флавий в своей книге «Иудейская война», написанной в 70—80 гг. н. э., отмечал, что гениохи, колхи, тавры, боспорцы и другие народы, живущие вокруг Понта и Меотиды, держатся римлянами «в подчинении тремя тысячами гоплитов (тяжеловооруженных пеших воинов.— Ю. В.), и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море».

В 1959 г.¹ в западной части Сухумской крепости были открыты остатки жилого дома со стенами, выложенными из булыжника на известковом растворе, и двор с хозяйственным помещением и колодцем, внутри которого при расчистке археологи обнаружили двуручный краснолаковый кувшин, обломки синопских амфор, подошву кожаной сандали и две монеты. В восточной части крепости найдены обломки косской амфоры I в. н. э. вместе с краснолаковой посудой. Со дна моря вблизи крепости удалось поднять интересный известняковый бюст женщины (рис. VI) I—II вв. н. э. Относительно облика первоначальных укреплений Севастополиса пока сказать что-либо определенное трудно.

В 137 г. н. э. Севастополис посетил правитель Каппадокии Флавий Арриан. Его поездка вдоль восточного берега Черного моря носила военно-инспекционный характер: Арриан занимался осмотром и ремонтом расположенных здесь римских укреплений. О своем пребывании на берегах Сухумской бухты он сообщает следующее:

«Мы раньше полудня прибыли в Севастополис... Поэтому мы в тот же день успели выдать жалование солдатам, осмотреть коней... больных и хлебные запасы, обойти стену и ров... Севастополис прежде назывался Диоскуриадой, колония Милета... Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт» (Перипл Понта Евксинского, 14).

В 1896 г. при строительстве набережной на территории Сухумской крепости были случайно открыты остатки древнего каменного сооружения, напоминавшего мол. В его кладке оказался фрагмент известняковой плиты с остатками посвященной надписи, буквы которой были глубоко врезаны в камень и окрашены в красный цвет (рис. 19). Надпись эта выглядела следующим образом:

HADR PER·FL·A·LEG. В первой строке сохранилась часть имени императора Адриана, во второй сохранилось указание на какие-то действия (строительство?), произведенные в Севастополисе Флавием Аррианом, в последней строке угадывается часть его титула — легат².

Подробно говоря о своей строительной деятельности в соседнем Фасисе, Арриан ни словом не обмолвился об аналогичных действиях в Севастополисе. Из источника следует, что в то время здесь уже стояли стены, окруженные рвами. Нужно полагать, что возведение каменных стен древнейшей восточной крепости относится ко второй половине I — началу II в. н. э.

Это укрепление в форме квадрата со сторонами примерно в 80 м, занимало площадь около 1 га, что соответствует размерам римских крепостей, рассчитанных на

Рис. 19. Севастополис. Фрагмент плиты с надписью Флавия Арриана.

Известия. II в. н. э.

гарнизон в 200 солдат. От укрепления сохранилась лишь северная стена толщиной свыше 2 м с пристроенными позднее тремя башнями и пятью контрфорсами. Сложена она из крупного голыша на известковом растворе с использованием прямоугольного кирпича, образующего двухрядный пояс. Трех и четырехрядная прослойка кирпича — лишь в углах крепости, которые первоначально имели закругления для того, чтобы обезопасить углы на случай применения врагом тарана. В нижней части стены — сквозные квадратные отверстия, через которые использованная вода стекала в ров. В средней части стены — брешь, которую обычно связывают с деятельностью турок, по которой, однако, может быть и остатками северных ворот крепости. Фундаменты стены впущены в очень слабо здесь представленные слои I—II вв. н. э. Поскольку аналогичный слой прослеживается и западнее, вне стен крепости, надо думать, что там жили отставные легионеры со своими семьями.

Богатый материал дали раскопки как на территории самой восточной крепости, так и западнее³. Помимо остатков строительного мусора и известкового раствора, здесь найдено большое число обломков керамики и стеклянных сосудов, различных бронзовых и костяных изделий, монет, металлические шлаки.

Среди керамических изделий — светлоглиняные амфоры южнопоптийского происхождения (рис. 20, 1) из Сипопы и других мест, красноглиняные амфоры местного производства (рис. 20, 2), привозная (Пергам, Самос и др.) краснолаковая посуда — кувшины (рис. 20, 3), кубки, светильники (рис. 20, 4), миски, чашки, блюда, тарелки и т. д. Они часто бывают украшены рельефными изображениями различных животных или птиц (цапли, дельфины, раки, рыбы и т. д.), а также разного рода сцен и пейзажей (рис. 20, 7—12).

Следует особо отметить обломок стенки кувшина с рельефными изображениями птицы, винограда и гладиаторов, ручки пatera — неглубоких сосудов, украшенные головками барана и утки. Интересен краснолаковый светильник, на верхнем щитке которого сохранилось изящное рельефное изображение трех граций (рис. 21). Довольно много привозных, главным образом из Синопы, а также местного изготовления лутериев. Кухонная посуда представлена горшками, мисками, сковородками, двухручными котлами. Немало черепицы и кирпича местного

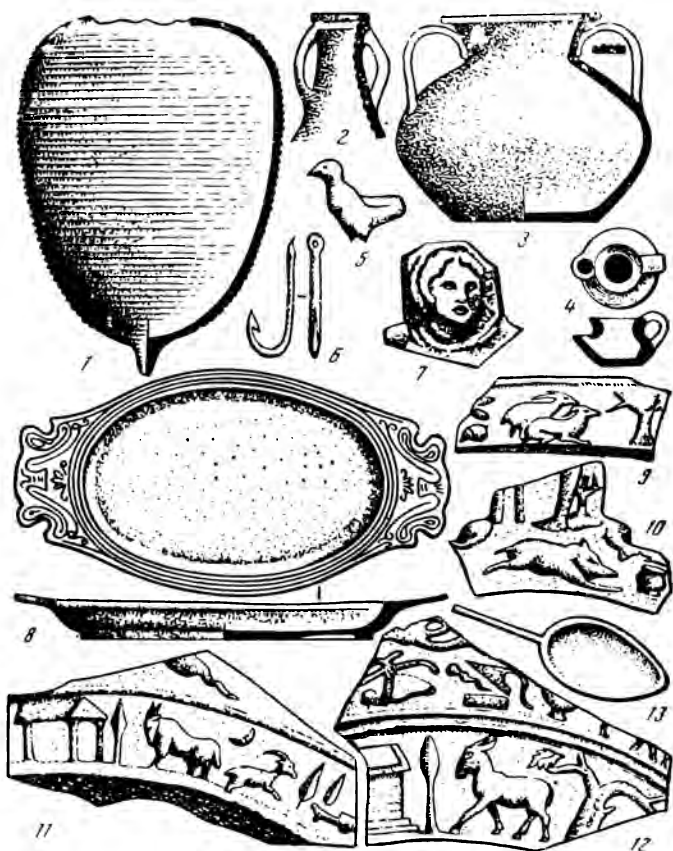

Рис. 20. Севастополь. Изделия из обихода римского гарнизона:

1, 2 — амфоры; 3 — кувшин, 4 — светильник; 5 — фигурка голуби; 6 — рыболовный крючок; 7 — обломок ручки сосуда; 8 — краснолаковое блюдо; 9—12 — обломки краснолаковых блюд; 13 — ложка. Глина (1—5, 7—12), бронза (6, 13). I—III вв. н. э. Абхазский государственный музей

изготовления; на одном из них — еще не расшифрованная надпись. Интересны четырехгранные сосуды и бальзамарии.

Привлекают внимание бронзовые рыболовные крючки (рис. 20, 6), фибулы и ложки (рис. 20, 13), костяные ложечки и стили.

Рис. 21. Себастополис. Светильник с изображением трех граций.

Глина. II в. н. э. Абхазский государственный музей

Монетные находки позволяют определить экономическую ориентацию восточнопричерноморских римских гарнизонов в конце II — первой половине III в. н. э.: римские и кесарийские монеты нередки, однако особенно многочисленны медные монеты Трапезунда, чеканившиеся в правление императоров Коммода (180—192 гг.), Макрина (217—218 гг.) и др. Это подтверждает некоторые данные о том, что в конце II в. складывается союз 10 приморских городов (Синопа, Амис, Трапезунд, Себастополис и др.) — Понт Каппадокийский с одним из центров в Трапезунде. Вот почему трапезундская монета

становится основным платежным средством в данном районе.

Во второй половине II в. н. э. гарнизон Севастополиса принимает меры по укреплению подступов к крепости. На северо-западной окраине современного Сухуми, на возвышенности, где ранее располагалось поселение эллинистического времени, возводится еще одна крепость. Исследованы квадратная в плане башня и участок идущей от нее стены⁴. При раскопках бышни, получившей по фамилии хозяина участка название «Одынец», помимо строительного мусора и обломков черепицы, амфор, столовой и кухонной посуды, найдена терракотовая фигурка голубя (рис. 20, 5) и около десятка медных монет римского и трапезундского чекана, относящихся ко времени правления императоров Коммода и Септимия Севера (193—211 гг.).

Опустошительные набеги готов, в 256—276 гг. бравших штурмом Питиупт и Трапезунд и отброшенных от стен Фасиса, по-видимому, серьезно не отразились на жизни Севастополиса (упоминания о нем отсутствуют во всех достаточно детальных описаниях событий). Впрочем, следы какого-то большого пожара, отмеченные вне стен древнейшей крепости Севастополиса в соответствующем культурном слое, может быть, указывают на осаду, во время которой постройки, находившиеся вне основных крепостных стен, были сожжены готами.

Покинем теперь стены Севастополиса и посмотрим, что происходило в I—III вв. н. э. на окружавшей его территории. Как говорилось выше, в конце I тыс. до н. э. здесь под эгидой соанов на базе объединения ряда племен, прежде входивших в гениохийскую культурную общность, складывается довольно мощный племенной союз. Этноним «соаны», использованный впервые Страбоном, затем встречается у Плиния (Естественная история, V, 14) в форме «санны», «суаны» и «саники». Необходимо подчеркнуть, что в отношении Северной Колхиды соответствующий этноним с его вариациями, характерными в основном для источников I в. н. э., не следует отождествлять с позднейшим этнонимом «сваны». Явно подразумевал Страбоновых соанов и Мемнон, автор начала II в. н. э., рассказывая о том, что Клеохар в 70 г. до н. э. бежал из Синопы к «санегам».

Исходя из сообщений Плиния, можно полагать, что соаны на рубеже новой эры обитали на обширной терри-

Рис. 22. Схема размещения римских укреплений (обозначены квадратиками) и местных поселений (обозначены кружками) в окрестностях Себастополиса II–III вв. н. э.

тории от Фасиса (современный Риони) до современной Гагры и дальше к западу. Интересно и еще одно указание Плиния, согласно которому «к западу от Кавказских ворот в Гурдипских горах», т. е. к западу от Дарьяльского прохода, проживали племена «суавов», которые соседствовали со множеством гениохийских племен, расселившихся до Понта (Естественная история, V, 30). Он же упоминает впервые племя апсиров. Судя по всему, уже в третьей четверти I в. н. э. наметился распад соанского объединения на отдельные племена.

Об этническом окружении Себастополиса Флавий Арриан сообщал императору Адриану следующее: «...за лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот тоже получил свою власть

от тебя. Рядом с абасками саниги, в земле которых лежит Себастополис; царь санигов Спадаг получил царство от тебя» (Перипл Понта Евксинского, 15). В данном случае замечание, что Себастополис лежит в земле санигов, является данью традиции, восходящей к тому периоду, когда еще из соанской (санигской) общности не выделились апсилы и абасги. Анализ всех имеющихся источников позволяет полагать, что во время посещения Аррианом Себастополиса ближе других племен к нему находились апсилы. Этим, в частности, обуславливалась и более ранняя по сравнению с другими племенами ориентация Апсильи на Рим. Об этом свидетельствует также типично римское имя их «царя» — Юлиан, получившего утверждение от римского императора Траяна в начале II в. н. э. Мы, характеризуя этническое окружение Себастополиса, будем вести речь исключительно об апсилах.

Как справедливо указывалось в литературе, римляне в

Колхиде преследовали в первую очередь не экономические, а военно-стратегические и политические цели⁵. Местные племенные образования рассматривались ими прежде всего как отдельные звенья в защите восточных границ Римского государства.

Относительно ранний интерес к территории Апсилии, возникновение здесь первого в Восточном Причерноморье (наряду с Апсаром) римского укрепления объясняются, по-видимому, тем, что в данном пункте сходились два важнейших пути с Северного Кавказа в сторону Малой Азии — Меото-Колхидский вдоль побережья и через Клухорский перевал. С одной стороны, перевал открывал богатые возможности для торговли, а с другой — представлял большую опасность со стороны Северного Кавказа, где в то время основное беспокойство римлянам причиняли аланы. Не случайно Флавий Арриан посетил Себастополис непосредственно после войны с аланами. В задачу полководца, несомненно, входило и изучение возможности обороны побережья со стороны Клухорского перевала, налаживание более тесных связей с Апсилией.

Одни исследователи полагают, что апсилы в I—II вв. н. э. — наиболее слабое из перечисленных Аррианом племен⁶. Другие же рассматривают Апсилию как «царство» настолько сильное, что Рим, не имея сил противиться сепаратистским настроениям местных правителей, вынужден был признать их независимость⁷.

Центром Апсилии с самого начала, по-видимому, стала горная долина, расположенная в 20 км северо-восточнее Сухуми и известная теперь под названием Цебельдинской⁸. Именно вдоль этой долины, по ее южному краю, прослежены следы древнего пути, выходящего к перевалам, за которыми открывается Северный Кавказ.

Из 500 с лишним захоронений, выявленных на территории Апсилии, три-четыре могут быть отнесены к I—II вв. н. э. и соответственно могут быть названы в пределах огромной территории, окружающей Себастополис вплоть до Главного хребта, три одновременных им поселения. Они находились на местах более поздних укреплений апсильов в Герзеуле, Шапке и Цибилиуме, мимо которых шел упомянутый выше путь. В цебельдинских комплексах I—II вв. римское влияние проявляется в наличии бус, поступавших из юго-восточного Средиземноморья через рынок Себастополиса.

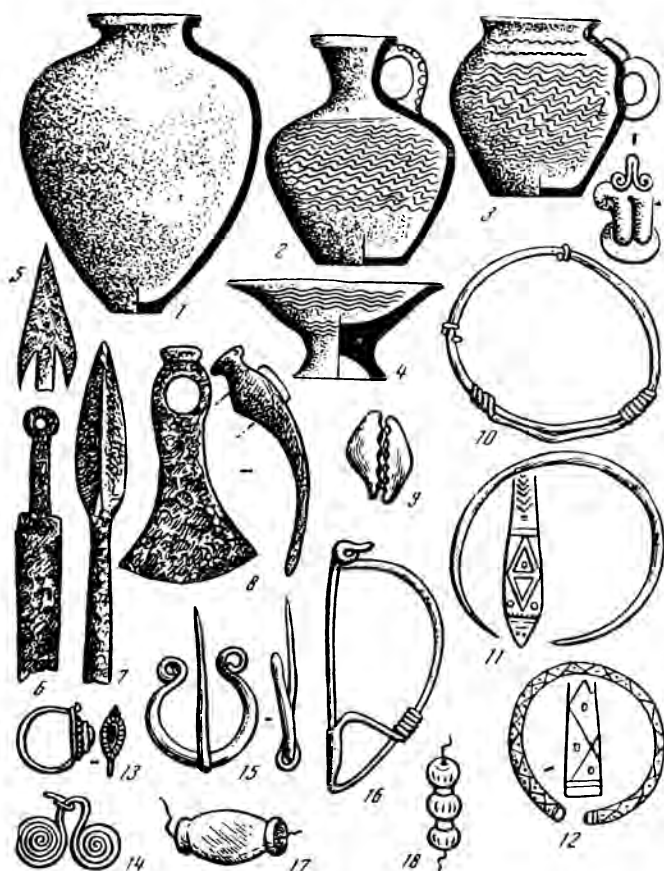

Рис. 23. Цебельда. Образцы местных и привозных (9, 17, 18) изделий.

1 — пифос; 2 — кувшин; 3 — кружка; 4 — вазочка; 5 — наконечник стрелы; 6 — меч; 7 — наконечник копья; 8 — мотыга; 9 — раковина наури; 10—12 — браслеты; 13 — серьга; 14 — подвеска; 15 — пряжка; 16 — фибула; 17—18 — бусы. Глина (1—4), железо (5—8), бронза (10—12, 14—16), стекло (17, 18), серебро (13). II — первая половина IV в. Абхазский государственный музей

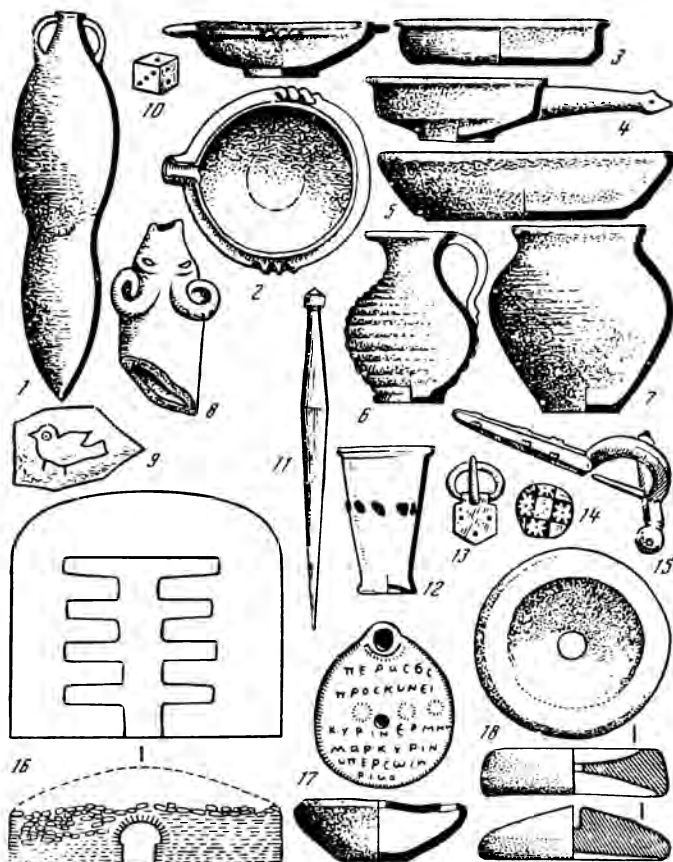

Рис. 24. Севастополь. Изделия из обихода римского гарнизона:

1 — амфора; 2 — лутерий; 3 — сковорода; 4 — чаша с зооморфной ручкой; 5 — краснолаковая тарелка; 6 — кувшин; 7 — горшок; 8, 9 — обломки сосудов; 10 — игральная кость; 11 — булавка; 12 — станан; 13 — пряжка; 14 — бусина; 15 — фибула; 16 — печь для обжига керамических изделий; 17 — светильник с надписью; 18 — жернова ручной мельницы. Глина (1—9, 17), кость (10, 11), стекло (12), паста (14), бронза (13, 15), камень (18). IV—V вв. Абхазский государственный музей

К III в. могут быть отнесены уже два десятка погребений из того же района. Их инвентарь включает глиняную посуду — пифосы (рис. 23, 1), большие двуручные и одноручные (рис. 23, 2) кувшины, кружки (рис. 23, 3), вазы (рис. 23, 4), вооружение — железные мечи с кольцевым навершием сарматского типа (рис. 23, 6), наконечники копий (рис. 23, 7), дротиков и стрел (рис. 23, 5), ножи, мотыги (рис. 23, 8), кресала с кремнями, детали одежды и украшения — пряжки (рис. 23, 15), фибулы (рис. 23, 16), браслеты (рис. 23, 10—12), серьги (рис. 23, 13), подвески (рис. 23, 14), раковины каури (рис. 23, 9), разнообразные бусы (рис. 23, 17, 18) и монеты. Значительная часть этих изделий — амфоры, пряжки, фибулы, серьги, бусы и прочее — попадает в апсильскую среду через Севастополис, а позднее подобные изделия начинают производиться на месте. Следовательно, уже в III в. даже в самых глухих горных долинах Апсолии воздействие античной культуры сказывалось на быте и культуре народных масс.

Во II—III вв. н. э. между Севастополем и населением Апсолии были налажены самые тесные экономические и культурные связи, о чем говорит, в частности, большое число серебряных кесарийских монет конца I—начала III в., найденных в горной части Апсолии. Серебро Кесарии Каппадокийской служило основным средством обращения в той части Колхиды, которая попала в зависимость от римлян и контроль над которой осуществлялся через приморские крепости⁹, в данном случае через Севастополис. Вполне вероятно, что римские власти время от времени вознаграждали апсильцев за определенные, главным образом стратегические, услуги, а также за обеспечение безопасности проходивших на Северный Кавказ торговых караванов. Да и рынок самого Севастополиса должен был привлекать апсильцев, сбывавших здесь свою сельскохозяйственную продукцию и получавших в обмен античные изделия. Вовлечение апсильцев в систему общепричерноморских отношений в целом оказывало благоприятное воздействие на жизнь племени, общая численность и благосостояние которого начали заметно возрастать.

После кризиса, пережитого в третьей четверти III в. н. э., Римская империя снова вступила в полосу политической стабилизации. В конце III—IV вв. система Понтийского лимеса продолжает укрепляться, появляются новые крепости, ремонтируются и обрастают новыми постройками старые. Расширяется местная ремесленная база римлян, связанная с производством в первую очередь стройматериалов. В 330 г. столица Римской империи переносится в Константинополь. Это обстоятельство также способствует росту внимания римской администрации к Понтийскому лимесу. Особую роль приобретают укрепления в 70—80-х годах IV в., когда в Северное Причерноморье вторгаются гуннские полчища. Именно тогда Понтийский лимес достигает своих максимальных размеров — только на территории современной Абхазии располагаются по меньшей мере четыре римские крепости (Зиганис, Севастополис, Питиунт и Нитика) ¹⁰. Увеличивается и численность гарнизонов. В Севастополисе на рубеже IV—V вв. находится конная когорта Клавдия, которая наряду с гарнизонами других восточнопричерноморских укреплений римлян подчиняется непосредственно правителю Армении. Власть этого правителя распространяется на пограничные войска района, приблизительно совпадающего с прежней провинцией Каппадокией.

К несколько более раннему времени (конец III—IV в.), по-видимому, относится сооружение западной стены Севастополиса ¹¹, являвшейся частью либо второй, более значительной крепости, либо канабы — огражденного пространства, где размещались торговцы, ремесленники и другие лица, связанные своими занятиями с военным лагерем, а также семьи легионеров-отставников.

Судя по сохранившимся остаткам, новая крепость представляла собой квадрат со стороной в 140 м. Стена, имевшая у основания толщину до 2 м, сложена из гранитных валунов на прочном известковом растворе. Валунь, укладываемые в облицовку, подвергались грубой обработке путем скола. В кладке стены сохранились следы «лежней» — продольных и поперечных бревен, способствовавших равномерной осадке стен. Основание стены опирается на подушку из извести с гравием, песком и толченым кирпичом, которую подпирают 1,5—2-метровые деревянные сваи, уплотняющие грунт. Вот почему и се-

годня эта стена, в отличие от стен крепости I, стоит без перекоса.

Со стороны моря к стене примыкают остатки двух четырехугольных башен. Особенно интересна западная, скрытая под бастионом турецкой крепости, на котором теперь расположен ресторан «Диоскурия». Стены башни сложены в смешанной технике: массивы из булыжника прерываются двумя трехрядными поясами кирпича и черепицы, а также «бетонным» поясом, состоящим из мелких камешков на прочном ярко-розовом от примесей толченой керамики растворе. Поскольку обе башни западной стены обращены в сторону моря, а от угловой башни поперечная стена, судя по опубликованным планам, уходит не в сторону моря, а в глубь суши, можно думать, что основная часть второй крепости Севастополиса скрыта под современной Сухумской крепостью. Общий размер укрепления, охватывавшего площадь до 2—2,5 га, вполне соответствует указанию источников о размещении здесь когорты легионеров. Римский гарнизон находился в Севастополисе до 40-х годов VI в.

Севастополис этого времени представлял собой крупный военный, ремесленный и культурный центр¹². Внутри крепостных стен, укрепленных башнями, на которых стояли метательные орудия, и окруженных рвами, находилось большое число каменных и деревянных жилых зданий, воинских казарм, различных хозяйственно-бытовых сооружений (амбары, склады боеприпасов, лазарет, бани, лавки, винные погреба, храмы, кузни, обжигательные печи и т. д.). Население снабжалось водой с помощью колодцев и керамических водопроводов, один из которых шел, по-видимому, со стороны нынешнего Сухумского ботанического сада. Дома имели черепичное покрытие. Гавань могла иметь небольшую пристань.

В быту себастопольцев нашла широкое распространение разнообразная глиняная утварь, среди которой могут быть выделены следующие группы: тарная керамика, представленная пифосами и амфорами (рис. 24, 1) и предназначенная для перевозки и хранения различных жидких и твердых продуктов — зерна, масла, вина и т. д.; столовая посуда — различные кувшины, миски, чаши (рис. 24, 4), тарелки (рис. 24, 5) и т. д., часто покрытые красным лаком; кухонная посуда — горшки (рис. 24, 7), сковороды (рис. 24, 3), кастрюли и т. п. Среди кухонной посуды встречаются изделия, изготовленные как на гон-

чарном круге, так и вылепленные от руки. Интересны светильники, водопроводные трубы, кирпичи и черепица, пряслица и т. д. Абсолютное большинство этих изделий, за исключением части амфор и столовой посуды, производилось на месте, что подтверждается отходами производства — шлаками, браком и т. д. — и качеством глины.

Очень интересна печь для обжига кирпича и других глиняных изделий (рис. 24, 16). Она имела топочную камеру с продольным каналом, от которого отходило восемь ответвлений, перекрытых опорными арками из кирпича (из него же были сложены и стены самой печи). Удалось установить, что печь действовала в течение длительного периода, в конце которого подверглась ремонту.

Население Севастополиса использовало бронзовые фибулы (рис. 24, 15), пряжки (рис. 24, 13), ложки, железные ножи и шилья, рыболовные бронзовые крючки, пастовые бусы (рис. 24, 14), костяные булавки (рис. 24, 11), каменные пряслица, бронзовые швейные иглы.

Об обработке железа на месте говорят железные шлаки, а также различные изделия из железа (ножи, гвозди и т. д.). С трудом камнетеса связывается железное долото-видное орудие с четырехгранным стержнем и широкой рабочей частью. О развитии скотоводства свидетельствует множество костей коров и мелкого рогатого скота. Охотились легионеры на диких кабанов и оленей, ловили камбалу и другую рыбу, собирали устриц. Среди нумизматических находок примечательна монета императора Аркадия (385—408 гг.). Свой досуг римские легионеры проводили за игрой в кости — в крепости найдены мелкие костяные кубики с различным числом ямок на гранях — игральные кости (рис. 24, 10).

Население Севастополиса говорило в основном на греческом языке, о чем свидетельствуют целые надписи и фрагменты, граффити на сосудах и т. д. Значительная часть населения города была грамотна — в культурных наслоениях довольно часто встречаются костяные палочки для письма — стили.

В рассматриваемый период небольшой гарнизон продолжал стоять и в укреплении на северо-западной окраине современного Сухуми («Одынец») ¹³. Довольно мощный культурный пласт здесь — IV—V вв. — содержит остатки строительного мусора, обломки черепицы, горшков, кувшинов (рис. 24, 6), широкогорлых амфор, лутериев (рис. 24, 2), мисок и тарелок, покрытых тусклым

буро-красным лаком, жернова ручной мельницы (рис. 24, 18), железные гвозди, ножи, кости животных.

Очень интересны жернова ручной круглой мельницы. Нижний неподвижный камень имеет форму невысокого конуса, верхний снабжен снизу и сверху конусообразными выемками, соединенными круглым сквозным отверстием. Зерно засыпалось в выемку верхнего жернова и при его вращении проникало в щель между обоими камнями. Подобные ручные мельницы с конусовидной сердцевинкой были широко распространены в римском мире — они во множестве найдены в Помпеях, Остии и других римских городах.

Культурный слой IV—V вв. порадовал исследователей редкой находкой — они обнаружили светильник IV в., изготовленный из местной глины, на котором сохранилась греческая надпись (рис. 24, 17). В переводе С. Г. Каучишвили надпись читается так: «Давай поклоняйся владыке Гермесу Меркурию ради спасения», а в переводе Л. А. Ельницкого: «Соверши поклонение всемогущему Гермесу Меркурию о спасении (души)». Между строками надписи оттиснуты три изображения солнечного диска с лучами. Обозначение Гермеса римским именем Меркурий характерно для греческого населения империи, однако сочетание греческого и латинского имен на одном памятнике уникально.

Гермес, по некоторым представлениям того времени, обеспечивал бессмертие и загробное блаженство, помогал душам умерших причалить к гавани спасения. Изображение солнца на светильнике входит в тот же круг представлений — в качестве солнца Гермес создает все живое и управляет душами.

В надписи на себастопольском светильнике следует видеть скорее всего ритуальный текст, свидетельствующий о распространении в местной грецизированной среде представлений и верований, соперничавших с христианством¹⁴. Видимо, в то время, когда в Питиунте уже несколько десятилетий существовала христианская епископская кафедра, в гарнизоне Себастополиса преобладали враждебные христианству течения. Об этом же, возможно, говорит и серебряный медальон, найденный в одном из апсидийских могильников Цебельды в комплексе середины V в. н. э. и попавший туда, несомненно, через Себастополис. На его лицевой стороне сохранилось изображение Медузы Горгоны, а вокруг греческая надпись «Еди-

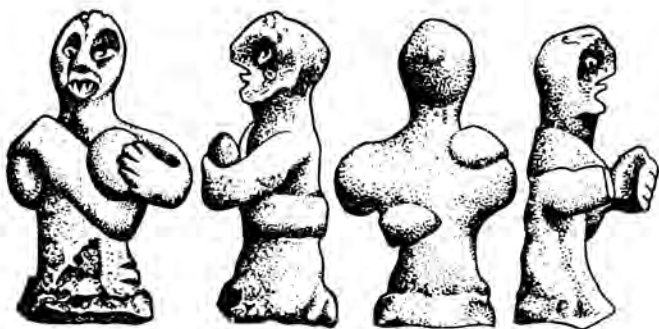

Рис. 25. Севастополis. Фигурка жреца (?). Глина. IV в. н. э. Абхазский государственный музей.

ный бог, помогающий приносящему» (рис. VII). Две ближайшие аналогии медальону были изготовлены в Антиохии в 374 и 398 гг., т. е. в последней трети IV в. Выраженная в надписи монотеистическая тенденция хотя и близка христианству, однако с ним не совпадает, восходя к иранским и сиро-иудаистским религиозным представлениям¹⁵. Интересна и найденная в Севастополе маленькая терракотовая статуэтка мужчины с лепешкой в руке (рис. 25), которую связывают с каким-то неясным пока культом.

С IV в. воины римских пограничных гарнизонов постепенно начинают превращаться из солдат в обыкновенных военных поселенцев. Действительно, материалы раскопок показали, что жители Севастополиса занимались самыми различными отраслями хозяйства — гончарным, кузнечно-слесарным и ткацким ремеслами, обработкой камня и дерева, земледелием, скотоводством, охотой и т. д., удовлетворявшими не только основные потребности себастопольцев, но и позволявшими поддерживать тесные торгово-экономические связи с античным миром и туземным окружением.

Отношения Аписии с населением Севастополиса способствовали ее превращению в органическую, хотя и периферийную часть средиземноморского культурного мира. Территория, занимаемая апсилами в этот период, обрисовывается археологическими памятниками достаточно четко. Могильники и поселения апсидов появляются северозападнее Севастополиса, на территории и вблизи Эшерского городища, в ряде пунктов селения Верхняя Эшера.

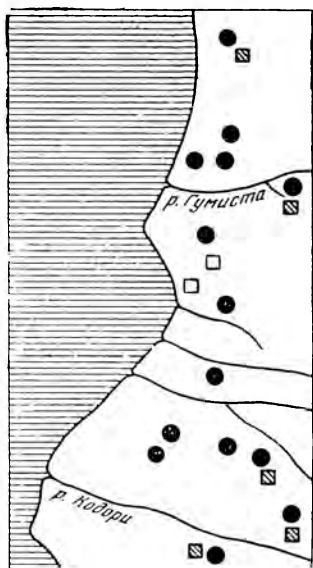

Рис. 26. Схема размещения римских укреплений (обозначены квадратиками), местных поселений (обозначены кружками) и крепостей (обозначены заштрихованными квадратами) в окрестностях Себастополиса IV—VI вв.

Граница апсиров с абасгами проходит в районе Нового Афона. В расположенной восточнее Цебельдинской долине, а также в Кодорском ущелье и ряде других пунктов Центральной и Южной Абхазии известно уже более 20 поселений апсиров (рис. 26) (не ближе 7—10 км от Себастополиса)¹⁶.

В быту апсиров прочное место занимает привозная стеклянная (рис. 27, 8) и краснолаковая посуда, в производстве местных гончаров наряду с такими традиционными изделиями, как пифосы (рис. 27, 1), кувшины (рис. 27, 3), миски (рис. 27, 4), вазы (рис. 27, 5), горшки (рис. 27, 7), сосуды в виде полых фигур животных (рис. 27, 6), приобретает популярность специфически античная тара — амфоры. Амфоры (рис. 27, 2) имеют узкий перехват в средней части корпуса, что, может быть, связано с использованием их для перевозки вина и других жидких продуктов

на вьючных животных. Общепричерноморский характер носят фибулы (рис. 27, 9—11), пряжки (рис. 27, 13, 14), перстни (рис. 27, 12), серьги (рис. 27, 16).

Широкое распространение получают круглые, овальные и многоугольные римские щиты с железным умбоном (рис. 27, 21) в центральной части, мечи (рис. 27, 24), часто изготовленные из стали, наконечники метательных копий (рис. 27, 23), боевые топоры (рис. 27, 22), трехперые наконечники стрел (рис. 27, 20). Огромным спросом пользуются привозные бусы — в отдельных погребениях женщин-апсиров найдено до 400 разнообразных импортных бусин (рис. 27, 15). Ожерелья нередко охватывают шею в несколько витков. Входят в моду разнообразные бронзовые браслеты (рис. 27, 18, 19), золотые кулоны (рис. 27, 17).

В связи с угрозой гуннского нашествия контакты администрации Севастополя с Аписией становятся более тесными. Одним из важнейших результатов этого сближения в последующий период явилось создание вдоль Клухорского пути целой системы оборонительных сооружений. В их планировке и конструкциях чувствуется рука позднееримских или ранневизантийских зодчих. Наиболее значительные по размерам и сложные по конструкции укрепления (Цибилеум, Шапка, Ахыста) располагаются вдоль пути от Севастополя к Клухорскому перевалу. Башни и фасадные стены крепостей возведены из крупных, хорошо обработанных известняковых блоков, на некоторых из них нанесены греческие буквы. В ряде случаев можно предполагать непосредственное участие в строительстве и местных мастеров, прошедших соответствующую подготовку на родине либо вдали от нее.

Создав Цибилеинскую оборонительную систему и подобный ей еще более грандиозный комплекс крепостей (Археополь и др.) в Центральной Колхиде, империя в значительной мере обезопасила себя от возможных вторжений гуннов и других врагов со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья. Все эти укрепления фактически образовали еще один — ранневизантийский лимес, охранявший ущельные проходы (клизуры), через которые в V—VI вв. шли дороги к таким важным прибрежным укреплениям византийцев, как Апсар, Фасис и Севастополь.

Юстинианово внимание

Вплоть до эпохи Юстиниана I (527—565 гг.) характер и назначение Понтийского лимеса оставались, по-видимому, неизменными, хотя система крепостей постепенно приходила в упадок. Прокопий Кесарийский, известный византийский историк середины VI в., по этому поводу писал: «...приморской же частью... страны издревле владели римляне... они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время... легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунда до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны» (Война с готами, VIII, 4, 4).

При Юстиниане у Византии в Восточном Причерноморье появляются новые стратегические задачи. В 523 г. самый опасный противник Византии — Сасанидский Иран — окончательно овладевает Иберией и тем самым открывает себе дорогу для вторжения в пределы Византии через Лазику — Центральную Колхиду. Тот же Прокопий замечает: «Овладение Лазикой будет персам полезно в том отношении, что они из этой страны без всякого труда будут в состоянии нападать сухим путем и морем на лежащие при Понте Евксинском места... и быстрым нашествием взять самое Византию, не встречая нигде сопротивления» (Война с готами, II, 28, 283).

В создавшемся положении Севастополис и Питиунт совершенно утрачивают свое стратегическое значение, в связи с чем Юстиниан перебрасывает имевшиеся там силы в Юго-Восточное Причерноморье. Прокопий Кесарийский так описывает события: «Персидский царь Хосрой... очень хотел послать сюда персидское войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противлежащий материк, ушли в город Трапезунд. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной» (Война с готами, VIII, 4, 6). Происшедшее событие датируется 542 г.

13 лет спустя византийцы возвращаются в Севастополис. И тогда Прокопий Кесарийский (О постройках, III, 7) сообщает: «Ныне же император Юстиниан этот Севастополис, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов». Впрочем, в XXVIII новелле Юстиниана, относящейся к тому же времени, сказано, что Севастополис должен быть причислен скорее к крепостям, чем к городам. К сожалению, при раскопках 1959 г. на территории Сухумской крепости следов расцвета города, падающего на третью четверть VI в., обнаружить не удалось. К соответствующему времени позднее была отнесе-

на лишь крепость III, занимающая центральное положение в общем комплексе построек Севастополиса¹⁷.

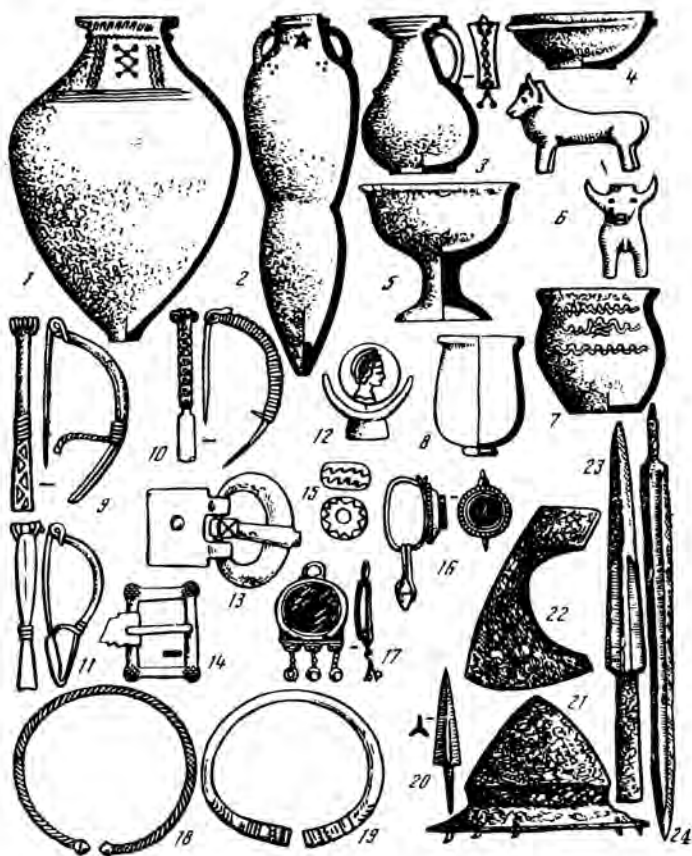
Главной особенностью крепости, расположенной, вероятно, на площади до 0,6 га, являются широкие прямоугольные выступы по углам, характерные для византийских крепостей VI—X вв. в Палестине и Северной Африке. Вполне вероятно, что к тому же строительному периоду относятся башни и ряд контрфорсов первого, наиболее раннего укрепления. Их кладка из булыжника и известняковых блоков на прочном растворе с примесью обломков кирпича близка к кладке крепости III.

О последующей истории Севастополиса известно очень мало. Автор VII в. Епифаний Константинопольский упоминает в одной из своих работ «Великий Севастополис». Сообщение о приморском городе Севастополисе содержится и у анонимного армянского географа конца VII в. Наконец, в описании епархии Константинопольского патриарха, относящемся к началу IX в., говорится, что «кафедра архиепископа Абасгии есть город Севастополис» (последний источник отражает ситуацию уже того периода, когда Аписилия полностью вошла в состав Абасгии)¹⁸.

В 20 км восточнее Сухуми находится очень интересный христианский памятник, который по своим размерам и возрасту в наибольшей мере мог бы отвечать запросам архиепископа Севастопольского. Речь идет о соборе (рис. VIII), расположенном на северной окраине села Дранда на возвышенном плато у обрыва к реке Кодор¹⁹.

Собор представляет собой крестовокупольное сооружение на четырех столбах (наибольшее распространение такого рода сооружения получили в VI—VII вв.). Восточный его фасад оформлен тремя пятигранными выступами-абсидами, заключающими в себе алтарь и соединенные с ним проходами боковые помещения — диаконник и жертвенник. В западной части храма им соответствуют два круглых помещения с глубокими полукруглыми нишами. С запада же примыкает обширное продольное помещение — нартекс — с хорами во втором этаже. Храм увенчан куполом, покоящимся на широком низком барабане. Стены, свод и купол храма сложены из красного кирпича.

При недавно проводившихся здесь реставрационных работах в перекрытии боковых помещений было обнаружено несколько десятков амфор середины VI в., что позволяет датировать собор позднеюстиниановским временем. Судя по всему, строительство храма велось византийски.

1 — пифос; 2 — амфора; 3 — кувшин; 4 — миска; 5 — ваза; 6 — полая фигура быка; 7 — горшок; 8 — сосуд; 9—11 — фибулы; 12 — перстень; 13, 14 — пряжки; 15 — пастовая бусина; 16 — серьга; 17 — кулон; 18, 19 — браслеты; 20 — наконечник стрелы; 21 — умбон от щита; 22 — топор; 23 — наконечник ножа; 24 — меч. Глина (1—7), стекло (8), бронза (9—14, 18, 19), серебро (16), золото (17), железо (20—24). Вторая половина IV—V в. Абхазский государственный музей

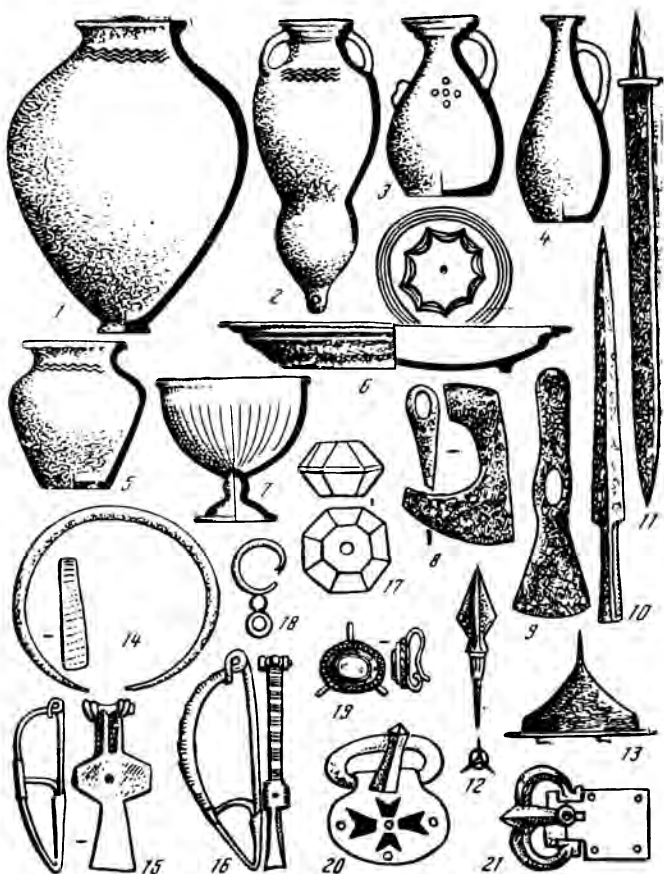

Рис. 28. Цебельда. Образцы местных и привозных (6, 7, 18—21) изделий:

1 — пифос; 2 — амфора; 3—4 — кувшины; 5 — горшок; 6 — краснолаковое блюдо; 7 — бокал; 8 — топор; 9 — мотыга; 10 — наконечник копья; 11 — меч; 12 — наконечник стрелы; 13 — умбон от щита; 14 — браслет; 15, 16 — фибулы; 17 — бусина; 18 — серьга; 19 — подвеска; 20, 21 — пряжки. Глина (1—6), стекло (7), бронза (14—16, 20—21), серебро (18, 19), горный хрусталь (17), железо (8—13). VI—VII вв. Абхазский государственный музей

объяснить трудно — у нас нет никаких данных о существовании здесь какого-либо населенного пункта.

Археологические источники²⁰ о Севастополисе рассматриваемого периода также весьма скудны. В восточной части древнейшей крепости Севастополиса обнаруже-

но большое количество кубиков от стенной мозаики, частично вмазанных в обломки штукатурки. Возможно, в VII в. здесь стоял христианский храм, украшенный мозаикой. Несколько найденных рядом христианских захоронений свидетельствуют о превращении значительной части крепости в кладбище и полной утрате ею бывшего стратегического значения.

Во второй половине VI—VII в. среди населения Севастополиса в неизмеримо большей степени, чем прежде, ощущается присутствие местного этнического элемента. Отдельные захоронения апсиров располагаются уже в непосредственной близости от крепости (район современного железнодорожного вокзала и др.).

На сохранение в VI—VII вв. значительного международного торгового рынка в Севастополисе указывают находки в могилах апсиров: стеклянная (рис. 28, 7), краснолаковая (рис. 28, 6) и лощеная (рис. 28, 4) глиняная посуда, византийские пряжки с плоской перегородчатой инкрустацией (рис. 28, 20) и с надписями (рис. IX), брошь в виде фигурки павлина, медальоны, серьги (рис. 27, 18), золотые и серебряные нательные кресты (с конца VI в.), бусы, монеты (рис. X). Среди изделий местных ремесленников продолжают бытовать пифосы (рис. 28, 1), амфоры с перехватом (рис. 28, 2), кувшинчики (рис. 28, 3), горшки (рис. 28, 5), железные топоры (рис. 28, 8), мечи (рис. 28, 11), наконечники копий (рис. 28, 10) и стрел (рис. 28, 12), умбоны для щитов (рис. 28, 13), мотыги (рис. 28, 9), бронзовые фибулы (рис. 28, 15, 16), пряжки (рис. 28, 21), серебряная подвеска с сердоликом (рис. 28, 19), распространяются граненые хрустальные бусы (рис. 28, 17).

В конце VII в. в описываемом нами районе появляются арабы. История римско-византийского Севастополиса на этом завершается.

ЦХУМ — СЕВАСТ — СУХУМ-КАЛЕ

Центр Цхумского эриставства

Впервые «Цхуми — город Апсолии» упоминается грузинским историком XI в. Джуаншером в числе восточнопричерноморских городов и крепостей, разоренных во время вторжения арабского полководца Мурвана-ибн-Мухаммеда в 737—738 гг.

Следующее упоминание о Цхуме относится к рубежу XII—XIII вв., когда он стал, по-видимому, одним из крупнейших приморских городов Грузинского царства, а также одной из летних царских резиденций. Автор труда «История и восхваление венценосцев», написанного в начале XIII в., сообщает, что «царица же Тамара зимой жила в Двине, летом в Коле и Цедис-дба, иногда же переходила в Абхазию — в Гегути и Цхуми»¹. В этот период Цхум является центром одной из наиболее значительных западных провинций Грузии — Цхумского эриставства, территория которого по побережью включала в себя современные Центральную и Северо-Западную Абхазию и, возможно, Сочинский, Туапсинский и Геленджикский районы.

В начале XIV в. мегрельский князь Георгий Дадияни занял часть Цхумского эриставства до Анакопии включительно, отеснив прежнего цхумского эристава Шервашидзе на северо-запад. В 1330 г. Георгий Блистательный предпринял попытку объединения грузинского царства. Вахушти сообщает, что очевидцы побед Георгия — эриставы Дадияни, Гуриели и Шервашидзе явились к нему с богатыми дарами. «После этого, — продолжает историк, — царь направился... в Абхазию, привел в порядок дела тамошние, занял крепости и, передав Цхумское эриставство Бедиэли, возвратился обратно»². С тех пор Цхумское эриставство входит составной частью в одно из крупнейших в Закавказье того времени политических образований — Сабедиано — с мегрельскими князьями Дадияни во главе.

Памятников материальной культуры города VIII—X вв. чрезвычайно мало. Слой этого времени в районе Сухумской крепости выявить не удалось — скорее всего здесь в те годы высились лишь груды развалин, густо поросших лесом и кустарником. Из архитектурных сооружений в окрестностях Сухуми к данному периоду могут быть отнесены небольшой храмик в поселке Тхубун на левом берегу Келасури да маленькая крепость Уаз-абаа в ущелье Гумисты. Последняя представляла собой дворик, окруженный крепостными стенами. Крепость имела две башни — главную (воротную) и в глубине двора. В воротной башне было четыре этажа, разделенных каменными и деревянными перекрытиями.

Поселений в непосредственной близости от города не обнаружено. Люди жили в основном в глубине Гумистинского ущелья (Каманы, Отсюш и др.). Их материальная культура изучена еще очень плохо, однако, судя по имеющимся данным, они активно занимались отгонным скотоводством. На всех высокогорных пастбищах прилегающих хребтов (Чедым, Дзыхва и др.) до сих пор сохранились развалины раннесредневековых каменных пастушеских хижин. Некоторые исследователи полагают, что в IX—X вв. был сооружен и так называемый замок Баграта (рис. XI) — на вершине холма на левом берегу Беслетки. Это предположение основывается на легенде, записанной во второй половине XIX в. Согласно легенде, замок Баграта возник в эпоху грузинских царей Баграта III (980—1014 гг.) или Баграта IV (1027—1072 гг.). Архитектурные же особенности укрепления, о чем речь пойдет ниже, заставляют относить его к более позднему времени.

Гораздо больше на берегах Сухумской бухты памятников последующей эпохи — развитого средневековья (рис. 29). Относительно расположения города Цхума в этот период интересные сведения содержатся у грузинского историка и географа XVII столетия Вахушти Багратиони. Он пишет, что к западу от Кодора течет Цхумская река. На реке в горах находится Цхуми, от которого и получила название река. В. И. Сизов, проводивший здесь в 1886 г. раскопки, отмечал: «Что же касается местности, лежащей на юг от Сухуми, по другую, левую, сторону Беслеты и близко от ее устья, где произведены были мною раскопки у казарм, то местность эта, включая сюда и замок Баграта, и ближайшие искусственно выров-

ненные террасы гор, принадлежит средневековому христианскому Сухуму, бывшему культурным и административным центром грузинского... владения в том крае; оно соответствует Цхуму грузинских летописей и Акуа — абхазцев...»³.

И действительно, результаты археологических раскопок, произведенных В. И. Сизовым, а также исследования последних десятилетий показывают, что на обширной плоскости мыса по левому берегу Беслетки в конце XI—XIII в. стояло множество деревянных зданий, разделенных улицами и переулками. Здесь же находились пристань, затем торговая площадь, а дальше, на окраине поселка, — кладбище. На господствующей над городом вершине на случай вражеских вторжений возвышалась цитадель — замок Баграта. От города, в глубь страны, вели дороги и тропы, соединявшие его с довольно многочисленными монастырями, феодальными поместьями и сельскими усадьбами в окрестностях.

О материальной культуре Цхума можно судить по разнообразным обломкам глиняной посуды, изделий из железа и камня и т. д. Широко использовались в рассматриваемое время большие хозяйственные сосуды — пифосы, которые теперь обычно закапывались на две трети в землю под деревянным навесом (в них хранили вино, воду, продукты), богатый ассортимент столовой посуды — кувшины (рис. 30, 2—4), миски, чашки — и кухонной — горшки, сковороды, кастрюли. Особенно интересны чашки, кувшины, светильники и другие изделия, поверхность которых украшалась разноцветной поливой и орнаментацией (рис. 30, 5—16). Привлекают внимание на такой посуде изображения людей, птиц, рыб и т. д.

Рис. 29. Схема размещения средневековых памятников: крепостей (обозначены квадратиками), храмов (обозначены крестиками), поселений (обозначены кружками) и Келасурской стены (обозначена волнистой линией) в окрестностях Себастополиса — Цхума VIII—XVII вв.

Посуда в основном завозилась издалека — из Крыма, Византии, Поволжья и, конечно, из других районов Закавказья (Грузии, Армении). Часть посуды, особенно с преобладанием зеленой поливы, вероятно, выходила из местных мастерских. В городе работали и свои кузнецы, изготовлявшие оружие (сабли, ножи и т. д.), сельскохозяйственные орудия (лемехи, мотыги), различные бытовые предметы (гвозди, шилья и т. д.). Особенное развитие получило производство наконечников стрел, отличавшихся разнообразием форм (рис. XII) и использованных технологических приемов. Найдена монета, отчеканенная в Константинополе в XII в.

Картину жизни города в XII—XIV вв. дают возможность представить раскопки 1954—1956 гг., проведенные в замке Баграта⁵. В первую очередь отметим, что ниже уровня строительного горизонта крепости найдены обломки пифосов, кувшинов и поливной керамики XI в. Тогда, видимо, укрепление имело лишь деревянные стены. В последующий период (не ранее конца XI—XII в.) были проведены основные работы по сооружению каменных стен. Об этом говорят их конструктивные особенности, находящиеся аналогии не среди местных памятников VII—XI вв. (Анакопия и др.), а среди восточнопричерноморских укреплений развитого и позднего средневековья.

Замок Баграта имеет в плане форму овала размером 65×27 м. С востока в крепость ведут ворота, облицованные тесаным известняковым камнем и защищавшиеся когда-то небольшой четырехугольной башней. В южной стене видна еще одна башня с каменным сводом и широким вылазным окном. Стены замка, за исключением северной, хорошо сохранились местами до высоты 10—12 м при толщине до 2—3 м. Они сложены из бута с использованием в облицовке крупного булыжника. Перед их возведением крепостной двор выравнивали, а по контуру будущих стен врезали в материк ступень глубиной до 4 м, на которую наклонно положили каменный пояс, охвативший как бы панцирем склоны холма. Толщина панциря не превышает 0,5 м, но его наклонная плоскость позволяла с большим успехом отбиваться от слишком близко подходивших врагов — брошенные сверху тяжелые камни, отскакивая от наклонного панциря, вносили в их ряды беспорядок. Со временем, однако, стены, утратив по мере размыва склона опору, начали сползать вниз.

Такая судьба постигла всю северную линию обороны укрепления.

Замок Баграта представлял собой крепость-убежище, где укрывалась привилегированная часть местного населения, в первую очередь, вероятно, цхумские эриставы Шервашидзе и их приближенные. На крепостном дворе обнаружены три погреба, в которых оказалось более 30 пифосов (рис. 30, 1) емкостью до 100—150 литров каждый. О том, что в крепости жило постоянное население, говорят многочисленные находки столовой (главным образом поливной) и кухонной посуды, обломков жерновов, каменных сковородок, пряслиц для веретен, шильев, керамических и железных шлаков.

Женщины вели домашнее хозяйство: пряли, готовили пищу, мололи зерно. Мужчины ковали оружие, изготавливали различные предметы обихода. Население замка занималось и скотоводством — здесь найдены кости коров, овец, лошадей и свиней. Внутри крепостных стен большинство строений были деревянными, однако имелись и каменные постройки, до нашего времени не сохранившиеся. Замок неоднократно подвергался нападениям, о чем говорит большое число разновременных железных наконечников стрел, найденных снаружи у основания стен. Не исключено, что в замке в начале XIII в. бывала царица Тамара.

В XI—XIII вв. в окрестностях города ведется большое культовое строительство. Появляются храмы и монастыри на склонах Сухумской горы, в ущельях рек Гумисты, Беслетки, Келасури⁶. Очень интересны остатки беслетского монастырского комплекса, включавшего храм, двухэтажное каменное здание и другие постройки. Наиболее выразительная часть комплекса — знаменитый Беслетский каменный мост (рис. XIII), смелой аркой переброшенный через ущелье.

Облицовку моста образуют тесаные, метровой длины блоки, перемежающиеся с кирпичными прокладками. Сам по себе мост очень прост — лишь арка длиной в 3,3 м и устои, удлиняющие мост еще на 22 м. На западной стороне моста видна надпись, высеченная в камне заглавными буквами древнегрузинского шрифта «асомтаврული»: «Христос, владыка, всячески... возвеличь в обеих жизнях...». К сожалению, имя того, по чьему распоряжению был построен мост, не известно. Возможно, это один из первых настоятелей Беслетского монастыря.

Рис. 30. Цхум. Образцы местных и привозных изделий:

1 — пифос; 2 — кувшин; 3, 4 — обломки ручек кувшинов с орнаментом; 5—16 — поливная посуда; 17 — медальон. Глина (1—16), бронза (17). XI—XIII вв. Абхазский государственный музей и Государственный исторический музей

От Келасурского монастыря сохранились развалины храма XI—XII вв., когда-то украшенного красочными фресками, каменная ограда с воротами и другие постройки. Дорога к монастырю, расположенному в глубине очень живописного ущелья, вела через скальный выступ над 60-метровым обрывом к реке. Древние строители возвели здесь мост, а внизу, в нише скалы, позднее построили

Рис. 31. Севастополис — Цхум. Образцы местных и привозных (4—9) изделий XIV—XVI вв.:

1—4 — кувшины; 5—9 — стеклянная посуда; 10 — монета Вамека Дадияни; 11 — пряжка; 12 — серьга; 13—17 — пряжка, пила, ножницы, нож, меч. Глина (1—4), стекло (5—9), серебро (10), бронза (11, 12), железо (13—17). Абхазский государственный музей

замок, в котором в случае опасности пряталось монастырское добро.

Резиденция протектора Генуи

В XIV в. Цхум из центра крупной области грузинского царства, как мы помним, превратился в периферийный

городок Сабедиано. Однако его выгодное географическое положение и тут не дало ему возможности остаться в стороне от важнейших событий последующих столетий. Утратив статус стольного города эриставов Шервашидзе, Цхум почти одновременно становится одним из важнейших пунктов генуэзской колонизации на побережье, крупным торговым центром. В это время городу возвращается его римское название в слегка измененном виде — Севастополис, под которым он затем фигурирует в источниках на протяжении 200 лет. Впрочем, это название на различных итальянских картах приводится в нескольких вариантах: Севастополис, Севастополи, Сканосколполи, Сант-Сабастьян, Севаст⁷.

1330 г. датируется письмо католического епископа Петра, отправленное из Севастополиса в Геную, из которого явствует, что в Севастополисе существует довольно значительная католическая община, конфликтующая с проживавшими в городе «восточными христианами». Древнейшее сообщение о присутствии в Севастополисе генуэзского консула относится к 1354 г.

Количество самих итальянцев в городе вряд ли превышало 100—150 человек при общей численности населения в 2000—2500. Генуэзцы вместе с представителями местной знати, купцами и ростовщиками составляли верхушечную эксплуататорскую прослойку — «жирный народ», которому противостоял «тощий народ» — основная масса населения: мелкие ремесленники, наемные рабочие, беднейшая прослойка. Среди торговцев Севастополиса, как и в других генуэзских колониях Причерноморья, было, вероятно, много армян, а также греков.

Генуэзские купцы скупали у жителей (в основном через местных феодалов) лес (особенно такие ценные породы, как самшит), мед, воск, звериные шкуры, продукты земледелия, скотоводства, домашнего ремесла. Взамен они продавали предметы роскоши, оружие, лошадей, продукцию ремесленного производства западноевропейских мастеров, например бронзовые шкатулки с гравировкой, и главным образом соль. Основными потребителями этих товаров являлись в первую очередь феодалы.

Наиболее важным источником доходов как той, так и другой стороны были рабы, которых генуэзские торговцы везли затем в Золотую Орду и почти на все невольничьи рынки Средиземноморья. Сведения о широко развитой работорговле на Севастопольском рынке восходят к концу

20-х годов XIV в. Рабы добывались местными феодалами во время набегов на территории соседей, а также отчасти и за счет порабощения собственных зависимых крестьян.

Развитие внутренней торговли и ремесла сопровождалось ростом денежного обращения (на северо-восточной окраине Сухуми в 1927 г. был найден золотой венецианский дукат). Широкое распространение получили серебряные подражания трапезундским аспрам (кирманеули) — в окрестностях города обнаружено несколько кладов таких монет, а также много отдельных их экземпляров⁸. На их лицевой стороне помещены стилизованное изображение царя и греческая надпись, сообщающая имена трапезундских императоров Мануила и Иоанна из династии Комнинов, а также «печать Соломона» — шестиконечная звезда; на обороте монеты изображен покровитель Трапезундской империи св. Евгений.

Во второй половине XIV в. к чеканке собственных монет приступил Вамек Даддани (1384—1396 гг.), владелец Сабедиано. Единственная известная пока его монета, представляющая собой уникальный образчик местного феодального чекана, найдена в составе клада кирманеули близ Сухуми. На лицевой ее стороне (рис. 31, 10) грузинским шрифтом «мхедрули» выбито имя Вамека, а на обороте — схематическое изображение св. Евгения с соответствующей греческой надписью. Не исключено, что выпуск этих монет осуществлялся севастопольскими ремесленниками, подобно тому как аспры, ходившие на рынках Северного Причерноморья, чеканились в местных генуэзских центрах, а их оформление (арабские надписи и т. д.) отражало местную политическую ситуацию. Интересно, что в итальянских источниках правители Сабедиано именуются иногда просто «князьями Севастополиса», а сам город — «Porto mengrello».

В XV в. Севастополис становится важнейшим торговым портом всего Восточного Причерноморья. Известный тверской купец Афанасий Никитин, в 1466—1472 гг. предпринявший путешествие в Индию, оставил любопытную запись следующего содержания: «А в Севастей губе (в Севастопольской бухте.— Ю. В.) да в Гурзыньской (грузинской.— Ю. В.) земле добро обильно всем»⁹.

Главным административным лицом в Севастополисе до середины XV в. являлся генуэзский консул. В статусе черноморских колоний, принятом в Генуе в 1449 г., о правах севастопольского консула сказано следующее:

«Постановляем и предписываем, что консул в Севастополисе имеет право взимать со всех вещей и товаров генуэзских, привозимых в то место, один процент со всего товара за ввоз и столько же за вывоз и что он обязан иметь и держать за свой счет способного письмоводителя, переводчика и рассыльного»¹⁰.

Вскоре Севастополис стал резиденцией протектора всех генуэзских факторий на побережье Кавказа. Не исключено, что именно к этому времени начинает назревывать какой-то конфликт у генуэзцев с владельцами Сабедиано. Серия документов свидетельствует о переговорах и договорах между обеими сторонами. Так, в письме консула генуэзской Каффы (современная Феодосия в Крыму) от 1 декабря 1465 г. говорится: «Мы очень довольны тем, что так хорошо уладилось дело с Бендиано, князем Мегрелии. Но если были у вас какие-либо расходы, то приказывают вам все сразу либо по частям разложить между купцами, которые будут торговать на его территории». В 1472 г. консулу в Каффе из Генуи писалось: «Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того края жить в дружбе и избегать случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с Бендиано князем Севастополиса»¹¹.

Однако прочный мир так и не наступил. Еще в 1453 г. под ударами турок пал Константинополь. Положение генуэзцев в Причерноморье все более осложнялось. Проливы оказались перекрытыми, торговля сворачивалась. Когда в 1455 г. решением генуэзского руководства на место протектора в Севастополисе был назначен патриций Филиппо Клаверенция, он категорически отказался принять должность, которая в прежние времена сулила бы ему большие выгоды. Вслед за ним отправиться в Севастополис отказались и семь других кандидатов. Удалось уговорить лишь некоего Герардо Пинели, который уже вскоре по прибытии в Севастополис сообщал в метрополию, что 28 июля 1455 г. абхазы напали на город и основательно его разграбили. Судя по всему, это князя Шервашидзе воспользовались каким-то конфликтом генуэзцев с владельцами Мегрелии. С 1473 г. всякие сведения о генуэзском консуле в Севастополисе в источниках исчезают. А через два года под ударами турок пала и Каффа — главная твердыня генуэзского владычества в Причерноморье.

Материальная культура XIV—XV вв. как на территории самого города, так и в его окрестностях представлена пока несколько слабее, чем культура предыдущего этапа. Несомненно, к этому времени относится часть находок из дотурецкого слоя в Сухумской крепости — многочисленные обломки пифосов и поливной посуды поздних форм, стеклянные браслеты и т. д.

Трудно еще сказать, где непосредственно располагалась резиденция консулов и протекторов в Севастополисе. Скорее всего они использовали подновленные укрепления римского Севастополиса. Возможно, тогда же восстанавливалась приморская стена (крепость II) в тех ее частях, где отмечено использование деревянных «лежней» вместо кирпичных прослоек, а также средняя башня, в которой найдены обломки керамики и других изделий, относящиеся к XIII—XIV вв.¹² Интересно, что и стены позднейшей крепости (обычно они связываются со строительной деятельностью турок) сложены в манере, близкой к той, в какой восстановлены фрагменты западной стены.

Упомянутая средняя башня до разрушения представляла собой многоэтажное четырехугольное в плане сооружение со стенами, прорезанными широкими арочными окнами и сложенными из тщательно оббитого булыжника. Облик башни скорее генуэзский, чем турецкий, — башнеобразные бастионы турецкого времени в северной части крепости имеют иную форму. Поэтому не исключено, что в стены турецкого времени составной частью вошли постройки генуэзцев.

По крайней мере до середины XV в. существовал многолюдный поселок на левом берегу Беслетки, функционировали и укрепления замка Баграта. Здесь найдены обломки пифосов, поливной посуды, стеклянных браслетов и других изделий.

XIV и первая половина XV в. характеризуются определенным подъемом экономики и культуры сельского окружения города. Во многих храмах и монастырях развивается строительство, идет ремонт, обновляются росписи. Появляются отдельные благоустроенные поместья с каменными зданиями и оборонительными комплексами (Мерхеули и др.), увеличивается число местных абхазских крестьянских усадеб, о существовании которых напоминают глиняные черепки, угольки, кости животных на пашнях. Усадьбы отстоят друг от друга на значительное расстояние (100—500 м).

Стены домов плелись из прутьев орешника, рододендрона и других растений, крыши покрывались соломой. Во дворах находились винные погреба — несколько зарытых по горло в землю глиняных пифосов, над которыми был деревянный навес. Землю обрабатывали с помощью деревянного плуга с железным наральником либо мотыгами. Вблизи усадеб располагались семейные кладбища.

Очень интересный могильник приусадебного типа исследован автором совместно с краеведами В. А. Юшиным и А. С. Вознюком в 2 км восточнее замка Баграта на холме Ахул-абаа. В погребениях обнаружен довольно богатый набор посуды, оружия и украшений. Обращают на себя внимание одноручные кувшины местного производства (рис. 31, 1—3), орнаментированные поясами насечек и многорядной волной, и привозные кувшины (рис. 31, 4) с узким высоким горлом; многочисленные сосуды (рис. 31, 5—7, 9) из зеленого или бесцветного стекла, украшенные разноцветными нитями и воротничками на высоких узких горлышках, скорее всего иранского происхождения; изящный бокал (рис. 31, 8) из белого стекла с сотовидными стенками, вероятно, завезенный гетуэзцами из Европы.

Железное оружие представлено мечами (рис. 31, 17) и ножами (рис. 31, 16). К последней группе находок относится парадное серебряное кольцо для натягивания тетивы лука, украшенное черным узором на щитке. Кольцо это, вероятно, иранского происхождения. Пояса имели железные (рис. 31, 13) и бронзовые (рис. 31, 11) пряжки, ременные наконечники и обоймочки. В погребениях женщин найдены стеклянные и сердоликовые бусы, бронзовые (рис. 31, 12) и серебряные серьги с подвесками, железные ножницы (рис. 31, 15) и серебряные монетки-кирманеули с просверленными для ношения на шее дырочками. В одном из погребений лежала железная пила (рис. 31, 14). Такое обилие сопровождающих покойников вещей указывает на определенное возрождение в местной среде языческих представлений о загробном мире.

В 1454 г. впервые на рейде Севастополиса появился турецкий флот. 50 кораблей доставили сюда армию под руководством Мурад-бея, подвергнувшего бомбардировке и основательному разграблению город. Хотя турки задержались здесь всего несколько дней, их действия в других районах Причерноморья губительно сказались на жизни Севастополиса. С трудом продержавшись на берегах Сухумской бухты еще 20 лет, генуэзцы навсегда покинули город, с этого момента надолго утративший свое значение крупного торгово-ремесленного центра.

Первый турецкий гарнизон на короткое время был размещен в Севастополисе в 1578 г., когда турки восстановили генуэзскую крепость¹³. Вероятно, в нем служил и некий Мехмед-ибн-Насух, умерший в 1598 г., — его могила с соответствующей турецкой надписью на надгробном камне до недавнего времени сохранялась на территории города¹⁴.

Где-то на рубеже XVI—XVII вв. регулярные турецкие войска надолго оставляют берега Сухумской бухты. На протяжении всего XVII в. здесь существует небольшой населенный пункт, являющийся одним из основных центров торговли турецких купцов с местным населением. Итальянский миссионер Жан де Люк в 1629 г. сообщал¹⁵, что абхазы «обладают очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходят суда из страны лазов, Трапезунда, Константинополя и Каффы и иногда зимуют здесь. Эта гавань называется Эскисумуни». Тот же автор приводит и два других наименования (Схисуммуни и Схисорнум) населенного пункта, в котором, по его словам, находилась резиденция Путо — правителя южной части Абхазского княжества. Де Люк добавляет, что в Абхазии вообще «городов нет, но много селений в горах».

Исследователи обычно локализуют «Старый Сумуни», как можно перевести это название, на месте позднесредневековой Гумистинской крепости, расположенной западнее Сухуми у устья Гумисты. Однако, поскольку около крепости нет никакой удобной гавани, надо думать, что де Люк имел в виду все тот же древний Цхум — Севастополис.

Торговля с турками велась довольно оживленно. По свидетельству источников XVII в., в Абхазию завозились домашняя утварь ручной работы (медные кувшины,

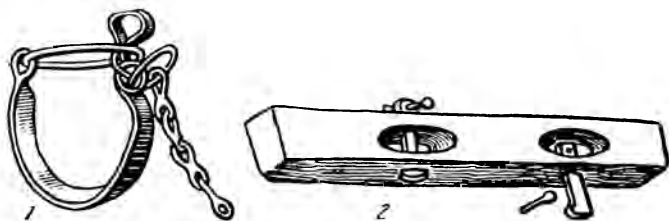

Рис. 32. Окрестности Сухум-кале. Ошейник (1) и колодки рабов (2).

Железо (1), дерево (2). XVII—XVIII вв. Зугдидский краеведческий музей

тазы, кружки и др.), оружие, дешевые и дорогие ткани, копченая рыба, соль. Предметом же вывоза были мед, нитки, воск, самшит и главным образом рабы, на которых надевали деревянные колодки (рис. 32, 2) и железные кандалы (рис. 32, 1).

Итальянский миссионер Арканджело Ламберти писал: «Сюда приезжает множество турецких купцов. Они привозят в большом количестве деньги и одежду, в которой нуждаются местные народы, и за это турки исключительно требуют невольников. Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам похищенных людей»¹⁶. О масштабах работорговли дает представление сообщение французского путешественника конца XVII в. Шардена. Он подсчитал, что ежегодно со всех восточнопричерноморских рынков вывозилось в среднем до 12 тыс. рабов.

События 30-летней абхазо-мегрельской войны (1628—1656 гг.) сказались и на истории Эскисумуни. Побывавший в эти годы в Мегрелии иерусалимский патриарх Досифей свидетельствовал, что «абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну от Диоскурии до Гипиуса».

В непосредственной близости от города в то время Леван Дадиани ведет строительство Келасурской стены, а на западной оконечности Сухумского мыса появляется Гумистинская крепость. Неоднократно в окрестностях города высаживаются турецкие десанты. Однако все эти события в источниках обычно не связываются с самим городом, что должно объясняться, по-видимому, полным его запустением.

В 1724 г. турки, восстановив и перестроив стены Сухумской крепости, разместили здесь свой гарнизон. Над главными восточными воротами крепости, теперь разрушенными, они установили следующую высокопарную надпись: «В благополучное правление его величества

царя царей, великого султана, которого высочайший двор и держава нимаю не уступают державе Александра Македонского и Дария — счастливого царя, блистающего на земле красотою, народами, славою и правосудием, и при любезном зяте сего царя, верховном визире государства, против всех врагов и злодеев, по высочайшей воле и выстроена сия великая и неприступная крепость, твердостью подобная большой птице Сунне, летающей высоко на Кавказской горе»¹⁷.

Появление постоянного турецкого гарнизона в Сухумской крепости вызвало возмущение местного населения. Дважды, в 1725 и 1728 гг., абхазы предпринимали отчаянные, но безуспешные попытки взять крепость штурмом. В 1733 г. им удалось наконец обратить турок в бегство, но не надолго — вскоре турецкий гарнизон снова разместился на берегах Сухумской бухты.

М. Пейсонель, французский консул в Смирне середины XVIII в., писал: «Порта назначает в эту страну своего бея, называемого беем абазинцев, который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Резиденция бея находится в Сухуме. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею, а лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению». М. Пейсонель следующим образом описывает Сухум того времени: «Небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит из янычар под командованием двухбунчужного пашы»¹⁸.

В 1771 г. абхазы под руководством Левана Шервашидзе вновь осадили и взяли штурмом Сухумскую крепость, однако через несколько месяцев снова уступили ее туркам. По этому поводу полстолетия спустя французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере писал: «Если бы, изгнав турок, князь продолжали бы действовать дружно, они смогли бы утвердить свою независимость, но они обессилены раздорами, и Леван вынужден был продать туркам крепость Сухум-кале за двадцать турецких мешков, или десять тысяч пиастров (24 тысячи франков);

турки охраняли эту крепость своими янычарами только три года и затем покинули, как бесполезную для них местность»¹⁹.

Рассказывая о тех же событиях, автор второй половины XVIII в. Яков Рейнеггс сообщал, что Леван передал янычарам крепость Сагуми, которая могла бы рассматриваться как ключ к Западному Кавказу, особенно если бы ее защищала Акуа, или Аку, находящаяся на уступообразной обрывистой скале. Это одно из самых ранних сообщений об употреблении топонима «Акуа», которым и теперь абхазы называют город Сухуми. В конце 1770 г. капитан Языков, которому было поручено составить записку о состоянии Мегрелии, вместо Сухумской крепости назвал крепость Аку, «в которой турецкий гарнизон и все обитатели турки».

Таким образом, в XVIII в., помимо окончательно укрепившегося здесь наименования Сухум-кале, осмысленного турками как трехсоставное: «су» — вода, «хум» — песок, «кале» — крепость, город носил более древнее, но, несомненно, лежавшее в основе турецкого, название Цхом — Цхум — Сагуми, к которому добавилось еще одно — Акуа.

Относительно этимологии топонима «Цхум» — Сухум пока полной ясности не достигнуто. В. И. Сизов полагал, что он возник на основе грузинского префикса «са» в значении «у», «около» и абхазского топонима «Гума», который до сих пор сохраняется в названии протекающей рядом реки Гумисты, а в старину обозначал значительную территорию позади современного Сухуми. Что касается последнего наименования — Акуа, то оно появилось, по-видимому, в один из периодов полного запустения города — в основе его исследователи видят слово «кэа», что в переводе с абхазского означает «тухлый», «пахнущий серой». Так называлась в старину река Сухумка, в верховьях которой действительно находился небольшой сернистый источник²⁰.

Культурные наслоения турецкого времени в Сухумской крепости невелики²¹: обломки кирпича, черепицы, водопроводных труб, кухонной и столовой посуды, курительные трубки, монеты, кости животных и т. д.

В средней части северной стены первой крепости Севастополиса, уже вне стен турецкой крепости, было раскопано небольшое каменное сооружение полуподвального типа, при расчистке которого археологи обнаружили,

помимо других предметов, большое число орнаментированных керамических турецких курительных трубок, в связи с чем помещение получило условное название «турецкая кофейня». Немало таких же трубок найдено и при раскопках в Гумистинской крепости на западной окраине города. Трубки встречаются на многих средневековых поселениях в окрестностях города вплоть до Цебельды, указывая на довольно глубокое проникновение обычая курения в местную среду еще в XVIII в.

В конце XVIII в. владетельный князь Абхазии Келешбей Шервашидзе перенес свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость. Тогда она еще целиком сохраняла прежний вид, сложившийся при турках, — четырехугольник стен, пятиугольные бастионы, выступавшие по углам, ворота в восточной и южной стенах, глубокий ров вокруг. Основные жилые и хозяйственные постройки группировались в юго-западной части крепости. Трехэтажный деревянный дом князя был пристроен к степе, обращенной к морю. Рядом находились продовольственные склады. Пороховой погреб помещался у середины той же стены в древней каменной башне со сводчатым кирпичным потолком. В крепости имелось четыре колодца, но вода поступала и по керамическому водопроводу (со стороны современного Ботанического сада). Восточнее, напротив главных крепостных ворот, располагалось поселение — скопление деревянных домиков, а также кладбище. Море и тогда уже наступало на крепость, подмывая восточный бастион²².

В 1805 г. Келешбей решает наконец порвать с блистательной Портой и присоединить свою страну по примеру грузинских царей Ираклия II и Соломона I к России. Поводом для размолвки с султаном послужило предоставление Келешбеем убежища в Сухумской крепости мятежному трапезундскому наместнику Таяр-паше. На грозное требование султана выдать пашу или прислать его голову Келешбей ответил, что закон гостеприимства не позволяет ему выдать гостя, а сам тотчас же обратился к русскому царю Александру I. Однако назревавшая война России с Наполеоном отсрочила присоединение Абхазии к России.

25 июля 1806 г. у стен Сухумской крепости появился турецкий флот, в задачу которого входила расправа с непокорным абхазским князем. Но турки не решились на

штурм — артиллерия крепости была готова открыть огонь по агрессорам, а рядом на берегу собралось 25 тыс. вооруженных абхазов и их союзников — убыхов и абазинцев, которых Келешбей призвал на помощь.

Два года спустя, 2 мая 1808 г., Келешбей был убит на пороге своего дома младшим сыном Асланбеем, передавшим крепость в руки турок. Старший же сын Келешбея, Сафарбей (Георгий) Шервашидзе, продолжал политику своего отца, в результате которой 17 февраля 1810 г. был подписан манифест о присоединении Абхазии к России, а в июне того же года в Сухумской крепости размещился русский гарнизон²³. И постепенно начал расти вокруг этой крепости новый город, пятый по счету, первый по размерам и значению.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. КОГДА КНИГА БЫЛА УЖЕ НАПИСАНА

Ранней весной 1976 г. маршруты археологов вновь пролегли по правому и левому берегам реки Мачары вдоль Военно-Сухумской дороги. Мой спутник, студент Сухумского педагогического института Слава Лакоба, тщательно просматривает каждый метр в поисках палеолитических орудий. Их нет, но зато всюду под ногами бурыми пятнами проступают обломки керамических сосудов. Здесь подбираем донышко амфоры, а там из стенки недавно проложенной бульдозером террасы выступает совершенно целый кувшин. Аккуратно расчищаем его ножом и находим тут же бронзовый колокольчик. Рядом, прямо на поверхности, лежат обломки бронзовых браслетов, железный нож, фрагменты чернолакового сосуда. Перебираемся на соседний холм, и снова интересные находки. Слышим чьи-то голоса, спускаемся к домам крестьян и получаем в подарок целый набор древних железных изделий — топоры, наконечники копий, сельскохозяйственные инструменты.

Каждый год раскопок на Эшерском городище приносит новые любопытные факты из жизни Диоскуриады. Кандидату исторических наук Г. К. Шамбе есть чем гордиться — порой его находки просто уникальны. Вот многочисленные обломки бронзовой доски с древнегреческой надписью, вот золотая пластинка с изображением какого-то мифического рогатого существа, вот амфора с чернофигурной росписью, вот целый лабиринт разновременных каменных фундаментов, а рядом захоронения костей с уздечками, украшенными по иранскому и скифскому обычаям. Отодвигаются в глубь веков даты появления первых греческих поселенцев в Северной Колхиде, открываются картины яростного штурма оборонительных стен города в I в. до н. э., все ярче вырисовывается история экономических и культурных контактов древней Абхазии с античным миром,

Телефонный звонок... Спешу по срочному вызову через Сухумский дендропарк, мимо бронзового бюста его основателя Н. Н. Смецкого к вершине холма, где поднялся новый корпус санатория. Здесь заложено несколько свежих котлованов для установки бетонных опор. Рабочие наткнулись на мощный слой древних обломков, уходящих на глубину свыше 4 м. Спускаюсь на дно ямы и осматриваю находки — обломки чернолаковых сосудов V — IV вв. до н. э., привозных амфор и черепицы, местных пифосов и кувшинов, каменную вымостку. Слушаю рассказы о том, как при закладке фундамента санатория в 30 м выше было обнаружено захоронение воина с железным оружием, разнообразной посудой и «золотым обручем». Вспоминаю предание о том, что еще в начале века в этом же месте при закладке парка нашли несколько золотых предметов и среди них массивный браслет с львиными головками, который Н. Н. Смецкой будто бы отвез в Москву. Хотя дальнейшая судьба этих находок неизвестна, можно теперь с уверенностью говорить о локализации еще одного значительного могильника античной эпохи в непосредственной близости от Диоскуриады.

Ереван. Май 1976 г. Международная конференция античников социалистических стран. С большим интересом госпринимаются сообщения о новых открытиях в окрестностях Батуми, в низовьях Риони, на Эшерском городище. Вновь возникает спор о путях и формах греческой колонизации Колхиды, об облике восточнопричерноморских античных городов, о взаимоотношениях греко-римских колонистов с местными племенами. Уже давно стало традицией при обсуждении всех этих очень серьезных вопросов широко привлекать историю Диоскуриады — Себастополиса. И здесь, в Ереване, с особой силой выявилась значимость материалов, добытых на территории и в окрестностях Сухуми в последние годы. Они зовут к пересмотру старых представлений и гипотез, создают качественно новую, теперь уже прочную фактологическую базу для суждения о многих страницах очень интересной истории города, основанного на берегах Сухумской бухты 2500 лет назад.

Введение

- ¹ Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. — В кн.: Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе. М., 1879, с. 15.
- ² Введенский А. Н. Замечания на записку В. Чернявского. — В кн.: Протоколы подготовительного комитета..., с. 126.
- ³ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии. — МАК, II, 1889, с. 19.
- ⁴ Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года. — ИАНО, IV, 1926, с. 6—18.
- ⁵ Иващенко М. М. О местонахождении Диоскурии древних. — ИАНО, IV, 1926, с. 93—103.
- ⁶ Соловьев Л. Н. Диоскурия — Севастополис — Цхум. — ТАГМ, I, 1947, с. 99—145; *Он же*. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. — СА, XIX, 1950.
- ⁷ Трапш М. М. Древний Сухуми. — Тр. II. Сухуми, 1969, с. 1—373; см. также: Халиков А. Х. Первый археолог-абхазец М. М. Трапш и его библиография. — МАИА, 1971, с. 5—10.
- ⁸ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии — Севастополиса. — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963, с. 209—235.
- ⁹ Трапш М. М. Раскопки древнего Севастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963, с. 236—253.
- ¹⁰ Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса. — СА, 1960, № 3, с. 171—179.
- ¹¹ Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. — СА, 1966, № 1, с. 203—210.
- ¹² Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964; Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968; Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970; Ломдзури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962; Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на сухумском светильнике. — ТАИ, XXVIII, 1957; Лордкипанидзе М. Н. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э.: (Вопросы взаимоотношений с греческими мастерскими). Тбилиси, 1975; Пугуридзе Р. В. Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости. — МАГК, IV, 1965; Голенко К. В. Монеты из находок в Сухумской крепости (1952 г.). — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963.

- ¹¹ Пачулиа В. П. В краю золотого руна. М., 1968, с. 12—23; Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами. Сухуми, 1967, с. 5—64.
- ¹⁴ Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище.— СА, 1972, № 1, с. 103—121; Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. Полевые археологические исследования в 1974 году: (Краткие сообщения). Тбилиси, 1976, с. 107—108; Он же. Эшерское городище и некоторые вопросы истории Диоскурии.— В кн.: Тезисы докл. XIV Международной конф. античн. стран. Ереван, 1976, с. 490—491; Он же. Работы в низовьях Гумисты в Абхазии.— АО 1975 года. М., 1976, с. 495—496.
- ¹⁵ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 50—63; Он же. К изучению керамического производства Диоскуриады.— СА, 1977, № 2, с. 162—171.
- ¹⁶ Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей.— Тр. III. Тбилиси, 1971, с. 1—255; Шамба Г. К. Ахаччарху — могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, с. 3—52; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 1—160.
- ¹⁷ Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды.— В кн. Античное общество: (Тр. конф. по изуч. проблем античности). М., 1967, с. 169—170; Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 217.
- ¹⁸ Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида, с. 160.
- ¹⁹ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды, с. 143.
- ²⁰ Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды, с. 61.
- ²¹ Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 155; Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида.— В кн.: Тезисы докл. XIV Международной конф. античн. стран. Ереван, 1976, с. 77.
- ²² Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 212.
- ²³ Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией.— СМОМПК, 43, 1913, с. 129.
- ²⁴ Черняевский В. И. Из исследований в Юго-Западном Закавказье. II. Доказательства колебаний западного побережья Кавказа в течение исторических времен: Следы городов, погребенных в наносах.— ИКОИРГО, XIII, 1877, с. 28.
- ²⁵ Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г.— ИАК, 33, 1909, с. 73.
- ²⁶ Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958, с. 323.
- ²⁷ Черняевский В. И. Из исследований в Юго-Западном Закавказье, с. 25.
- ²⁸ Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами, с. 23—24.
- ²⁹ Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады).— В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми, 1974, с. 29.
- ³⁰ Воронов Ю. Н. Келасурская стена.— СА, 1973, № 2, с. 98—115.
- ³¹ Соловьев Л. Н. Диоскурия — Севастополис — Цхум, с. 137.
- ³² Лашхия Ш. В. О современных изменениях береговой линии Абхазии.— ИАН СССР. Сер. геол., 1956, № 12, с. 21—28.
- ³³ Шервашидзе Л. А. Повесть о

городе, взятом волнами, с. 28—31.

⁸⁴ *Зенкович В. А.* Берега Черного и Азовского морей, с. 322—323.

⁸⁵ *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря, с. 17.

Глава I. Город близнецов Диоскуров

¹ *Воронов Ю. Н.* Материальная культура гениохийских племен в VI—I вв. до н. э.— В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми, 1974, с. 74—75.

² *Лордкипанидзе О. Д.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, с. 63—64; *Трапш М. М.* Древний Сухуми.— Тр. II. Сухуми, 1969, с. 217.

³ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, с. 133—192; *Соловьев Л. Н.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.— СА, XIV, 1950, с. 265—286; *Каландадзе А. Н.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, с. 83—87; *Лукин А. Л.* Эшерская паходка.— ТАИ, XXVII, 1956, с. 126—177; *Бжания В. В.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии.— СА, 1966, № 1, с. 113—126; *Трапш М. М.* Древний Сухуми.— Тр. II. Сухуми, 1969, с. 13—208; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 27—36.

⁴ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы и Кавказ.— В кн.: Тезисы докл. сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной науч. сессии, посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 38,

⁵ *Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 232.

⁶ *Инадзе М. П.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1969, с. 48—58.

⁷ *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 220—222, 227—230.

⁸ *Каландадзе А. Н.* Археологические памятники Сухумской горы, с. 81—87; *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 230—284; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии, с. 50—59; *Он же.* Об Эшерском городище.— СА, 1972, № 1, с. 103—120; *Он же.* Вооружение древнеабхазских племен..., с. 220—231.

⁹ *Воронов Ю. Н.* К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии.— ВДИ, 1968, № 3, с. 133—142.

¹⁰ *Анакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д.* Новые материалы к археологии Диоскурии—Себастополиса.— ТАИ, XXXIII / / XXXIV, 1963, с. 221—222; *Трапш М. М.* Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.— Там же, с. 243.

¹¹ *Воронов Ю. Н.* Об Эшерском городище, с. 103—120; *Шамба Г. К.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера.— ИАИ, 1, 1972; *Он же.* О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района.— ИАИ, II, 1973, с. 181—190; *Он же.* Мегарские чаши Эшерского городища.— ИАИ, IV, 1975; *Он же.* Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.).— ИАИ, VI, 1977, с. 127—130; *Он же.* Предварительные итоги работ на Эшерском городище.— КСИА, 151, 1977, с. 23—29.

¹² *Шамба Г. К.* Сюрпризы Эшера

ского городища.— Советская Абхазия, 1976, 21 авг.

- ¹³ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, I, с. 21–55; *Каландадзе А. Н.* Археологические памятники Сухумской горы, с. 77–83; *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 219–227; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии, с. 50–59; *Он же.* Вооружение древнеабхазских племен..., с. 220–231.

- ¹⁴ *Воронов Ю. Н.* К изучению керамического производства Диоскуриады.— СА, 1977, № 2, с. 162–165.

- ¹⁵ *Брашинский И. Б.* Синопа и Колхида (к проблеме греческой колонизации юго-восточного Причерноморья).— КБС, IV, 1973, с. 186–187; *Шамба Г. К.* Амфорные клейма Диоскурии.— ИАИ, V, 1976, с. 151.

- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 470.

- ¹⁷ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 149.

- ¹⁸ *Дундуа Г. Ф.* К происхождению колхидок с изображением льва.— Мацне. Сер. истории, археологии и этнографии, I. Тбилиси, 1972, с. 56–73; *Болтунова А. И.* Колхидки.— ВДИ, 1973, № 4, с. 97.

- ¹⁹ *Голенко К. В.* Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, с. 17–18.

- ²⁰ *Лордкипанидзе Г. А.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 17–22; *Голенко К. В.* К датировке монет Диоскуриады.— В кн.: Нумизматический сборник памяти Д. Г. Капанадзе. Тбилиси, 1977, с. 57–63.

- ²¹ *Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д.* Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса, с. 211–221.

- ²² *Воронов Ю. Н.* Об Эшерском городище, с. 103–120.

Глава II. Великий Себастополис

- ¹ *Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д.* Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса.— ТАИ, XXXIII / //XXXIV, 1963, с. 221; *Трапш М. М.* Древний Сухуми.— Тр. II. Сухуми, 1969, с. 309, 354–360; *Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н.* Исследование древнего Себастополиса.— СА, 1960, № 3, с. 171–179; *Леквинадзе В. А.* Оборонительные сооружения Себастополиса.— СА, 1966, № 1, с. 203–210.

- ² *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья.— ВДИ, 1964, № 2, с. 138–140.

- ³ *Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д.* Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса, с. 218–221; *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 304–309.

- ⁴ *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 314.

- ⁵ *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 192.

- ⁶ *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 372.

- ⁷ *Ломоури Н. Ю.* К вопросу о характере римского влияния в Восточном Причерноморье.— В кн.: Тезисы докл. XIV международной конф. античников соц. стран. Ереван, 1976, с. 233.

- ⁸ *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 140–141.

- ⁹ *Голенко К. В.* Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, с. 24.

- ¹⁰ *Леквинадзе В. А.* «Понтийский лимес».— ВДИ, 1969, № 2, с. 81–88.

- ¹¹ *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 303.

- ¹² *Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д.* Новые материалы к археологии Диоскурии — Себастополиса, с. 217—218; *Трапш М. М.* Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963, с. 240—251; *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 298—362.
- ¹³ *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 314—359.
- ¹⁴ *Кауцхивили С. Г.* Греческая надпись на Сухумском святильнике. — ТАИ, XXVIII, 1957, с. 228; *Ельницкий Л. А.* Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. — СА, 1962, № 4, с. 231; *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 348—349.
- ¹⁵ *Ельницкий Л. А.* О малонзученных или утраченных греческих и латинских надписях..., с. 114—115.
- ¹⁶ *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины, с. 18—46, 141—145.
- ¹⁷ *Леквинадзе В. А.* О постройках Юстиниана в Западной Грузии. — ВВ. 34, 1973, с. 173.
- ¹⁸ *Трапш М. М.* Древний Сухуми, с. 307—308, 313.
- ¹⁹ *Павлинов А. М.* Экспедиция на Кавказ 1888 года. — МАК, III, 1893, с. 1—29.
- ²⁰ *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины, с. 151.
- 1975, с. 151—171; *Бгажба О. Х.* Замок Баграта. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 255—260.
- ⁶ *Пачулия В. П.* Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968, с. 77—79.
- ⁷ *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 235—248.
- ⁸ *Капанадзе Д. Г.* Грузинская нумизматика. М., 1955, с. 93—98.
- ⁹ *Баранов Л.* Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1939, с. 74.
- ¹⁰ *Зевакин Е., Пенчко Н.* Очерки по истории генуэзских факторий на Западном Кавказе в XIII и XIV вв. — Ист. зап., 1938, № 3, с. 112—113.
- ¹¹ Там же, с. 114.
- ¹² *Трапш М. М.* Древний Сухуми. — Тр. II. Сухуми, 1969, с. 300.
- ¹³ *Соловьев Л. Н.* Диоскуриада — Севастополис. — Цхум. — ТАГМ, I, 1947, с. 143.
- ¹⁴ *Бгажба Х. С.* Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967, с. 27.
- ¹⁵ *Люк Ж. де.* Описание перекопских и ногайских татар (ок. 1625 г.) — ЗООИД, XI, 1879, с. 492—493.
- ¹⁶ *Ламберти А.* Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. — СМОМПК, 43, 1913, с. 82.
- ¹⁷ *Нордман А. Д.* Путешествие по Закавказскому краю. — ЖМНП, XII, 1838, с. 404.
- ¹⁸ *Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах. Краснодар, 1927, с. 29.
- ¹⁹ *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, I, с. 117.
- ²⁰ *Шакирбай Г. З.* Значение ос-

Глава III. Цхум — Севаст — Сухум-кале

- ¹ История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954, с. 87.
- ² *Вахушти.* Жизнь Грузии. Тифлис, 1885. т. I, с. 277—278.
- ³ *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии. — МАК, II, 1889, с. 19.
- ⁴ Там же, с. 9—49.
- ⁵ *Трапш М. М.* Материалы по археологии средневековой Абхазии. — Тр. IV, Сухуми,

новы кеа в топонимии Абхазии.— В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 171–177.

- ²¹ Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 302; Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса.— СА, 1960, № 3, с. 175.

²² Соловьев Л. Н. Диоскурия — Севастополь — Цхум, с. 144–145.

- ²³ Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960, с. 1–61.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИ	— Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН	— Известия Академии наук СССР
ИАНО	— Известия Абхазского научного общества
ИКОРГО	— Известия Кавказского отдела Русского географического общества
КБС	— Кавказско-Ближневосточный сборник
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
МАГК	— Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАИА	— Материалы по археологии и искусству Абхазии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
СА	— Советская археология
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТАГМ	— Труды Абхазского государственного музея
ТАИ	— Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	От редактора	3
	Вместо предисловия	6
	Введение. Топография. Поиски. Гипотезы.	8
	Немного географии	8
	История поиска	12
	Город и море	17
Глава I.	Город близнецов Диоскуров	27
	Страна гениехов	27
	Первые греки на берегах Сухумской бухты	36
	Расцвет Диоскуриады	47
	Под властью Митридата Понтийского . .	68
Глава II.	Великий Севастополис	77
	Звено Понтийского лимеса	77
	На закате Римской империи	89
	Юстинианово внимание	95
Глава III.	Цхум — Севаст — Сухум-кале	101
	Центр Цхумского эриставства	101
	Резиденция протектора Генуи	107
	«Вода — песок — крепость»	113
	Вместо заключения. Когда книга была уже написана	119
	Примечания	121
	Список сокращений	126

Юрий Николаевич Воронов

ДИОСКУРИАДА—СЕБАСТОПОЛИС—ЦХУМ

Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства **Н. В. Шевеленя**

Художник **М. М. Бабенков**

Фотографии **В. С. Орелкина**

Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**

Технический редактор **В. Д. Прилепская**

Корректоры **Л. С. Агапова, Л. И. Карасева**

ИБ № 7417

Сдано в набор 1.04.80

Подписано к печати 12.08.80

Т-12732. Формат 84×108¹/₁₆.

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 7,14 Уч.-изд. л. 7,5

Тираж 35 800 экз. Тип. зак. 2997

Цена 45 коп.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

ГОТОВИТСЯ

К ПЕЧАТИ

КНИГА:

МАССОН В. М., САРИАНИДИ
В. И. Родина Зороастра.— М.:
Наука, 1980, 10 л.

О том, где находилась родина легендарного Зороастра, с именем которого связывают возникновение одного из религиозно-философских учений, исследователи высказывают различные предположения. Новейшие археологические материалы, полученные в ходе многолетних работ на юге Средней Азии, позволяют сделать вывод, что он жил в Бактрии, которая занимала юг Средней Азии и север Афганистана.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по адресу:
МОСКВА В-164, Мичуринский проспект
12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»:

ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская
ул. 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Аляма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005
Днепропетровск, проспект Гагарина,
24; 734001 Душанбе, проспект Ле-
нина, 95; 375009 Ереван, ул. Туманяна,
31; 664033 Иркутск 33, ул. Лермонтова,
303; 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
192104 Ленинград Д-120, Литейный
проспект, 57; 199164 Ленинград, Мен-
делеевская линия, 1; 199004 Ленин-
град, 9 линия, 16; 103009 Москва,
ул. Горького, 8; 117312 Москва, ул. Ва-
вилова, 55/7; 630076 Новосибирск, Крас-
ный проспект, 51; 630090 Новоси-
бирск, Академгородок, Морской про-
спект, 22; 700029 Ташкент, Л-29,
ул. Ленина, 73; 700100 Ташкент,
ул. Шота Руставели, 43; 634050 Томск,
наб. реки Ушайки, 18; 450075 Уфа,
Коммунистическая ул., 49; 450075 Уфа,
проспект Октября, 129; 720001 Фрунзе,
бульвар Дзержинского, 42; 310003 Харь-
ков, Уфимский пер., 4/6.